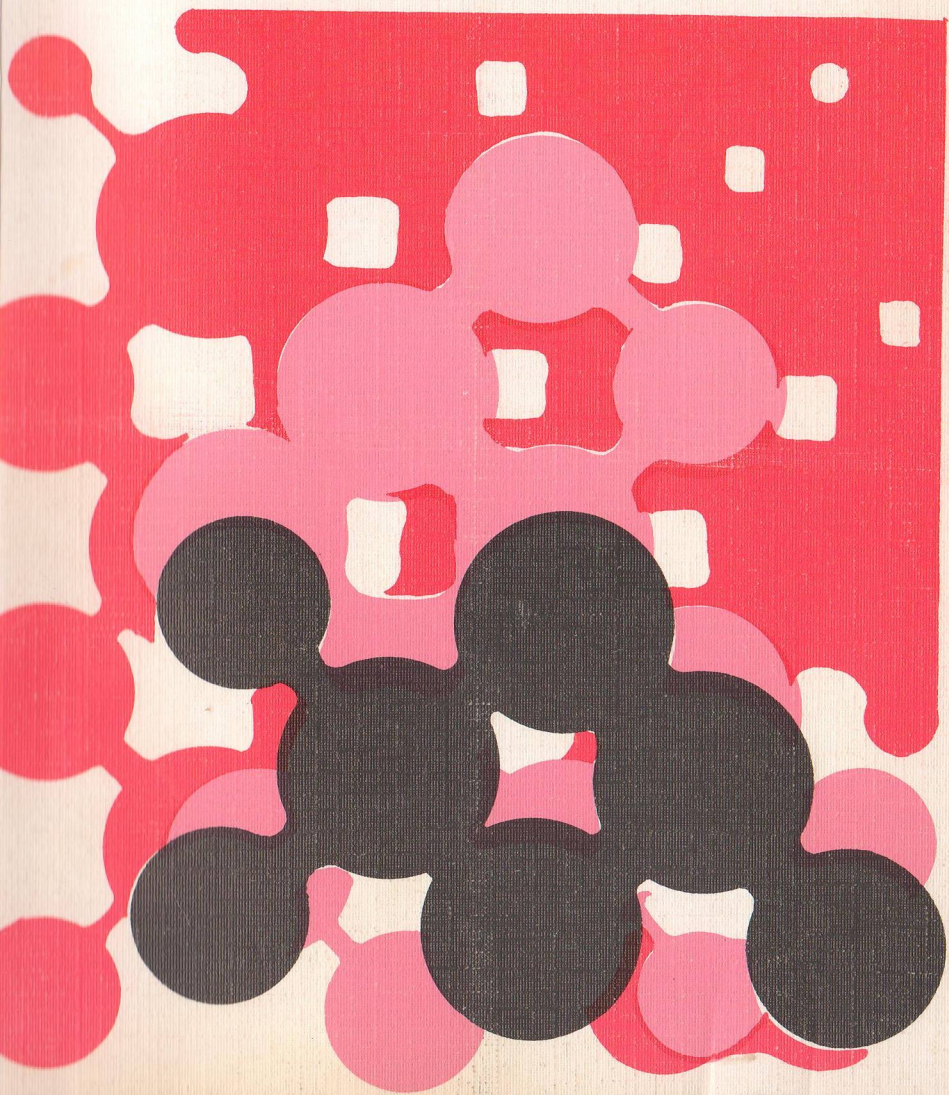

Е.С. ЛЕВИНА

**БАВИЛОВ,
ЛЫСЕНКО,
ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ ...**

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

Фонд имени Н.И. Бухарина

Елена Соломоновна Левина кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН. После окончания биологического факультета МГУ длительное время работала в Институте молекулярной биологии АН СССР, в лаборатории академиков А.А. Бабаева и А.Д. Мирзабекова. В 1984 г. по приглашению члена корреспондента С.Р. Микулинского она переходит в Институт, где работает по сегодняшний день. Основным предметом ее деятельности являлась подготовка изданий к 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова, а в дальнейшем изучении истории становления новых направлений в биологической науке XX века, анализ проблем взаимодействия научного сообщества и государственного аппарата, судьба идеологов и организаторов научных школ.

Е.С. Левина – автор свыше 50 работ, опубликованных в отечественных и зарубежных научных изданиях, в том числе таких научных сборниках как “Научное наследство”, “Ученые России”, “Репрессированная наука”.

Е.С. ЛЕВИНА

**ВАВИЛОВ,
ЛЫСЕНКО,
ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ...**

**БИОЛОГИЯ В СССР: ИСТОРИЯ
И ИСТОРИОГРАФИЯ**

**МОСКВА
«АИРО-XX»
1995**

УДК 57

ББК 28(2)Г

Л 36

Международный Совет серии издательских программ
«АИРО - XX»

Г.А. Бордюгов (главный редактор),
А.И. Ушаков (исполнительный директор),
Д.А. Аманжолова ("Исторический архив"),
Д. Байрау (Тюбингенский университет, Германия),
Д.Л. Бабиченко (РЦХИДНИ),
Б. Бонвеч (Рурский университет, Германия),
Р. Бургер (Московский Центр Фонда Карнеги),
А.Ю. Ватлин,
Л.С. Гагагова (Институт российской истории РАН),
П. Гобл (Фонд Карнеги, США),
Г. Горцка (Кассельский университет, Германия),
А. Грациози (Университет Неаполя, Италия),
Р.У. Дэвис (Бирмингемский университет, Великобритания),
Е.Ю. Зубкова (Институт российской истории РАН),
С. Козн (Принстонский университет, США),
Дж.Д. Морисон (Лидский университет, Великобритания),
Н. Неймарк (Стенфордский университет, США),
О.В. Хлевнюк ("Свободная мысль"),
Я. Хоуллетт (Кембриджский университет, Великобритания),
С.В. Цакунов (МГУ),

ЛЕВИНА Е.С.

Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. — М.: «АИРО - XX», 1995. —

В книге подводятся итоги многолетнего исследования истории становления новых направлений в отечественной биологической науке, проблемы взаимоотношений науки и власти в советское время, судьба выдающихся ученых XX века и их непримиримых противников.

Л 0503020000-008 Без объявл.
4621(03)-95

ISBN 5-88735-005-9

© Е.С.Левина, 1995
© "АИРО - XX", 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы историографии истории отечественной биологии советского периода являются в определенной степени отражением того кризисного состояния истории российского общества в целом, которое вполне осознается историками в настоящее время. Пути преодоления кризиса активно обсуждаются. Очевидные их линии просматриваются. Это архивный поиск, введение в научный оборот неизвестных документов, непредвзятый их анализ, новое обращение к историографии, новые науковедческие подходы, создание общей истории науки в СССР, включая историю биологии.

Современная историография историко-научных исследований советского периода складывается из историографии отечественной и зарубежной. Такое разделение может быть сделано не из ушедших в прошлое идеологических соображений, но потому, что, имея в основе общий предмет рассмотрения, работы западных и российских исследователей определенно различаются по тенденциям и направлениям исследований. Первое общее замечание, которое может быть сделано при попытке их сравнительного анализа, следующее. В отечественной историографии советского периода в целом слабо освещены социальные аспекты развития науки. Точнее, поскольку в советском обществоведении был принят тезис единства социализма и науки, то влияние социальных условий на развитие науки в стране рассматривалось только в положительном смысле.

Становление государственной системы научных учреждений, государственное руководство наукой с его жестким планированием, практика выделения приоритетов в условиях вынужденного ограничения в финансировании отдельных научных направлений, идеологическое давление становились факторами, определяющими развитие науки в СССР в целом и каждого отдельного ее направления. Это была в полной мере "управляемая наука" (термин М.Поповского). Отмеченные воздействия поставили отечественную науку в условия, существенно отличающиеся от таковых в передовых странах Западной Европы и Америки.

Процесс институализации и огосударствления науки, развернувшийся в первые годы после Октябрьской революции, имел, несомненно, положительное значение. Однако, чрезмерная централизация управления, пирамидальная его структура, бюрократизация всех сфер общества, и в их числе науки и культуры, постепенно стали тормозом в развитии плохо укладывающейся в плановую систему исследовательской деятельности ученых. Классовый подход к проблеме научных кадров, гонения, репрессии против представителей дворянского сословия, "буржуазных специалистов" и интеллигенции в целом существенно ослабили силы науки. Тем не менее среди русских ученых были достаточ-

но сильны просоветские настроения. В среде интеллигенции по-прежнему преобладали гуманистические и альтруистские устремления, столь характерные для русской науки. Спустя два десятилетия после Октябрьской революции, к концу 30-х годов определенно проявилась попытка советского руководства, осуществлявшего план построения новой организации „общества, изолировать науку в СССР от науки мировой. Позднее, в конце 40-х — начале 50-х годов эта тенденция реализовалась в политике сталинского руководства в условиях "холодной войны". Это самым пагубным образом сказалось на судьбе отечественной науки, так как прогресс развития научных исследований напрямую зависел не только от финансирования и технического обеспечения, но и от возможности непрерываемого свободного общения и обмена информацией. И до настоящего времени наука в России продолжает испытывать трудности в этом отношении, правда, уже несравнимые с условиями периода культа личности и даже доперестроечными, но тем не менее, все еще значительные.

История советской науки изобилует драматическими ситуациями. Трагичны и славны судьбы многих направлений отечественного естествознания и философии. Последствия грубого вмешательства идеологии и политики в ход развития самой революционной отрасли биологии XX века — генетики не замедлили сказаться на уровне общих биологических исследований в стране, на долгие годы затормозили их и отбросили отечественных ученых с передовых позиций в мировой науке в этой области, катастрофически отразились на положении в медицине и сельском хозяйстве. Не избежала тенденциозности и история биологии. Достаточно сказать, что раздел "генетика" появляется в отечественной библиографии истории естествознания лишь в сводном томе за 1962—1967 годы, а понятие "теоретическая биология" отсутствует вовсе. Только начиная со второй половины 60-х годов появляются статьи и книги по истории отечественной экспериментальной биологии.

Вместе с тем, по публикациям "перестроечного" времени, то есть конца 80-х годов, видно, что многими специалистами, интересовавшимися историей своей научной отрасли, четко осознавалась неудовлетворенность как состоянием науки, так и практикой освещения успехов и достижений новой, социалистической науки (биологии, физики, химии, языкознания и т.д.). Общеизвестно, что совершенно необузданной критике и трагическому разгрому подверглась в конце 30-е — 40-е годы генетика, в действительности переживавшая в Союзе в 20-х — 30-х годах период необычайного подъема. Официальная советская историография истории биологии в последующие годы также испытывала идеологический прессинг, не рассматривала назревшие весьма болезненные для судьбы биологии в СССР процессы. Немно-

гие, созданные еще в 50-е годы историко-аналитические работы, как например, труды А.А.Любищева и В.П.Эфроимсона, были опубликованы только в самое последнее время. Немногие из прорвавшихся на страницы периодики в период краткой "оттепели" конца 50-х годов статьи уже в 60-х стали библиографической редкостью. В это же время на Западе историки, главным образом советологи, следившие за событиями в советском обществе, публиковали работы, не находившие отклика в советской печати.

Современная — 70-х — 80-х годов — историография уже накопила значительное количество серьезных работ по истории развития эволюционного учения, генетических школ и ряда направлений физико-химической биологии, рассматривающих, главным образом, когнитивные аспекты науки. Но это является по существу лишь первыми шагами в решении задачи адекватного отражения событий, имевших место в истории отечественной биологии.

Осуществление анализа основной массы работ по истории биологии советского периода, выявление тенденций развития историко-биологических исследований, реконструкция главных направлений прогресса биологического знания, восполнение пробелов историографии истории отечественной биологии представляется актуальной задачей. В настоящем очерке обобщены результаты такого анализа в отношении развития генетики в СССР, а также сделана попытка определить то влияние, которое оказала сложившаяся в советской генетике ситуация на становление и развитие отечественной молекулярной биологии.

Объединение этих отраслей современной биологии в рассмотрении их истории не носит случайного характера и определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, и генетика и молекулярная биология, каждая в свое время, оказали революционизирующее влияние на развитие биологии в целом, принципиально меняя уровень проникновения исследования в существо биологических процессов и явлений. Формирование генетики было решающим фактором в биологии начала XX в, в создании биологического эксперимента и становлении биологии как экспериментальной науки. К середине века, с развитием биохимии, химии и физики полимеров, все большим вовлечением физических методов в изучение свойств биополимеров, пришло понимание их действительной роли в осуществлении механизмов всех без исключения процессов, имеющих место в живых организмах. К решению фундаментальных проблем биологии, включая механизмы наследственной передачи признаков, мутации, процессы регуляции развития и дифференцировки, оказалось можно подойти через молекулярно-биологические исследования.

Во-вторых, и это важно в контексте поставленной историко-

научной задачи, и генетика, и молекулярная биология в условиях советского общества при своем становлении переживали близкие по существу трудности и проблемы. Историография же истории отечественной биологии советского периода складывалась сообразно времени, имеет свои особенности и нерешенные проблемы, что и заставляет историков науки обращаться к ней вновь.

Работа выполнена в Институте истории естествознания и техники РАН. Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам сектора историографии и источниковедения Института за заинтересованное обсуждение и председателю методологического совета Отдела науковедения проф. В.Ж.Келле за ценные замечания, а также глубокую признательность в.н.с. Института российской истории д.и.н. В.Д.Есакову, под влиянием которого у автора возник интерес к историко-научным исследованиям и без поддержки которого настоящая работа вряд ли была возможна. Благодарю также архивистов — зав. архивом Всероссийского института растениеводства Т.К.Лассан и зав. кабинетом истории генетики Института общей генетики РАН Е.В.Рязанцеву за помощь в работе с архивными материалами.

ГЛАВА 1. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: “ИЗ ПЕРВЫХ РУК” И “ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ”

Историографическое исследование, результаты которого обобщены в настоящем очерке, было предпринято с целью проследить, как события, имевшие место в истории науки, находили свое отражение в историко научной литературе. Оказалось возможным, основываясь на документах архивов, научной периодике и специальных исследованиях, выявить некоторые расхождения между собственно историей рассматриваемых вопросов и их историографическим изложением. Определенный интерес представляет также возможность осуществить сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии по тем же проблемам.

Прежде всего обращает на себя внимание факт, что историография советского периода, как это уже отмечалось выше, игнорировала до самого последнего времени социальные аспекты истории науки, отмечая лишь в положительном смысле государственное руководство как организующее начало в становлении и развитии новых научных центров, благотворное влияние господствующего материалистического образа мышления и коммунистической идеологии, значение — тоже, разумеется, положительное — централизованного планирования и финансирования науки.

Западная историография при анализе особенностей развития науки в СССР оценивает и положительные, и негативные стороны советской системы организации исследовательской деятельности, не обходит острых вопросов в развитии отдельных отраслей знания в нашей стране. Зарубежные историки критически оценивают советский опыт регламентации научно-исследовательской деятельности, знают статистику репрессий ученых в период сталинщины, считают наши потери невозполнимыми, прямо указывают на них как на причины нашего отставания во многих областях от современного уровня мировой науки.

В последнее десятилетие активизировалось сотрудничество советских и зарубежных ученых и научных учреждений, интенсивнее стал обмен информацией. Возможности использования источников по истории российской науки, которыми располагают национальные библиотеки и архивы России, Европы и Америки улучшились. Мы вправе ожидать появления достоверной и полной истории отечественной науки советского периода.

На сегодняшний день, по нашему мнению, историография истории науки в СССР, как отечественная, так и зарубежная, имеют ряд недостатков, легко объяснимых. Советская историография ущербна вследствие своей тенденциозности, невозможности для многих историков преодолеть устоявшиеся в советском

обществоведении стереотипы и штампы. Существенным фактором, предопределившим эту ущербность, была (и до известной степени остается) ограниченная доступность источников — закрытые фонды в архивах и библиотеках, сложность оформления допуска к ним, ограничение круга тем, которые можно было обсуждать в открытой печати. Зарубежным исследователям наши архивные фонды были так же мало доступны, как и советским, однако значительно лучше организованные и легче реализуемые международные связи на Западе позволяют исследователям использовать многочисленные, трудно, а чаще и вовсе недоступные советским ученым, собрания документов и материалов по истории России, сконцентрированные в Европе и Америке, среди которых много документов ученых.

Существенно, однако, что историей советской науки на Западе, например в Америке, занимаются чаще советологи, чем естествоведы, и их внимание сосредотачивается главным образом на социальных вопросах, а работы о развитии науки в России представляют собой чаще социальную критику. Тем не менее следует признать, что история русской евгеники, которая вошла в мировую библиографию, написана не российским ученым, а американцем М.Адамсом (1), история биологических дискуссий 30-х годов свое первое освещение в мировой литературе нашла в историко-научных работах русского эмигранта Ф.Добржанского (2), историка Д.Жоравского (3); большинство биографий наших биологов, репрессированных в годы культа — Вавилова, Левитского, Четверикова, Кольцова и др. в международном биографическом словаре (4) написаны тоже американцами, а наиболее полное изложение истории противостояния советских генетиков Лысенко и его окружению дано, вслед за Жоравским, эмигрантами Ж.Медведевым (5) и В.Сойфером (6). Общий аналитический обзор истории развития естествознания и философии с акцентом на биологию и науки о поведении дан крупным американским советологом Л.Грэхэмом (7).

То обстоятельство, что именно советологи занимались на Западе исследованием науки в СССР, привело и к известному смещению центра тяжести в освещении этих вопросов к трагическому в судьбе науки, прежде всего в лице ее крупных представителей, влиянию марксистской идеологии и менее серьезному вниманию к проблемам собственно творчества ученых.

Как следствие такого смещения в работах, часто служащих первоисточником для общего науковедения на Западе, происходит его дальнейшее усиление, например, в справочных изданиях. Так, просматривая новый справочник по всеобщей истории науки, опубликованный 1990 г., вы находите три упоминания имени нашего великого соотечественника Н.И.Вавилова, причем первое — не в связи с открытиями, сделанными им, а в связи с арестом в Черновцах 6 августа 1940 г.; второе — в связи со смер-

тью в Саратовской тюрьме 26 января 1943 г. (назван, как "противник советского генетика академика Лысенко") и третий — в связи с первой посмертной публикацией его трудов в 1952/53 годах на Западе на английском языке, без какого-либо указания на их содержание (8). Как нам приходилось отмечать ранее (9), трагедия личной судьбы Н.И.Вавилова заслонила в сознании многих людей само содержание его научного творчества, а история накрепко связала его имя с именем его противника, самой мрачной фигуры в истории советской науки, Т.Лысенко, ставшего символом некомпетентности и политической интриги в науке.

Следует отметить, что тема биологических дискуссий в СССР 30-х годов, их продолжение в 40-х и 50-х годах и заметное влияние на последующее развитие в стране не только биологии, но и других отраслей естествознания, обсуждается практически во всех историко-научных работах, затрагивающих указанный период истории советского общества. Л.Грэхэм справедливо относит этот сюжет к наиболее ярким примерам того, "как советская система политического контроля над интеллектуалами создала ситуацию, в которой беспринципные карьеристы смогли оказывать огромное влияние на некоторые научные области", как доказательство вреда, нанесенного науке централизованной политической системой, "в которой принцип контроля был возведен на уровень самой научной теории" (10).

В целом исследование Л.Грэхэма дает анализ исторического развития философии науки в СССР, сосредотачивая внимание на влиянии марксистской философии, диалектического материализма на естествознание в России. Кроме монографий на эту тему (11), известны отдельные статьи Грэхэма по вопросам науки в России (евгеники (12), генетической инженерии (13), в совокупности охватывающие большой круг проблем истории советской науки.

Исследованию причин возникновения лысенковщины на рубеже 20—30-х годов и борьбы с ней российских ученых посвящено множество работ в зарубежной и современной отечественной историографии. Даже учитывая последние русские работы в этой области, следует отметить, что в них проблема науки как социального института, ее связи с политикой и идеологией, разнообразными сферами материальной и духовной жизни общества лишь поставлена в общетеоретическом плане и слабо конкретизирована в исследованиях по истории советского периода. Произошел определенный крен в пропаганду достижений советской науки, вклада научных коллективов и отдельных ученых в развитие экономики и укрепление обороноспособности страны, в научно-техническое и культурное развитие СССР. Сложился своеобразный иллюстративный информационно-справочный тип изданий по истории советской науки. Одновременно был сделан акцент на изучение специализированных отраслей знания или

отдельных научно-технических направлений вне связи с социальными и идеологическими процессами, происходящими в стране.

Постановка и теоретическое осмысление рожденных в середине XX века многообразных проблем науковедения и отсутствие общественно-политических условий для их полноценного разрешения применительно к процессам развития науки в СССР по сути дела лишь умножили число "белых пятен" в истории организации науки советского периода, в осмыслении становления и развития целых научных направлений, судьбах ее выдающихся деятелей и труженников науки.

Именно это в условиях перестройки привело к обвинениям в отсутствии правдивой истории отечественной науки, к смещению подходов к историко-научным проблемам, к публицистической критике монополизма в науке и бюрократических форм ее организации, к показу трагических сторон жизни науки, к акцентированию внимания на репрессивных мерах в отношении целого ряда областей науки. Складывается самостоятельное направление под названием "репрессированная наука", широкая трактовка которого в современных условиях выделяет административно-командные методы руководства как наиболее характерную черту всего процесса становления, развития и функционирования науки в советском государстве (14).

Перед историками отечественной науки в настоящее время стоит труднейшая задача подхода к полному правдивому изучению жизни и судьбы советской науки, осмыслению того, что успехи и трудности, выдающиеся достижения и потрясающие нас трагедии являются единым процессом истории отечественной науки, что упоение достижениями не должно подменяться критическим нигилизмом.

Среди авторитетных официальных советских философов активное участие в обсуждении спорных вопросов биологии и проблем философии биологии в целом принимал (и принимает) академик И.Т.Фролов. Его книги, а также деятельность в качестве главного редактора журнала "Вопросы философии" конца 60-х — начала 70-х годов широко известны. В контексте нашего рассмотрения особенно существенно, что И.Т.Фролов выступал дважды в критическое для развития отечественной биологии время: в конце 1960-х, оцениваемых историками как время осмысления происходивших в обществе и науке перемен, когда необходимо было привлечь внимание к демократическим выступлениям ученых и поддержать позитивные взгляды на место генетической науки в системе современного знания, и в конце 1980-х, когда делались достаточно резкие попытки пересмотреть оценки событий истории минувшего советского периода. Глубокому и всестороннему анализу И.Т.Фроловым проблем философии биологии дана равно высокая оценка в отечественной и зарубежной историко-научной литературе.

Сам автор так объясняет свою позицию в предисловии ко второму, дополненному изданию работы по философии и истории генетики 1988 г.: "...Я лично уже по ходу работы над книгой "Генетика и диалектика" понял, что изложить в позитивной форме основную философскую проблему современной науки невозможно вне критического анализа ее истории. А дальше уже сама работа диктовала свои законы, и история все больше приковывала к себе мое внимание. Это я ощутил как свой долг, и был поддержан в таком убеждении многими авторитетными учеными (среди них были Б.Л.Астауров, П.Ф.Рокицкий, Д.К.Беляев, В.А.Энгельгардт, Н.Н.Семенов, Б.М.Кедров и другие)". (Полный текст рецензии Б.Л.Астаурова на книгу И.Т.Фролова 1968 г. см. (15), с.15—21). "...Конечно, истекшие двадцать лет после выхода в свет книги заставили меня многое оценить по-новому. Но содержащийся в ней подход к анализу истории советской генетики, мне кажется, не потерял своей актуальности. ...И сегодня остался правильным, как я считаю, общий подход (...), при котором надо видеть диалектику процессов, взаимодействие внутренних и внешних по отношению к науке факторов" (15).

Серьезных монографических работ отечественных авторов, посвященных специально истории биологии советского периода, немного. Коллективные работы московских и ленинградских историков биологии "Развитие эволюционной теории в СССР (1917—1970 гг.)" (16) и "Развитие биологии в СССР" (17) написаны в традиционном стиле обзора успехов советской науки. Отметим, что в первой из названных книг Н.И.Вавилов впервые (!) в отечественной литературе назван выдающимся эволюционистом. Причина такого замалчивания вклада Вавилова в эволюционную теорию объясняется совершенно трагическим непониманием проблем его творчества специалистами в нашей стране, о чем будет сказано ниже. В.Л.Комаров, например, считал, что закон гомологических рядов не может считаться общим, закон "родился на опытных полях, там он и умрет" (18). Дискуссия между И.А.Захаровым и Б.М.Медниковым по поводу толкования этого закона Вавилова, возникшая в год юбилейных торжеств (1987 г.) на страницах журнала "Природа" подтверждает это обстоятельство.

Книга очерков развития генетических исследований в СССР, подготовленная Институтом общей генетики АН СССР в 1976 г., не охватывает всех основных направлений, представленных в СССР (19).

Единственная монография по истории отечественных исследований в области генетики — это книга В.В.Бабкова "Московская школа эволюционной генетики" (20). Дополняют работу статьи того же автора об Институте экспериментальной биологии и школе Н.К.Кольцова (21).

Безусловно вызовет интерес историков и работа К.Б.Соколовой (22) о развитии отечественными генетиками исследований по феногенетике, взлет которых приходится на 20—30-е годы, а возобновление — на период после 1964 г. по уже известным причинам.

Последние главы монографии А.Е. Гайсиновича "Зарождение и развитие генетики" (23), посвященные советскому периоду развития генетических исследований в России, вплоть до молекулярно-генетических в 1970—80-е годы, дают беглый обзор работ по послевоенному периоду и не исчерпывают темы.

К монографическим может быть отнесена работа В.Я.Александрова "Трудные годы советской биологии" (24). Журнальный вариант ее публиковался в "Знание-сила" в 1987—1989 гг., полное издание вышло в издательстве "Наука" в 1992 г. Свидетель многих трагических событий в жизни нашей многострадальной биологической науки В.Я.Александров в мемуарной, но достаточно строгой форме дает хронологическое их изложение, сопровождая его содержательным, весьма точным и документированным комментарием и доводит рассказ до сегодняшнего дня. Эта работа представляет собой серьезный, достоверный источник.

Работы историков-эмигрантов, выполненные по материалам отечественных архивов и доступным авторам в СССР источникам, представляют специальный интерес. Они внесли большой вклад в раскрытие трагических 30—40-х годов в развитии отечественной биологии. Созданная Ж.А.Медведевым рукопись "Биологическая наука и культ личности (Очерки по истории тридцатилетней биолого-агрономической дискуссии)" привлекла широкое внимание и в многочисленных перепечатках разошлась среди специалистов и интересующихся этим вопросом. Хотя специальная академическая комиссия под председательством президента АН СССР М.В.Келдыша и высказалась за ее опубликование, работа Ж.Медведева не была издана. Она вышла в свет в 1969 г., после эмиграции автора, в переводе на английский язык под названием "The Rise and Fall of T.D.Lysenko" (5). Советскому читателю это исследование стало доступно лишь в 1989 г. после публикации его сокращенного варианта в журнале "Энергия" под названием "Культ личности и биологическая наука (Подъем и падение Лысенко)"

Работа В.Сойфера "Власть и наука. История разгрома генетики в СССР" (6) прежде публикации на Западе в 1989 г. стала известна в рукописи. В обсуждении ее принял участие достаточно широкий "незримый круг специалистов", многие из которых консультировали автора. Монография обобщает результаты многолетнего исследования. В ней подробнейшим образом описываются события жизни научного сообщества биологов, агрономов и селекционеров в период 20-х — 60-х годов, т.е. все время активного действия Лысенко в нашей науке. По существу это биография Лысенко.

Монография содержит огромное количество фактов, богато иллюстрирована и документирована, хотя имеет и ряд неточностей. Самое существенное, на наш взгляд, замечание может быть сделано в отношении концепции "вины Вавилова", бывшего центральной фигурой биологических дискуссий 30-х годов, которую В.Сойфер отстаивает вслед за М.Поповским. (Возражения обоим авторам будут приведены ниже в разделе "Вавилов и "Вавилон").

Свободный публицистический стиль, избранный Сойфером, несомненно, облегчает читателю освоение большого объема информации, заложенного автором в монографию. Кажется очевидным, что свобода изложения не должна идти в ущерб точности сообщаемых фактов, корректности цитирования источников, правомерности выводов по каждой группе аргументов, однако в этом отношении автор дает много поводов для критики. Поражает обилие подробностей, недостаточно выверенных, что снижает общее впечатление от работы, уровень которой местами приближается скорее к журналистскому расследованию, нежели к научному исследованию. На вольность в цитировании автором используемых им источников указывала и Э.Д.Маневич, ответившая на публикацию В.Сойфера "Новый взгляд на эру Лысенко" (извлечения из книги, в 1989 г. бывшей еще в рукописи) достаточно резким письмом в "Nature" (25). Упрек Маневич — "Сойфер опирается не столько на факты (представленные преимущественно в виде произвольно взятых цитат), сколько на свою интерпретацию тех или иных событий, при этом сильно налегая на "психологию" действующих лиц" — во многом справедлив.

Не повторяя аргументов Маневич, приведу пример из уже опубликованной книги Сойфера: "Естественно, — пишет он по поводу одной публикации А.К.Коля, оппонента Н.И.Вавилова 1931 г., — публикация такой статьи в центральной газете не могла бы осуществиться только из-за личной антипатии Коля к Вавилову. Кому-то нужна была эта статья. Не тем ли людям, которые в 1931 г., в противовес мнению Вавилова, издали партийно-правительственное постановление... Не они ли воспользовались случаем...". А если не они? Попутно, как бы в скобках, сообщается масса мелких подробностей, почерпнутых из бесед с людьми, так или иначе пересекавшихся с героями. (Например, со слов И.Глушченко, в 1980 г. вспоминавшего, как выглядел Вавилов при встрече с Лысенко в Омске в 1931 г. — оказывается, был страшно рад). Такое упоение подробностями вызывает недоумение. Зная материалы, которыми оперирует Сойфер, с уверенностью могу сказать, что в них аргументов, не вызывающих недоверие, достаточно для того, чтобы создать образ Лысенко — "Распутина в биологии" (выражение Дж.Хаксли, наблюдавшего героя монографии Сойфера во время своего визита в Москву в 1945 г.). Второе издание книги 1994 г. (на английском языке) выглядит в его сокращенном виде более корректно.

Биографические работы пишущих о науке писателей-публицистов М.Поповского (26) и С.Резника (27) также будут рассмотрены ниже в разделе, касающемся публицистики. Здесь же отметим лишь, что, отдавая предпочтение книге С.Резника, следует принять во внимание пионерский характер обеих работ в условиях полного замалчивания трагических страниц истории отечественной науки в литературе 60-х — 70-х годов.

Ограничения, которые имели место в возможностях исчерпывающего исследования событий истории биологии, как и истории советского общества в целом, исследователями как в границах СССР, так и на Западе, не могли не наложить отпечаток на характер этих исследований. Недоступность советских архивов западным исследователям частично компенсировалась блестящим владением авторами советской периодикой, из которой при желании и умении можно было извлечь много больше, чем это казалось на первый взгляд. Однако события представляли в этом случае как бы в отраженном периодикой виде, скрытые пружины принятия решений, опубликованных в прессе, механизмы их действия оставались недоступными, поскольку все нити управления наукой сходились не в руководящие структуры академий и министерств, а в ЦК единственной и правящей партии, архивы которой в ограниченном виде были доступны лишь немногим. Цензура же в лице Главлита не позволяла использовать в открытых публикациях даже то немногое, что удавалось добыть исследователям.

Применительно к истории генетики можно напомнить выступление на заседании "круглого стола", посвященного истории советской генетики и организованного редакцией журнала "ВИ-ЕТ" и Центральным домом литераторов в Москве, старейшего историка генетики А.Е.Гайсиновича (28). Свидетель событий 30-х годов и более поздних лет, А.Е. в личном архиве имел множество документов, хранил в памяти сотни имен и деталей происшедшего на его глазах разгрома и возрождения генетики в СССР. Его книга, проходившая редподготовку в издательстве "Наука" уже в 1987/88 г. претерпела несколько корректур, в результате которых автор смог вернуть в текст то многое, о чем ему приходилось умалчивать в своих же публикациях 1960—70-х годов.

Перелом в возможности публиковать даже известные из западной историографии факты, не говоря уже о результатах архивных поисков, наступил в конце 1987 г., когда практически вся периодическая печать откликнулась на 100-летний юбилей Н.И.Вавилова массой весьма смелых публикаций (29).

Процесс расширения "гласности", снятия запретов с освещения исторических событий развивался так стремительно, что в считанные годы — не более четырех — библиография истории советского общества и в том числе истории науки пополнилась

множеством работ, построенных на анализе архивных материалов. Объем появившихся публикаций свидетельствовал о том, что работавшие "в стол" историки получили возможность реализовать уже подготовленные труды. Были опубликованы ряд мемуаров, сборников статей, много лет хранившихся в рукописях, материалов личных и государственных архивов. Из наиболее интересных отметим книгу статей А.А.Любищева (30), сборники статей, обсуждавшихся на семинарах по социальной истории и философии науки, такие как "Наука и власть" (31) Института философии РАН и результат коллективной работы сотрудников ИИЕТ РАН "Репрессированная наука", массу журнальных публикаций в популярных журналах ("Природа", "Наука и жизнь", "Энергия", "Человек" и др.) (32).

Сборник "Репрессированная наука" под редакцией М.Г.Ярошевского, в который вошли аналитические статьи историков, мемуары и интервью, неизвестные ранее документы архивов, стал первым изданием такого рода в отечественной историографии. В нем собраны материалы, связанные с историей естественных наук с преобладанием биологической тематики. Разделы сборника "Судьбы науки", "Судьбы ученых", "Документы" — предполагают продолжение издания накопленных коллективом московского ИИЕ и Т и его С.-Петербургского отделения обширных материалов по истории российской науки советского периода.

Серьезного внимания заслуживает большая аналитическая работа В.П.Эфроимсона "О Лысенко и лысенковщине" (33), в сокращении опубликованная журналом "ВИЕТ" в 1989 г. Выше уже отмечалось, что эта статья — подробнейший рассказ о событиях 30—40-х годов в жизни советской биологии, аргументированный отчет о плачевном состоянии сельского хозяйства на начало 50-х годов с указанием (в цифрах) ущерба, нанесенного стране деятельностью Лысенко.

С 1987 г. прошли конференции памяти ученых. Это были 100-летние юбилеи и памятные даты (они были почти ровесниками — Н.Вавилов, Э.Бауэр, М.Завадовский, Н.Тимофеев-Ресовский, Л.Зильбер). Публиковавшиеся материалы конференций и статьи, к ним приуроченные, вызывали огромный интерес. История науки оживала в судьбах ученых и переставала быть схемой, перечнем дат, хроникой достижений. Многие естественнонаучные журналы, прежде не публиковавшие материалов исторического характера, как "Генетика", "Молекулярная биология", "Цитология и генетика" и др. ввели разделы "Архив науки", "Из истории науки" и т.п.

Обращает на себя внимание обличительный, достаточно резкий характер многих публикаций, заставляющий прислушаться к замечанию публициста, оценивающего очередной сборник статей об Октябрьской революции: "политический мазохизм также опасен как историческое беспамятство" (34).

Важной составляющей источниковой базы историографии истории отечественной науки является мемуарная литература. Субъективный характер воспоминаний, как и переписки, не умаляет важности этих источников. Ценные документы времени, эти материалы, вместе с официальными источниками информации, позволяют составить исчерпывающее представление не только о свершившихся событиях, но об обстановке, их породившей, побудительных причинах, не очевидных на первый взгляд последствиях.

Из мемуаров по обсуждаемым вопросам отметим прежде всего книги серийных изданий "Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы" издательства Академии наук СССР (35) и научно-биографической серии (36), часто включающих материалы мемуарного характера, ряд популярных серий издательства "Знание" и "Молодая гвардия" (37), издаваемую в С.-Петербурге серию "Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге-Петрограде-Ленинграде" (38), регулярные публикации памяти ученых в журнале "Природа"

Следует внимательно рассмотреть мемуары ведущего советского генетика Н.П.Дубинина. Его первая книга "Вечное движение" (39), выдержавшая уже три издания, несмотря на положительные и даже хвалебные рецензии в центральных газетах, подверглась серьезной критике, существо которой сводится главным образом к тому, что изложение автором истории советской биологии тенденциозно, носит субъективный характер и, несмотря на научный авторитет автора, не может служить серьезным источником для историка. Среди специалистов имела хождение рецензия, написанная в 1975 г. Д.К.Беляевым и П.Ф.Рокицким (40), направленная в выпустившее книгу Издательство политической литературы, но неопубликованная. Претензии, в ней высказанные, в значительной степени могут быть отнесены и ко второй его книге (41) в той ее части, которая повторяет содержание первой по освещаемому периоду времени (до конца 70-х годов). В нее попали без изменения и прямые ошибки, например в датах жизни и деятельности академика Н.И.Вавилова, повторены неточности и добавлены новые. Книга нуждается в подробном рецензировании.

Из новых изданий мемуаров следует отметить книгу Е.Н.Синской "Воспоминания о Н.И.Вавиллове" (18) потому, что эта книга, имевшая долгий путь к читателю (создана в 60-е, пролежала в издательстве с 1987 по 1991 г.), написанная ближайшей сотрудницей Вавилова, существенно отличается от воспоминаний, отредактированных для включения в юбилейные издания 60-х — 70-х годов. Она включает в себя историю жизни целого коллектива вавиловских единомышленников, проливает свет на многие, только промелькнувшие в других изданиях, события того времени, освещает с неожиданной стороны, добавляя новые

черточки, личность ученого. Мнение Е.Н.Синской, участвовавшей во многих начинаниях Н.И.Вавилова, специалиста по географии культурных растений, близкого ему по духу, о значении этих начинаний и их судьбе в 50-х — 60-х годах, важно для историка. Эти воспоминания многократно цитировались М.Поповским и В.Сойфером, но их вольное изложение ее рассказа не может удовлетворить историка.

Нельзя обойти и мемуары С.М.Гершензона "Тропюю генетики" (42). Некоторая претенциозность названиястораживает, но текст воспоминаний 85-тилетнего ученого, автора крупных открытий (мутагенной активности ДНК, — явления, интересного не только в плане фундаментальной биологии, но и в практической медицине, т.к. его нельзя не учитывать в производстве противовирусных вакцин, часто содержащих и фрагменты ДНК), и инициатора работ по обратной транскрипции, о чем еще будет сказано ниже, организатора исследований по молекулярной биологии на Украине, являются неотъемлемой частью истории отечественной биологии.

Следует учесть только некоторые неточности в изложении автором пережитого. Это прежде всего описание дискуссии 1936 г. "по спорным вопросам биологии" Напомним, что это была специальная сессия ВАСХНИЛ (состоялась не в начале 1936 г., а в декабре, и не в большом зале МДУ, а в клубе Наркомзема в Орликовом переулке). Существенно, естественно, не место проведения собрания, а его направленность, о которой С.М.Гершензон в своих мемуарах высказывает ошибочное суждение. Сессия была созвана с целью дискредитировать ученых, представляющих в СССР направление классической генетики в плане приложения их исследований к решению задач практической селекции. Поэтому на нее были вызваны агрономы со всей страны. В зале заседания присутствовали главным образом люди с мест, а не университетская профессура, что и предопределило ход дискуссии. Председательствовал на сессии академик Г.К.Мейстер, на короткое время заменивший на посту президента ВАСХНИЛ уже арестованного А.И.Муралова. М.Б.Митин, которого называет С.М.Гершензон в качестве председательствовавшего, был таким на совещании 1939 г., когда к дискуссии были привлечены в качестве "ударной" силы философы-марксисты. Рассказывая о своих усилиях по организации института генетики в Киеве в 1966 г. как первого в Союзе с таким названием, автор забывает, что в Москве с вавиловских времен (1934 г.) не прекращал своего существования Институт генетики АН СССР, правда, переживший период руководства им Т.Д.Лысенко.

Отмеченные "мелочи" — типичное для мемуаров совмещение или смещение события во времени — могут ввести в заблуждение неинформированного читателя, использующего мемуары в качестве первичного источника. В целом же книга

С.М.Гершензона все же больше рассказ о науке, чем о себе в науке, как справедливо отмечает в предисловии академик АН Украины Ю.Ю.Глеба.

Значительный интерес представляет также рукопись крупного русского биолога, плодотворно работавшего в области экспериментальной биологии, специалиста, занимавшегося вопросами детерминации пола у животных, автора методики экспериментального многоплодия овец, М.М.Завадовского (43). К сожалению, в подготовке рукописи, представленной в издательство дочерью автора, была допущена серьезная, с точки зрения историографии, ошибка. Автором книга была написана от третьего лица, в виде повести, в двух вариантах, несколько различающихся в деталях. В повести действительные имена героев заменены вымышленными. Автор, можно полагать, не надеялся на публикацию рукописи, книга писалась "в стол" в годы вынужденной бездеятельности ученого, когда он в результате кампании, развернутой лысенковцами после сессии ВАСХНИЛ 1948 г., был уволен из университета. Публикатор рукописи, Мария Михайловна Завадовская, восстановила в рукописи подлинные имена персонажей, что в некоторых случаях вызывает сомнение.

Следует отметить два важных обстоятельства, имеющих отношение к предмету настоящего обсуждения.

В историко-научной литературе термин "дискуссия" применительно к тем многочисленным конференциям и дискуссиям по обсуждению "спорных вопросов биологии" в конце 30-х — 40-х годах многими историками правомочно употребляется только в кавычках. На бессмысленность дискуссии с догматиками, их навязавшими, указывают и Дубинин, и Сойфер, не научными называет их Грэхэм. Да, теории Лысенко, Лепешинской, Бошняна — конец 30-х, 40-е, 50-е годы — ненаучны (Д.В.Лебедев называет лысенкоизм даже не лженаукой, а антинаукой). Не следует забывать, однако, что в истоке этих зловещих событий были чисто дискуссионные, чисто научные вопросы: материальная природа гена, делимость и неделимость его, точность и абсолютность во всех без исключения случаях выполнения менделевских закономерностей в наследовании признаков (признаки полигенные дают более сложную картину расщепления, формула "один ген — один признак" оказалась неверна), влияние среды на наследственность, понимаемое как влияние на фенотипическое проявление гена, а не на сам ген, его структуру. Нерешенность этих проблем породила дискуссии, и не вина ученых в том, что они приняли уродливые формы.

Для аудитории, в которых проходила дискуссия, необходимость объяснения законов классической генетики, не нуждающихся в доказательстве, как это кажется с высоты 80-х годов, была очевидна. Поэтому упреки, высказываемые в адрес некоторых участников дискуссии, принимавших ее в серьез в 1936 г.

(Вавилов, Серебровский, Меллер), на наш взгляд несостоятельны.

Неожиданное подтверждение этого положения, сформулированного на основе исторического анализа материалов 30-х годов и более поздних историко-научных работ, но не разделяемое многими историками, находится в рукописи М.М.Завадовского 1952 г. Вот как описывает он свои впечатления от хода дискуссии на IV специальной сессии ВАСХНИЛ 1936 г.

"Выступления Лысенко и его сторонников встречали довольно дружную поддержку среди представителей периферических опытных станций животноводства и растениеводства. (...) Не было сомнения, что работы солидных исследователей, заполняя страницы журналов и монографии, доступные сравнительно лишь узкому кругу специалистов, не проникали в гущу молодого контингента производственных работников и не звучали авторитетно для них. Были несомненно признаки отрыва современной, вооруженной сложной техникой и математическим анализом биологической науки от практики сельскохозяйственного производства. Здесь обнаруживалось и нескрываемое раздражение против осложнения и насыщения биологии математическим анализом.

В этом небывалом еще столкновении науки и практики, практика чувствовала свое право быть требовательной и, пользуясь широкой поддержкой, вынесла свой неблагоприятный приговор науке и на базе эмоций выплеснула с мыльной водой и самого младенца. (...)"

Нельза также не согласиться с трезвой оценкой Завадовским, как личности Лысенко, так и причин организации антигенетической кампании, лежащих, главным образом, вне науки, в области политики. Как мы видим, дискуссия была спровоцирована непомерными требованиями к науке, переживающей в своем развитии период накопления фактов и формулирования рабочих гипотез.

"С моей точки зрения, у Лысенко была та положительная черта, что он понимал недостаточность узкой трактовки и концепций Дарвина, и сведения их к построению филологических деревьев. Более того, у Лысенко было понимание необходимости изучения закономерностей индивидуального процесса развития для правильной трактовки явлений эволюционного процесса"

(...) "Перед аудиторией прежде всего прошла целая галерея докладчиков с мест: директора и научные работники станций... рассказывали о своих достижениях и освещали вопрос об отношении к современной генетике. Во второй половине совещания было дано слово представителям центральных исследовательских учреждений, вузов, академий. Аудитория слушала доклады с нарастающим напряжением, поскольку слово "основных кулачных бойцов" было отнесено на конец заседания.

Пресса не оставалась бесстрашной и объективной свидетельницей происходящего. Дискуссия в таком виде, как она развивалась на страницах журналов и затем была представлена в специальном дискуссионном сборнике, вышедшем к дням совещания, была основана на оценке методологических основ современной генетики, ценности ее достижений для сельского хозяйства. Исключительно остро ставился вопрос о возможности передачи приобретенных признаков и правомочности существования концепции гена. В значительной степени по тем же каналам пошла и устная дискуссия на историческом совещании. Участники совещания были поражены, однако, тем обстоятельством, что попадавшие в прессу сведения были искажены и освещали постановку вопроса в плоскости, которая мало соответствовала реальной действительности. (...)"

Таковы же впечатления о сессии, настроениях ее участников и реакции официальной прессы и Э.Д.Маневич, высказавшей их в мемуарной статье 1993 г. "Такие были времена" (44).

По существу мемуарными являются и материалы "круглого стола" по истории генетики, уже упоминавшиеся. Они содержат ряд интересных фактов дополняющих наши представления о событиях тех лет. Однако историку, решившему их использовать, следует вооружившись карандашом или ручкой, выявить противоречия, и, обратившись к архивам, исправить неточности, которых, конечно много в мемуарной литературе.

Из опубликованных зарубежом наибольший интерес представляют книги мемуаров В.И.Ипатьева и Р.Л.Берг. Первая книга (45) воспоминаний выдающегося русского химика академика В.И.Ипатьева рисует события в стране накануне и первых 12 лет после революции. Бывший в центре научной жизни России и принимавший деятельное участие в организации науки в СССР в первое десятилетие советской власти, Ипатьев воссоздает атмосферу увлеченности русских ученых задачей восстановления хозяйства и науки в России, атмосферу растущего недоверия к старым специалистам, побуждающую имеющих возможность эмигрировать сделать это. Существенно, что немногие имели такую возможность и не все из имевших таковую покинули родину.

Книга воспоминаний дочери крупного русского биолога-эволюциониста Л.С.Берга Р.Л.Берг "Суховой" (46) существенно дополняет до сих пор известное о состоянии дел в советской биологической науке достаточно большого периода времени — конец 30-х — 60-е годы. Окружение отца, жизнь отца, обстановка в научных учреждениях накануне и после сессии ВАСХНИЛ, содержание исследований по генетике в МГУ и Академии наук, ее Новосибирском центре — вот неполный перечень сюжетов, затрагиваемых мемуарами Р.Берг.

В последние годы Р.Берг опубликовала ряд статей по истории

биологии, в том числе — памяти Н.В.Тимофеева-Ресовского. Поводом к их написанию послужило выступление немецкого биолога Б.Мюллер-Хилла, автора интересной монографии о науке в гитлеровском третьем Рейхе (47) и рецензии на повесть Д.Гранина о Н.В.Тимофееве-Ресовском, на секционном заседании Международного генетического конгресса (Торонто, 1988 г.). Заседание было посвящено этическим проблемам генетики. На нем выступил некий Вейнгарт, не упомянутый в программе, и в числе ученых, причастных к созданию и применению нацистской расовой теории, назвал имя Н.В.Тимофеева-Ресовского. В полемике, возникшей после недоуменного вопроса Р.Берг "что он имел в виду" и выступил с сенсационным заявлением Мюллер-Хилл (49). По его мнению Тимофеев-Ресовский, долгие годы работавший в Берлин-Бхе, в 1941—45 годах не мог избежать необходимости вести эксперименты по программе военных исследований, диктуемых правительством гитлеровского Рейха, запятнав себя таким образом этим сотрудничеством. Кроме того Мюллер-Хилл плагает, что опубликованная в 1935 г. статья Тимофеева-Ресовского о теории генетического груза в популяции (50) была взята на вооружение расистами Рейха. В доказательство своих слов Мюллер-Хилл демонстрировал фото, на котором Тимофеев-Ресовский был снят в группе сотрудников Института мозга вместе с рейхсминистром Розенбергом. Разъясняя ситуацию, известную ей со слов самого Тимофеева-Ресовского, Р.Берг опроверг Мюллер-Хилл, рассказав о докладе, сделанном Тимофееву-Ресовским, как заведующим Отделом генетики в Институте мозга, в числе других заведующих, в присутствии инспектирующего Институт рейхсминистра. Содержание доклада Тимофеева-Ресовского свидетельствовало о бессмысленности жестокой по отношению к своему существу расовой теории, принятой идеологами Рейха. В согласии с расовой теорией фашистами проводилась политика уничтожения людей, имеющих генетические заболевания и последующие физические или умственные недостатки. Бессмысленность, не говоря уже о ее жестокости, такой акции с научной биологической точки зрения, как показывали эксперименты группы Тимофеева-Ресовского на популяции возбудителя туберкулеза, определялась тем, что с гибелью особей, несущих вредную мутацию, сама мутация из генома популяции не исчезает, а сохраняется в скрытом виде, не теряя способность в следующих поколениях проявиться в другой, возможно менее острой форме в иных условиях.

Тема предполагаемого "сотрудничества" Тимофеева-Ресовского с фашистским режимом возникала многократно в публицистической литературе определенного направления в последние годы (еженедельник "Литературная Россия", журнал "Наш современник"), являясь искаженным отражением большой проблемы мо-

ральной ответственности ученого за последствия использования результатов его исследования. В серьезной научно-исторической литературе она не обсуждалась, но была в течение ряда лет одной из причин многочисленных отказов на запросы советских общественных организаций и отдельных ученых о возможности полной реабилитации Тимофеева-Ресовского, осужденного в 1946 г. за измену Родине и длительное время работавшего в заключении.

Вспоминая об инциденте на симпозиуме, Р.Л. называет Б. Мюллер-Хилла "немецким профессором, специализирующимся по весьма нужному делу — монографическому описанию преступления нацизма против населения Германии". Следует добавить однако, что профессор — крупный специалист в области молекулярной биологии, автор серьезных экспериментальных исследований по структуре хроматина (хромосом) эукариотических клеток. Его интерес к истории немецкой науки времен третьего рейха может быть объяснен обострением в последнее время болезненного для немецкого вопроса ответственности за события, происшедшие в Европе в середине XX в. В выступлениях Мюллер-Хилла явно просматривается попытка разделить ответственность между русскими и немцами, легко вписывающаяся в современную тенденцию выявления общих черт двух тоталитарных режимов — фашизма и большевизма.

Официальный отказ Генеральной прокуратуры в реабилитации ученого, данный в 1989 г. как сообщалось, на основании специальных проверок, предпринятых органами Прокуратуры СССР совместно с коллегами в ГДР, вызвал публикацию, инициированную В.Бабковым и Е.Коняном в новом журнале "Человек". Материалы, подробно освещающие эту проблему, в их числе и статья Р.Л.Берг, составивший специальный раздел журнала, названный его редакторами "В защиту одного". Приведены также свидетельства сотрудников Тимофеева-Ресовского разных лет — С.Варшавского, А.Медведева, Берта (русские его звали Романом Романовичем) Ромпе. Последний решительно утверждал, что "источник клеветы следует искать не в Берлине, а в Москве". В подтверждение этого журнала публикует текст экспертизы, присланный из ГДР, и заявление Главной прокуратуры СССР (№ 3 — 39076-45 от 27 октября 1989 г.) не соответствующее немецкому заключению (51).

В это же время с аналогичным запросом в ГДР обращался и издаваемый в Москве академический журнал "Природа", опубликовавший и ответ из ГДР, не соответствовавший выводам союзной прокуратуры, и статью И.Тимофеева-Ресовского с соавторами (1935 г.), на которую ссылается Мюллер-Хилл, и которая вызвала в конце 1980-х годов всплеск интереса, далекого от науки.

Что касается обвинений Мюллер-Хилла в адрес Тимофеева-

Ресовского, то в рецензии на повесть Д.Гранина "Зубр" (48), Мюллер-Хилл идет еще дальше. "Согласно Мюллер-Хиллу выходит, — комментирует рецензию Р.Л.Берг, — что Тимофеев-Ресовский успевал обслуживать не только идеологический фронт Гитлера, но и военную машину Сталина". Интерпретация Мюллер-Хилла произвольна и пристрастна, в духе М.Поповского, трактующего извлекаемую из источников информацию в плане выбранного автором сюжета.

Судьба же Тимофеева-Ресовского представляет собой, как это ни горько сознавать, типичный пример истории жизни неординарного человека в еще не далеком от нас тоталитарном прошлом. Все же, несмотря на тяжелые испытания, достававшиеся ученому, по меркам того жесткого времени, можно сказать, что Тимофеев-Ресовский "родился в рубашке": остался жив, имея за спиной столь тяжкое обвинение, пережив войну на территории противника, пережив (недолгое, сравнительно с многими), заключение в нечеловеческих условиях сталинского ГУЛАГа...

Невольно напрашивается сравнение с судьбой другого генетика — Николая Вавилова, осужденного по аналогичному обвинению и погибшего в Саратовской тюрьме. Причины, по которым в это страшное время один великий биолог был забыт в тюрьме, оставлен умирать на тюремной койке без медицинской помощи, а другой, слава Богу, был извлечен из лагеря (как пишет Гранин, ослабевшего Тимофеева-Ресовского вынесли на рогоже, он не мог идти уже после нескольких месяцев лагерного заключения), эта причина очевидна: в сталинском социалистическом "раю" царил безличностный утилитарный подход к человеку. Репрессированные ученые, труд которых мог прямо и непосредственно быть использован в практике, Главным управлением лагерей концентрировались в так называемых "шарашках" — закрытых лабораториях за колючей проволокой. Материалы о работе таких лабораторий сейчас исследуются, результаты еще не обобщены. Здесь, в солженицынском "круге первом", работали конструкторы самолетов и ракет А.Н.Туполев и В.П.Королев, гениальный инженер-физик Л.А.Термен, придумавший, среди многого, и устройство, позволявшее по колебаниям оконного стекла расшифровывать слова, произнесенные в комнате, вирусолог Л.А.Зильбер и паразитолог П.Ф.Здродовский. Для Н.И.Вавилова, плоды труда которого требовали долгих лет ожидания, не нашлось места в подведомственном Берии "научном учреждении" даже в качестве подневольного, ему досталось пройти все круги ада, включая последний...

В самые последние годы появилось несколько публикаций, относящихся к некоему особому жанру — мемуары детей политических деятелей, активно действовавших в годы сталинизма. Специальный интерес для нас представляют воспоминания об А.А.Жданове (52), Г.М.Маленкове (53) и Л.П.Берия (54). Для ав-

торов — сыновей героев — естественно желание защитить память отцов. Анализировать публикации сложно (уступлю честь сделать это историкам, посвятившим себя архивным изысканиям с целью воссоздания подлинной политической истории страны), как невозможно отстаивать искренность и авторов мемуаров, и их героев во всех описываемых и переживаемых ими событиях. В отношении отца и сына Ждановых, ближе других стоящих к судьбам советской науки, думаю, что уже опубликованные документы 1940-х — 1950-х годов вряд ли предполагают реальность оправдания их поступков.

Приведенные примеры заставляют с большой осторожностью относиться к мемуарам, как к историческому источнику, анализ их — дело историка.

Информативны биографические издания. К рассматриваемой теме имеют отношение книги уже упоминавшихся академических серий, биобиблиографические сборники, включающие библиографию трудов ученого, библиографию трудов о нем и обязательный, часто превосходный, написанный как правило, крупным специалистом в данной отрасли науки, биографический очерк (55). Из интересующих нас зарубежных изданий отметим книги о Ф.Добржанском (56) и Г.Меллере (57), жизненные и творческие пути которых тесным общением с русскими биологами, а также работу Г.Верски "Незримый колледж" — коллективную биографию пяти английских ученых-социалистов (в том числе философа Дж.Бернала и генетика Дж.Холдейна), в которой обсуждается реакция западных ученых на разгром генетики в СССР (58).

"Устная история". Этот термин все чаще упоминается современными историками. Его можно встретить и в справочниках по западным архивам. В 70-х годах Колумбийским университетом в США осуществлялся специальный "Oral History Project". Имеется в виду источник нового времени — аудио- и видеозаписи интервью, рассказов, часто на заданную интервьюирующим тему. Создание архива таких записей помогает интерпретации письменных документов, дополняет их, позволяет уточнить направление поиска еще неизвестных документов, недостающей информации. Следует, однако, иметь в виду, что факты, сообщаемые в устных интервью, должны быть проверены независимым образом, хотя, конечно, могут быть и уникальные свидетельства о событиях, не документированных вовсе. Основывать историческое исследование исключительно на устных свидетельствах нельзя, т.к. их отличают неизбежные ошибки — подводит память — и проч. Необходимость сбора такой информации очевидна: люди уходят, унося в могилу ценные для истории свидетельства времени. В Институте истории естествознания и техники РАН создана группа, занятая сбором таких интервью. Аналогичную работу проводит Народный архив. Складывающиеся

фонды будут обработаны, записи переведены в машинопись и в таком виде материалы станут доступны исследователям. Часть их уже подготовлена, прокомментирована и включена в издание второй книги серии "Репрессированная наука" (59).

Обращает на себя внимание тот факт, что в работах по истории биологии (и по истории науки вообще) советского периода исследователи до последнего времени ограничивали круг источников, игнорируя государственные архивы, за исключением, пожалуй, Архива АН СССР как главного собрания документов по истории науки. В условиях же централизованного руководства государственной системой научных учреждений документы деятельности ученых попадали как в государственные, так и в партийные архивы.

К сожалению, подобных западным целевым программам, направленных на выявление и систематизацию сведений о материалах ученых в архивах страны (60), включая архивы научных учреждений и личные, в советском науковедении нет. Остается надеяться, что в современных условиях при сформированной правительством системе целевого финансирования научных программ (Российский фонд фундаментальных исследований) и участия российских ученых в конкурсах проектов на финансирование частными фондами в США, Канаде и Европе, такие систематические исследования будут возможны. Анализ всей массы неучтенных пока материалов по истории отечественной науки представляет не только исторический, но и практический интерес.

В настоящее время историография истории советской науки, как это ни покажется странным, переживает период накопления фактов и переосмысления сложившихся до сих пор представлений, что само по себе есть процесс достаточно сложный и мучительный.

В образовавшейся паузе, когда историки смолкли в некоторой растерянности, становятся более слышны голоса публицистов и журналистов, литераторов, владеющих слогом, имеющих свои, отличные от основательных подходов историков, традиции. Случилось так, что прорыв в публикациях на тему истории советской биологии в 1986—1987 гг. был сделан не историками науки, а публицистами и литераторами. (Следует заметить, что и с гражданскими историками советского общества случилось то же).

На встрече историков науки с литераторами для обсуждения новых работ о судьбах биологии в СССР, состоявшейся 3 июня 1987 г. в Центральном доме литераторов им. А.А.Фадеева в Москве, историки были лишь гостями. Обсуждаемые повести В.И.Амлинского "Оправдан будет каждый час. Повесть об отце" (Юность. 1986. № 10-11), Д.А.Гранин "Зубр" (Новый мир, 1987 № 1-2), и роман В.Д.Дудинцева "Белые одежды" (Нева, № 1-4, 1987) уже завоевали читательскую аудиторию, увековечив не

только героев, но и те ошибки и неточности, которые были допущены авторами в изложении и оценках некоторых событий. Значение обращения авторов к острым, переломным моментам истории жизни общества и науки, огромно, доступность и художественные достоинства изложения истории заслуживают всяческой похвалы, но тем более велика ответственность авторов ставших сразу популярными произведений. Особенно это касается авторов документальных повестей, в которых названы подлинные имена действовавших 50 лет назад героев ("Зубр" Д.Гранина).

В записанных автором со слов Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского историях были и ошибки, и неточности, больно задевшие родных и близких друзей персонажей, выведенных Д.Граниным. Ссылки автора на другой аудио источник — записи разговоров за столом, сохраненные учениками Тимофеева-Ресовского, в их числе С.Э.Шнолем, не убедительны, т.к. они по свидетельству С.Э.Шноля трудно и не всегда однозначно интерпретируются. Авторы сборника воспоминаний о Зубре (49) (Р.Л.Берг, А.В.Савич, И.Б.Паншин и др.) имеют к Гранину много претензий (с.95, 113, 236). Писали автору повести и более молодые сотрудники Н.В.Тимофеева-Ресовского, и дочь М.М.Заводского, которых больно задела небрежность и предвзятость Гранина. Наиболее остра полемика Р.Л.Берг с Граниним по осуждению им берлинского периода жизни героя. Р.Л. считает чудовищной ошибкой представление об Н.В. как о человеке, осознающем свою вину перед Родиной. В этом автор, защищая героя, как бы солидаризуется с обвинениями в его адрес В.Бондаренко (журнал "Москва" с А.Кузминым (журнал "Современник"). "Пребывание Тимофеева-Ресовского в гитлеровской Германии поставило перед Граниним почти неразрешимую задачу, — пишет Р.Л.Берг. — Куда ни кинь — все клин. Скажешь правду — нацисты не тронули Тимофеева-Ресовского по причине его мировой славы, он им нужен был, чтобы изображать застенков, в который Гитлер превратил Германию, гуманнейшей страной мира, царством свободы — такая трактовка уже очень будет смахивать на Эзопов язык, переориентацию мишени. Уж очень Гитлеровская Германия походила на современную Россию, где тоже не сажали тех, кого знали зарубежом. (...)"

К сожалению, в последнем случае Раиса Львовна, как и Гранин, когда описывает избавление героя из лагеря (но не из под власти ГУЛАГа), несколько идеализирует ситуацию. Гранин рассказывает, как Завенягин, будучи совершенно очарован Зубром при знакомстве с ним в Берлине в мае 1945 г., не смог забыть его и, употребив свое влияние, искал его по лагерям и нашел в 1947-м... Действительность была еще более проста и жестока. Тимофеев-Ресовский, как политически неблагонадежный, был посажен Системой и востребован той же Системой, когда в связи с

формированием уже советской ядерной программы срочно попал в лагерь, лучшим из которых он был. Его извели из лагеря, подлечили в госпитале соответствующего Главного управления и заставили работать на Урале, под присмотром, но снимая контроля до дня смерти ученого в г.Обнинске Калужской области в 1981 г.

В целом "умеренная беллетризация" автором повести жизни ученого задела многих, знавших Николая Владимировича близко. У каждого из них был свой Тимофеев-Ресовский и, пожалуй, наиболее точное представление о нем неосведомленному читателю дают два интервью самого Н.В. — В.Д.Дувакину в 1974 г. и М.Адамсу в 1977 г., также включенные в книгу воспоминаний.

Большой общественный резонанс имела и другая работа на рассматриваемую тему истории советской науки, уже художественно-публицистическая, именно телевизионный фильм "Николай Вавилов". Сделанный замечательным режиссером А.Прошкиным по сценарию, историческая и научная кашпа которого дана публицистом С.Дяченко, фильм встретил достаточно теплый прием кинокритиков, большой интерес зрителей и весьма огорчил историков. Историки получили возможность подключиться к рецензированию фильма, к сожалению, только на стадии рабочего режиссерского сценария, когда часть фильма уже была отснята и внесение исправлений было невозможно — не запись, по словам А.Прошкина, стоила бы слишком дорого.

Исторически же основная концепция фильма — концепция вины Н.И.Вавилова в возвышении Лысенко — неверна; трактовка образа Лысенко как жертвы своего времени, доверившейся прожегшему злодею Презенту; линия братьев, построенная на противопоставлении, вызывают сомнение, а ряд неточностей и беспактностей, допущенных в отношении людей из окружения Н.И.Вавилова, имена которых тоже названы (изменены имена только здравствующих на момент съемки фильма персонажей), вызывают полное неприятие. Разумеется, автор художественного фильма имеет право на собственную трактовку образов, актеров — на их художественное воплощение, но, на наш взгляд, в этом случае было бы правильнее, допуская известнуювольность в изложении событий жизни не вымышленных персонажей, избегать называть их подлинные имена. Жаль также, что образы "злодеев" получили более яркое воплощение, чем положительные герои фильма.

Полагаем, что большую часть претензий историков к авторам фильма следует адресовать единственному среди них специалисту, стоящему ближе своих соавторов к науке и ее истории — С.С.Дяченко, генетику по образованию, автору сценария куда более удачного документального фильма "Звезда Вавилова". Попытка романизировать историю жизни великого ученого оказалась неудачной.

В следующей главе будет дан обзор историографии истории жизни и деятельности Н.И.Вавилова, подытожены результаты новых исследований на основе неиспользованных ранее документов. Эволюция взглядов на проблемы творчества ученого, оценок событий, имевших место в истории общества и истории науки первых трех десятилетий существования советского государства, на наш взгляд, достаточно типичны для современного обществоведения чтобы быть предметом специального рассмотрения. В настоящее время эта тема может считаться наиболее проработанной историками среди сюжетов, относящихся к рассматриваемому периоду, и наиболее яркой иллюстрацией возможностей такого рода исследований — реализованных и ждущих своего часа.

Примечание к главе I

1. Adams, Mark B. *Eugenics in Russia (1900—1940)* // *The Wellborn Science*, ed. by M.B.Adams, N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1990, p.p.153—216.
2. Dodzhansky Theodosius. N.I.Vavilov. A Martyr of Genetics, 1887—1942// *Journal of Heredity* (August 1947). 38(8): 229—30, *The Biological Basis of Human Freedom*. New-York. 1956.
3. Joravsky, David. *The Lysenko Affair*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1970; *The First State of Michurinism* // J.S.Curtis, ed., *Essays in Russian and Soviet History*. P.120-32. New-York, 1963.
4. *Dictionary of Scientific Biography*. New-York, 1978. Vol. 15 (supplement 1); vol. 12; vol.14.
5. Русский перевод работы см.: Медведев Жорес. Взлет и падение Лысенко История биологической дискуссии в СССР (1929—1966). М., "Книга", 1993, 348с.
6. Сойфер Валерий. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Эрмитаж. Нью-Йорк, 1989. Публикации книги на русском языке предшествовала статья в "Nature", где были кратко представлены результаты исследования автора монографии.
7. Грэхэм, Лорен. Естественное знание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., Политиздат, 1991. (Настоящее издание представляет собой перевод известной монографии, вышедшей впервые в 1972 г., и дважды дополняемой автором в последующих изданиях: *Science and Philosophy in the Soviet Union*. New York, 1972). См. также Graham, Loven R., editor. *Science and the Soviet Social Order*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1990.
8. *Dictionary of history of Science*. Ed. by Bunum W.F. et al. London; Basingstoke: Macmillan, 1990.
9. Левина Е.С. Трагедия Н.И.Вавилова. // *Репрессированная наука*. (под ред. М.Г.Ярошевского). Л., "Наука", 1991, с.223—239.

10. Грэхэм, Лорен Р., 1991, цит соч., с.158.
11. Graham, Loren R. Science and Philosophy in the Soviet Union. New York, 1972.
12. Graham, Loren R. Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920's // The American Historical Review (December, 1977), 81 (5): 1133—1164.
13. Graham, Loren R. Reasons for Studing Soviet Science: The Example of Genetic Engineering // Linda L. Lubrano and Susan Gross Solomon, eds. The Social Context of Soviet Science. P.205—40. Boulder. Col. 1980.
14. Есаков В.Д. Н.И.Вавилов и организация науки в СССР. Диссертация (научный доклад) на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1990, с.5.
15. Фролов И.Т. Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. М 1988, с.15—21.
16. Развитие эволюционной теории в СССР (1917—1970-е годы). Отв. ред С.Р.Микулинский, Ю.А.Полянский. Л., Наука, 1983.
17. Развитие биологии в СССР. (Ред. Быховский Б.Е.). М., Наука, 1967.
18. Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И.Вавилове. Киев, "Наукова думка", 1990, с.39.
19. Очерк развития генетических исследований в СССР. Ред Н.П.Дубинин М., Наука, 1976.
20. Бабков В.В. Московская школа эволюционной М., Наука, 1985.
21. Бабков В.В. Н.К.Кольцов: борьба за автономию науки. // Наука и власть. М., Институт философии АН СССР, с.142—160. Статья не содержит ссылок на источники. Следует указать в первую очередь статью Т.А.Детлаф об Институте экспериментальной биологии (см. Онтогенез, т.18, № 3, с.94—112). Приведена краткая, насыщенная фактами история Института, организованного Н.К.Кольцовым, содержатся сведения о материалах архива Института, таких как тексты докладов, не известных историкам биологии, прочитанных на семинарах института за многие годы его существования. Новые документы деятельности Н.К.Кольцова были также опубликованы А.Е.Гайсиновичем и К.О.Россияновым (см. Природа, 1989, № 5, с.86—95; № 6).
22. Соколова К.Б. Развитие в СССР исследований по феногенетике. М., "Наука", 1995 (в печати).
23. Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. М., "Наука", 1988, с.340—350.
24. Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. С.-Петербург; "Наука", 1992.
25. Маневич Э.Д. В защиту Н.И.Вавилова // ВИЕТ, 1991, № 2. с.138—143.
26. Поповский М.А. Дело академика Н.И.Вавилова. Нью-Йорк. Эрмитаж 1983. Повесть была переиздана в 1991 г. в Москве издательством "Книга". К со

жалению, попытка автора настоящего очерка комментарием внести поправки если не в концепцию Поповского, то хотя бы исправить неточности в датах и последовательности событий, цитировании документов и пр., не имела успеха у издателей. Замечания же, высказанные Поповскому авторитетным биологом А.А.Любищевым еще при выходе журнального варианта повести — "Тысяча дней академика Н.И.Вавилова" ("Простор", 1966, №№ 7 и 8) не были приняты во внимание: вероятно, жаль было разрушать гладкое изложение понравившейся автору — журналисту версии (письмо А.А.Любищева М.А.Поповскому от 4.11.1966, см.: А.А.Любищев. В защиту науки. М., 1991, с. 273—279.)

27. Резник С.Е. Николай Вавилов. М., "Молодая гвардия", 1968. Резник С.Е. Дорога на эшафот. Париж — Нью-Йорк. 1983.

28. Стенограмма заседания, имеющаяся в редколлегии журнала ВИЕТ. В опубликованный текст выступление А.Е.Гайсиновича включено не было.

29. Это обстоятельство отмечает также И.Т.Фролов ("Философия и история генетики", с.8).

30. Любищев А.А. В защиту науки. Статьи и письма. (Под ред. М.Д.Голубовского). Л., Наука, 1991.

31. Наука и власть. М., 1990. Издание Института философии АН РАН.

32. См.: Природа, № 10, 1987 г. (материалы, подготовленные к 100-летию со дня рождения Н.И.Вавилова). "Наука и жизнь", 1987, № 10 и 11 (письма Н.И.Вавилова), "Знание — сила" 1987, 1988 г. (публикации материалов о Н.И.Вавилове, А.А.Прокофьевой-Бельговской, Р.Б.Хесине); перевод фрагментов книги Жореса Медведева "Взлет и падение Т.Д.Лысенко" в журнале "Энергия" 1990 г.; Материалы о Ф.Г.Добжанском в журнале "Человек" № 2 1990 г.

33. Эфроимсон В.Н. О Лысенко и лысенковщине. // ВИЕТ, 1989, № 1—4. Библиографию трудов В.П.Эфроимсона см.: Бюллетень МОИП, (сер. биологическая), т. 94, вып. 3, с.96.

34. Имеется в виду сборник статей "Октябрь 1917: величайшее событие века или социалистическая катастрофа?". М., Политиздат, 1991.

35. Среди книг серии отметим относящиеся к обсуждаемым вопросам книги об академике Н.И.Вавилове (1987), С.И.Вавилове (1991 г.), А.Н.Несмеянове (1988 г.), В.Н.Сукачеве (1986 г.), В.А.Энгельгардте (1989 г.), Н.В.Тимофееве-Ресовском (1994 г.).

36. См. Бахтеев Ф.Х. "Н.И.Вавилов" (1987 г.); Ягодинский В.Н. "А.Л.Чижевский" (1987 г.); Шмальгаузен О.И. "И.И.Шмальгаузен" (1988 г.); Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. "Н.К.Кольцов" (1975 г.); Медведев Н.Н. "Ю.А.Филипченко" (1978 г.).

37. См., например, книги серии "Эврика"

38. См., например, Бальдыш Г.М., Панизовская Г.И. "Николай Вавилов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде". Л., Лениздат, 1987.

39. Дубинин Н.П. Вечное движение. М., Политиздат, 1973.

40. Архив В.А.Энгельгардта, ИМБ АН СССР.

41. Дубинин Н.П. Генетика. Страницы истории. Кишинев, "Штеница", 1988 г.

42. Гершензон С.М. Тропой генетики. Киев, "Наукова думка", 1992 г.

43. Завадовский М.М. Жизнь одного биолога М., Изд. МГУ, 1992 (цитируется по рукописному варианту из архива Марии М.Завадовской).

Большой интерес представляют главы, посвященные Н.К.Кольцову, в ряде моментов расходящиеся с общепринятыми, несколько идеализированными, представлениями об окружении Н.К.Кольцова, сложившимися под влиянием патриарха. (С.100—112 рукописи). Приведены неизвестные ранее факты научной биографии зоолога И.И.Иванова, широкого биолога, перешедшего в область зоотехники, идеи которого не были приняты научным сообществом; П.И.Бахметьева, занимавшегося проблемами анабиоза; А.С.Серебровского в начале его научной карьеры др. современников автора воспоминаний.

Замечательны главы о событиях рубежа 20-х — 30-х (с. 258 и далее). "Это были, пишет М.М.Завадовский, — годы во многих отношениях совершенно особенные. Широкая пресса была полна призывов к организации т. наз. плановой науки. Старая индивидуалистическая наклонность ученых подвергалась тяжелому испытанию. Кадры советских ученых призывались к необходимости разработки тематики, которая могла бы обеспечить прежде всего народно-хозяйственные интересы страны". Любопытна оценка Завадовским работ А.Л.Чижевского, за действительность которого, как думает автор, следило НКВД. Идеям и экспериментам Чижевского Завадовский не доверял. Здесь же можно найти единственное (пока?) в литературе описание приема деятелей ВАСХНИЛ В.М.Молотовым в 1935 г. Важна также глава "Новый президент", посвященная А.И.Муралову, сменившему Н.И.Вавилова на посту президента ВАСХНИЛ (с. 278 и далее), а также оценка Завадовским Т.Д.Лысенко, данная в 1951 г., в пору могущества этого распутина от науки (с. 282 и далее).

44. Маневич Э.Д. ВИЕТ, 1992, №№ 1,2.

45. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945 г.

46. Берг Раиса. "Суховой. Воспоминания генетика". Chalidze Publications. N.-Y., 1983.

47. Muller-Hill, Benno. Murderous Science: Elimination by Scientific of Jews, Gypsies and others, Germany 1933—1945. Oxford and New-York: Oxford Univ. Press. 1988.

48. Даниил Гранин. Зубр. // Новый мир. 1987, № 1—2. Рецензию см.: Nature, 1988, № 336, p.721—72.

49. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1993 г. (с.233). Цитируемый сборник — первая из вышедших в пост-социалистическом настоящем времени книг этой серии, задержанной в производстве более чем на 5 лет. Она существенно отличается от предыдущих, отдельно рассматривающих научную, научно-организационную и (только в радужных тонах) частную жизнь героев.

50. Перевод статьи, опубликованной в журнале "Der Erbartzt", 1935, № 8.S. 117—118 см. "Природа", 1990, № 9, с.78—80.

51. См. подборку "Друзья и враги". // Человек, 1990, № 2 (Берг Р.Л. Охранная грамота для Зубра); Бабков В.В. "Докторская диссертация Н.В.Тимофеева-Ресовского".// Там же, 1991, № 1.

Позже журнал продолжил публикации памяти Н.В.Тимофеева-Ресовского. В разделе "Фонограф" были опубликованы тексты монологов ученого из архива Научной библиотеки МГУ им. М.В.Ломоносова: "Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим" (представлено С.Э.Шнолем) // Человек, 1991, №№ 2—6.

52. Жданов Ю.А. Во мгле противоречий. // Вопросы философии, 1993, № 7, с. 65—92.

53. Маленков Андрей. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.

54. Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

55. См., например, статью И.А.Захарова в третьем издании биобиблиографии Н.И.Вавилова и предшествующие издания (статья Ал.А.Федорова в 1967 г. и П.А.Баранова в 1962 г.).

56. Land B. Evolution of Scientist. The Two Words of Theodosius Dobzhansky. N.J., 1973.

57. Carlson, Elof Axel. Genes, Radiation, and Society: The Life and Work of H.J.Muller. Ithaca, N.J., and London: Cornell Univ. Press.

58. Werskey, Gary. The Visible College: The Collective Biography of British Scientific Socialists of the 1930 s. New-York: Holt, 1979. (главы: 3 — "Бернализм"; 8 — "Две культуры, два лагеря").

59. Репрессированная наука. Вып. 2. Под общей редакцией проф. М.Т.Ярошевского. С.-Петербург, "Наука", 1994.

60. Archival Sources for the History of Biochem. and Mol. Biol. Amer. Acad. of Arts and Sciences, Boston; The American Philosophical Society, Philadelphia, 1980.

Проект, координируемый Маргарет Мейлер, осуществлялся в 1975—1979 гг. Было установлено местонахождение 462 комплексов документов в США и 195 в иностранных государствах. Обзоры документов публиковались.

По свидетельству ближайшей сотрудницы Н.И.Вавилова Е.Н.Синской, название “Вавилон” было дано Всесоюзному институту растениеводства академиком В.Л.Комаровым, который, по ее же замечанию, Вавилова не любил (1). Так или иначе, название прижилось. Его на все лады повторял, например, И.И.Презент, и чаще в контексте “Вавилон” должен быть разрушен...

История Института, история жизни его создателя, судьба его ближайшего окружения и единомышленников — одна из наиболее ярких и трагических страниц истории отечественной биологии советского периода, история целого поколения советских биологов.

Н.И.Вавилов (1887—1943) — выдающийся человек своего времени, крупный ученый, научное творчество которого является заметным вкладом в общую биологию и агрономию, генетику и биогеографию, историю культуры в целом.

Большое влияние на современников и их потомков, особенно наших соотечественников, оказала трагическая судьба ученого, его гражданский подвиг, широко освещавшийся в печати последние годы в связи со 100-летием со дня его рождения (2). Теперь можно с уверенностью сказать, как значим был отмеченный в ноябре 1987 г. юбилей Н.И.Вавилова для формирования общественного мнения, содействующего процессу, названному перестройкой. Важным фактором создания общественного резонанса юбилея можно считать и поднятые исследователями архивные материалы, в том числе и эпистолярное наследие ученого, из первых рук свидетельствующее о его самоотверженном труде во имя науки.

История архива Николая Ивановича Вавилова неординарна и заслуживает хотя бы краткого изложения.

В целом материалы архива ученого могут быть представлены в виде 4-х основных комплексов документов. Семейный архив, бережно сохраненный вдовой Еленой Ивановной Барулиной-Вавиловой, в настоящее время частично передан в С.-Петербургское отделение Архива РАН, частью находится в семье сына — Ю.Н.Вавилова. Здесь же сконцентрированы и отдельные документы, переданные Юрию Николаевичу сотрудниками отца. Документы ленинградского периода жизни Николая Ивановича — с 1921 г., переезда ученого из Саратова, где он преподавал на Высших сельскохозяйственных курсах и руководил отделением Отдела прикладной ботаники Сельскохозяйственного ученого комитета, вел экспериментальную работу, в Петроград, — до августа 1940 г., времени его ареста, находятся в С.-Петербурге и Москве. Второй комплекс материалов, самый обширный, большей частью находится в фонде Всесоюзного института им. Н.И.Вавилова в ЦГАНТД С.-Петербурге. Часть вавиловского архива — не-

которые рукописи, экспедиционные материалы еще не переданы на государственное хранение и находятся в архиве Института (ул. Б.Морская, 41, С.-Петербург).

Деятельность Н.И.Вавилова в Академии наук СССР отражена в документах именованного фонда и фонда Института Генетики в Архиве АН СССР, а материалы, связанные с ВАСХНИЛ, находятся в соответствующем фонде РГАЭ и Архива РАСХН (б. ВАСХНИЛ). Объемы академических и РАСХН фондов по количеству в них материалов академика Н.И.Вавилова не сравнимы с объемом фонда ВИРА. С Всесоюзным институтом растениеводства были связаны 20 лет жизни ученого, институт был любимым детищем Вавилова, его домом, его надеждой. В организацию ВИРА им было вложено много сил, и безупречность неформально ведущегося делопроизводства в нем сохранила для истории большой массив документов.

Таким образом, даже не привлекая подлинники писем Вавилова, разбросанные по всему миру в частных и государственных архивах, выявление которых представляет собой актуальную, но трудно выполнимую задачу, исследователь может составить представление о деятельности ученого во всем ее многообразии на основании указанных четырех комплексов документов.

Долгие годы (50-е — 60-е) было распространено мнение, что архив Вавилова не сохранился. Этому способствовала обстановка репрессий, значительно задержавшая возвращение в науку трудов Н.И.Вавилова, а также известный со слов очевидцев и распространенный публицистом М.Поповским рассказ о том, что все бумаги, имевшиеся в личном кабинете директора в ВИРе, а также на его квартире в Ленинграде и Детском Селе, были вывезены при обыске после ареста ученого в августе 1940 г. Поиски этих документов уже в 70-е—80-е годы результатов не дали. Но к этому времени уже было ясно, что архив Института растениеводства и есть, по существу, личный архив его директора, так многосторонне и подробно отражают эти документы его жизнь и деятельность. Здесь же, в Архиве ВИР, сохранился и акт передачи документов при опечатывании кабинета после обыска, однако очевидно, что перечисленные в акте 24 позиции не исчерпывают всех материалов (3). Судя по тому, что часть папок с иностранной перепиской Н.И.Вавилова, датированной концом 1939 г. — 1940-м годом, была обнаружена сотрудниками, вернувшимися из эвакуации в 1943 г., в подвале здания института, возможно они не были полностью вывезены. (К.В.Иванова, член Совета ветеранов ВИР, частное сообщение).

Можно сказать, что ВИРовский архив Вавилова сохранился благодаря чуду. Однако этим "чудесным" воскрешением мы обязаны преданности и самоотверженному труду уже названных секретарей Николая Ивановича и архивариусу ВИРА в послевоенное время — Л.Н.Савиновой (4). Она оказывала существенную

помощь биографам Н.И.Вавилова (С.Шварцу, М.Поповскому, С.Резнику) и составителям двух томов "Научного наследства" переписки Н.И.Вавилова (В.Д.Есакову и Е.С.Левиной).

Тщательный источниковедческий анализ сохранившихся в подлинниках и отпусках документов Вавилова показывают, что ежедневно и по много раз обращаясь к помощи стенографисток, Н.И.Вавилов правил и подписывал первые экземпляры своих обращений. Сделанные им исправления и пометы переносились аккуратнейшим образом его секретарями на экземпляры отпусков, которые в большинстве своем сохранились в архиве. В качестве примера см. публикацию сохранившихся в архиве Вавилова отпусков писем к Ф.А.Перескокову, Г.К.Мейстеру, К.И.Пангалю, в которых курсивом отмечены правки, внесенные Вавиловым в оригинал (см. Научное наследство, т.10, с.38, 261, 293) и др. Рационализируя свой труд, Вавилов сам произвольно позаботился о сохранении своего научного и эпистолярного наследия. Исключение составляет его чисто личная переписка, например, письма жене Е.Н.Сахаровой, матери его старшего сына и его второй жене — Е.И.Барулиной, сыновьям — Олегу (старшему) и Юрию (младшему), а также дневники экспедиций по странам мира, внутренняя переписка во время экспедиций и поездок зарубеж.

Особенности организации Н.И.Вавиловым своей научной деятельности и пристрастие, может быть и вынужденное, к эпистолярному жанру, отмеченные выше, позволяют рассматривать переписку ученого как основной материал для его биографии. По существу это биохроника в письмах, настолько точно фиксированы в них события жизни, даты экспедиций, публичных выступлений, возникновения замыслов исследований, этапов осуществления научной программы. По письмам можно проследить стиль исследовательской и научно-организационной работы ученого, понять его сомнения, трудности в реализации замыслов, найти указания на истоки его личной трагедии — трагедии его непонимания людьми за пределами узкого круга единомышленников — и его иллюзий, его веры и разочарований. Внимательное прочтение переписки и анализ ее дают возможность поправить некоторые из уже вошедших в историко-научную и публицистическую литературу штампов и схем.

Рассмотрим наиболее укоренившиеся из них. Считается, что Н.И.Вавилов начинал свою деятельность в Петрограде в советское время в условиях наибольшего благоприятствования, достигнув вершины славы и карьеры к 1929 г., отмеченному избранием в действительные члены Академии наук СССР. В следующем же году он был назначен президентом ВАСХНИЛ, председательствовал на Международном конгрессе в Итаке в качестве вице-президента, большую часть этого и следующего года провел в экспедициях по Америке и круизу по европейским столицам...

Словом, процветал, обласканный властью как ученый, лояльно настроенный по отношению к режиму. Напомним, однако, что 20-е годы были временем тяжелой разрухи, бытового и всяческого неустройства в стране, обескровленной гражданской войной. Условия научной работы, созданные в руководимом Вавиловым институте (тогда насаживаемым громоздкое даже в аббревиатуре название — ВИПБиНК — Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур) находились в прямой зависимости от энергии директора, изнуряющей борьбы не только за фонды и кредиты, но за последовательное проведение в жизнь программы комплексных исследований, преодоления сопротивления своей линии, заметно усилившегося к середине 30-х годов, но реально существовавшего практически с первого дня, со времени приезда Вавилова в Петроград (он избран заведующим Отдела прикладной ботаники после смерти Р.Э.Регеля). Переписка Вавилова, как личная — с коллегами, друзьями в Саратове, женой, оставшейся в Москве, так и деловая — с ведомствами, финансирующими и Институт опытной агрономии, в который входил Отдел прикладной ботаники, и ВИПБиНК, реально организованный на рубеже 1924—25 г., — дает возможность составить верное представление о событиях, существенно отличающееся от ошибочно сложившегося образа Вавилова как "баловня первых 15 лет нового строя" (5).

Не загружая настоящее изложение многочисленными цитатами из писем Вавилова этого времени (наиболее интересные из них опубликованы в подборках за период 1911—1928 г. и 1929—40 г. в серии "Научное наследие"), отметим лишь, что оппонентами Вавилова уже при обсуждении программы нового института в 1921 г. были многие, в их числе А.Г.Лорх и А.К.Коль, а в 1927 г. во время его отсутствия, Президиум Института, подогреваемый амбициозностью зав. отделом интродукции Д.Д.Арцыбашева (6), выразил официально порицание директору за неумение организовать работу, и Вавилов подавал в отставку, не принятую Президиумом во главе с Н.П.Горбуновым. В 1931 г., также в отсутствие директора, предлагалась коррекция планов института, о которой Вавилов выразился вполне определенно: "...ведутся уже действия... по свертыванию отдельных частей работы и только приезд директора из-за границы несколько умерил темп событий..." (7).

Многочисленные письма Вавилова в органы печати ("Правда", ленинградская "Красная газета", "Вечерняя Москва") с защитой института от необоснованной критики датированы 1928, 1929, 1931, 1934 гг. На страницах газет протесты опубликованы не были (ответ секретаря редакции, например, Красной вечерней газеты см. в фонде ВИР, д. 333, л. 68). Любопытны названия критических статей: "Институт благородных... ботаников", "Штаты научного значения", "Сапоги и капуста" Из переписки Вавилова,

частично уже опубликованной, можно узнать о деталях конфликта с Институтом аспирантуры в начале 30-х годов, о неожиданной отмене юбилея ВИРа в 1934 г.

Обращения к эпистолярному наследию достаточно для того, чтобы понять: не было исключительного благоприятствования для "карьеры" Вавилова — был исключительным интеллект ученого, исключительными были его личность и его работоспособность.

Именно по переписке ученого можно судить о том, каким настойчивым трудом давалось осуществление вавиловской программы. По письмам можно проследить этапы ее формирования, рождение пионерских идей, оценить масштабность планируемых исследований.

Так, первое упоминание о том, что Вавилов одержим идеей существования центров происхождения культурных растений датировано 1922 г. (8), набросок для выступления в Киеве — 1923 г. (9), первая работа на эту тему была опубликована в 1926 г. (10).

По переписке же видно, как все последующие годы кропотливо отбирался к этой же проблеме материал — и морфологический, и историко-ботанический и экспериментальный, реализованный в работе 1935 г. "Ботанико-географические основы селекции" (11).

Переписка Н.И.Вавилова с Р.Э.Регелем 1911—1920 гг. (12) иллюстрирует первые годы самостоятельной научной деятельности, подготовку к первой поездке в Европу, 4-х-летний саратовский период жизни, работу Вавилова над законом гомологических рядов в наследственной изменчивости. В письмах, адресованных У.Бэтсону (1914—1926 гг.) (13), автор информирует почитаемого им как учителя английского генетика (а вместе с ним — и историка, обратившегося к этим документам) о продвижении исследований по иммунитету растений, об организации работы по изучению культурных растений в Петрограде и Детско-Сельском отделе Института, своей экспедиции в Афганистан и первых результатах географических опытов, новостях научной жизни в России... Перечень научных проблем, затрагиваемых Вавиловым — доброжелательным и аккуратным корреспондентом многих — можно продолжить.

Ограничившись уже названными, отметим только, что, насколько позволяет судить наше знание проблем его творчества, письма исчерпывающе отражают их содержание. Кроме того, изучение именно эпистолярного наследия ученого позволяет прийти еще и к грустному заключению: уникальная комплексная программа по изучению растительных ресурсов с целью их мобилизации для нужд человечества не могла быть реализована во всей полноте не потому, что, как писал Вавилов, он готов дать "программу на 100 лет", но потому, что условия, в которых

довелось работать нашему великому соотечественнику, не давали надежды на осуществление такой масштабной программы. Не было у советского государства средств, каких она стоила, не только в денежном выражении, но и в состоянии научных кадров на местах, их квалификации. Да и не ко времени оказалась эта программа, требовавшая долгих лет кропотливого труда. Трудоемкость исследований, длительность периода ожидания результата их — не это было нужно облеченной властью торопливой некомпетентности. Как легко видеть, даже бегло просматривая переписку, Вавилов почти все время своей активной жизни в науке вынужден был защищаться и отвергать обвинения в излишнем, не отвечающем задачам времени, академизме исследований, как своих личных, так и руководимых им научных коллективов.

Переписка дает историку информацию для понимания личности ученого, его характера, что немаловажно, если задаться целью уяснить мотивацию его поступков, линию проведения в разные периоды жизни, особенности стиля работы с людьми. Воспоминания современников рисуют Н.И.Вавилова человеком открытым, корректным, мягким в общении, но последовательным в выполнении намеченного, требовательным к себе и другим, настойчивым. Много и в превосходной степени говорится о его работоспособности, неприязнательности к условиям экспедиции и вообще жизни, ответственности. Когда в юбилейных статьях перечисляются должности и обязанности, доставшиеся ему в жизни, число их поражает, как и обилие проблем научного и организационного плана, которыми ему приходилось заниматься постоянно и одновременно. В это трудно верить, и именно письма, из первых рук свидетельствующие о его образе жизни, убеждают. Число их, датированных одним днем, доходит до 30 (14). Он лично следит за ходом систематических экспериментов по проблеме геопосевов, занимающих его с начала 20-х годов до конца его пребывания "в седле"; на основе этих, размещенных по опытным станциям в разных климатических зонах, экспериментов и обобщения морфологических данных им создана стройная новая эколого-географическая классификация растений (15). В течение всего времени не прекращается работа по основным направлениям программы, еще и еще раз возвращается он к проблемам иммунитета растений, формирования центров происхождения и разнообразия культурных растений, генетике пшениц, обсуждая с сотрудниками вопросы биохимии, физиологии, систематики. Фантастическая осведомленность и эрудиция, широта постановки проблем, глубокое понимание истории возникновения и развития отраслей биологии — вот основное впечатление от переписки. Все это в сочетании с "заземленностью" исследований, их практицизмом, умением вникать в сегодняшние задачи, наконец, действенной помощью всем, кто втянут в орбиту его деятельности — а притягательность идей Вавилова и оба-

ние его личности велики — как и всем, кто к нему обращался. Руководил Вавилов и издательской деятельностью Института, много редактировал для Сельхозиздата и Академии (16).

Исследование творчества Н.И.Вавилова, внимательное прочтение не только его научных трудов, но и переписки, и множества других документов, относящихся ко времени его жизни в науке, убеждают, что уникальное его качество как научного деятеля заключается в искренности представления о неразделимости науки от чистой и прикладной. Это было естественным следствием альтруизма, ему присущего. Именно в письмах Вавилова мы находим этому множество подтверждений.

Понимание Вавиловым места науки в жизни общества как рычага, с помощью которого можно сдвинуть махину рутинных способов производства, как "пути к осчастливлению человечества", сыграло не последнюю роль в том, что он принял социализм в его идеальных формулировках, переоценив возможности молодого советского государства в использовании достижений биологической науки в практике сельскохозяйственного производства и недооценив необходимость мер социального порядка. Знебрение достижений науки требовало вложения больших средств, оснащенности техникой, более высокого уровня общей культуры и, главное, чего недоставало в первые десятилетия советской истории — это доверия к науке и ее носителям, представителям старой интеллигенции.

Взвалив на свои плечи огромное количество административных обязанностей, Вавилов не прерывал занятий фундаментальными исследованиями, пытался стать действенным проводником науки в практику. Переписка его полна свидетельствами той постоянной, каждодневной работы. Им сделано бесконечно много, но число упреков в его адрес, в адрес ВАСХНИЛ, президентом которой он был с 1930 по 1935 г. и вице-президентом которой он оставался до дня ареста, неуклонно растет.

Ученый, имевший прочный авторитет виднейшего биолога и одного из крупнейших организаторов науки, был к концу 30-х годов обвинен и в 1941 г. осужден на изоляцию и мучительную смерть в заключении. Некомпетентность и полная растерянность руководства страной в сложнейший период ее истории неизбежно породила жестокость, с которой осуществлялся гигантский эксперимент построения социализма в одной, отдельно взятой, ослабленной мировой и гражданской войнами стране. Всю жизнь работая для того, чтобы накормить человечество — его научная программа ориентирована на вовлечение мировых растительных ресурсов в повсеместную полезную деятельность человека — Вавилов не смог преодолеть своего чувства патриотизма, "подняться" до уровня "гражданина вселенной", чтобы оставить отечество и сохранить себя для науки.

Проблема эмиграции ученых возникла с первых после рубеж-

ного октября лет и существует сегодня. Все "три волны" эмиграции уносили из России в числе политических эмигрантов, беженцев и людей, составивших славу мировой науки, а в 1922 г. правительство республики само безжалостно выслало, среди признанных политически неблагонадежными граждан, ученых и других представителей национальной культуры.

Недоверие и притеснение оскорбляли, естественный страх за свою жизнь и судьбу близких увеличивал число невозвращенцев. Известно, что В.Н.Ипатьев, химик с мировым именем, человек отдавший, как и Н.И.Вавилов, много труда научно-организационной деятельности в 20-е годы, эмигрировал тогда, когда вокруг него уже образовалась пустота, и он понял, что следующим в ряду арестов среди деятелей химической и военной науки будет его черед (17). Как относился к возможности эмиграции и даже длительной жизни за границей Вавилов; понимал ли он направление развития событий в политической жизни и как расценить его приглашения присоединиться к усилиям его и его коллег в Москве и Ленинграде таких генетиков, как Н.В.Тимофеев-Ресовский, Ф.Г.Добржанский, уже живущих в течение ряда лет на Западе? Не считая правомерной попытку ответить на этот вопрос от имени погибшего Вавилова, обратимся к его переписке.

Письма Н.И.Вавилова к работающему в Лаборатории Т.Моргана в Калифорнии рокфеллеровскому стипендиату Г.Д.Карпеченко полны энтузиазма: он обсуждает с молодым коллегой-единомышленником программу разворачивания исследований по частной генетике, предлагая ему, сидящему "на свободе в благословенном климате Калифорнии" (в отличие от Вавилова, который "задавлен редакцией", "занят организацией всех институтов Академии", урывает "часы, изредка дни для своей работы") обдумать предложения, подробно изложенные в этом же письме. Ему, Вавилову, особенно интересно слышать от Карпеченко "философию бытия внутривидовой изменчивости в смысле сцепления систематики и генетики", и он готов послать систематиков-генетиков (включая и себя) к общим генетикам (Карпеченко) на учебу — "дела хватит на целое поколение, на сотни исследователей" (18).

На рубеже 1929/30 г. к Вавилову обратился Ф.Г.Добржанский (вакансия находящегося длительное время в командировке в США Добржанского в Ленинградском университете закрывалась) с просьбой предоставить ему по возвращении место специалиста в предполагаемой Вавиловым "Лаборатории по изучению географической изменчивости и генетики географических рас": (В марте 1928 г. Н.И.Вавилов намеревался создать генетический отдел в ГИОА — Государственном институте опытной агрономии — и уже приглашал Добржанского, который не захотел принять предложения.) "Ввиду этого у меня является смелость предложить

Вам свои услуги по части работы в указанном направлении..." При этом он просит Вавилова, если будет возможно зачислить его, ходатайствовать о продлении его командировки в США (заканчивающейся в апреле 1930 г.), т.к. "скорый отъезд отсюда погубил бы начатые работы" (по генетике дрозофилы — Е.Л.) (19).

Препятствия бюрократически-политического характера не позволяют Вавилону, готовому привлечь к работе у себя отличного специалиста, каким был Добржанский, добиться для него продления командировки. Переписка затягивается, паспорта Добржанского и его жены оказываются просроченными, поскольку продление командировки и продление паспортов бюрократическим образом увязываются в одну проблему, для разрешения которой влияния Вавилова уже оказывается недостаточно (на официальном обращении Добржанского в Секретариат Академии наук СССР, датированном 2 декабря 1930 г., рукой неизвестного В.В. начертано: "Просить Вавилова снестись с тов. Добржанским в направлении указаний НС" — непременно секретаря Академии наук СССР (20).

Переписка Добржанского и Вавилова этого периода сохранилась частично в Архиве Американского философского общества в Филадельфии и более полно — в фонде Вавиловского института в Ленинграде, что позволяет, на наш взгляд, достаточно точно оценить позиции обоих адресатов: Добржанский проявляет осторожность, не решается вернуться в Союз с просроченными паспортами, боясь политических обвинений, решительно не принимает условий работы в Союзе, по сообщениям в западной печати представив себе обстановку бытовой неустроенности и ощутимого политического давления. Вавилов не скрывает от Добржанского, что, разумеется, условий, подобных калифорнийским, он предоставить не может, и на уступки в чем-то пойти придется, но приглашает коллегу присоединиться к нему в его усилиях делать дело здесь, дома в России... Похоже, к концу переписки, у патристически настроенного Николая Ивановича прорывается даже некоторое раздражение. Ф.Г.Добржанский отказывается и становится невозвращенцем.

Наши современники знают его как выдающегося американского генетика, получившего образование в Киеве и с 1928 г. проживающего в США... М.Конашев, публикуя эту переписку (21), называет Добржанского человеком внутренне свободным, противопоставляя его "несвободному" Вавилону. Действительно, Вавилов и Добржанский не в одинаковом положении: Феодосий Григорьевич не связан ничем (во всяком случае, интерес к своей научной деятельности, который является по существу его личным делом, преобладает над другими соображениями), в то время как за спиной Николая Ивановича — огромное дело, и не только его личное, за которое он чувствует ответственность. Не требуя

Академик Николай Иванович Вавилов, 1936 г.

мужества от других, — по свидетельству проф. М.Адамса, Добжанский вспоминал, что в 1932 г. Вавилов, встретившись с ним в США, согласился с его выбором, — сам Николай Иванович идет до конца.

Неисправимый оптимист, Вавилов, не теряя надежду на то, что разум возобладает, организует в 1933 г. новое научное учреждение, возлагая на него большие надежды как на будущий центр мировой генетики — Институт генетики АН СССР, расширяя и усиливая кадровый состав основанной покойным Ю.А.Филиппченко Лаборатории генетики. И... приглашает (среди других ученых) Н.В.Тимофеева-Ресовского — крупнейшего специалиста по популяционной генетике, но, по советским понятиям, человека сомнительной репутации: с 1925 г. он живет и работает в Германии... "Переговорил с Лабораторией — все желают видеть Вас в Ленинграде. Говорил уже и в верхах Академии, опять-таки Ваш приезд приветствуется и мы делаем все от нас зависящее", — пишет Вавилов в Берлин в апреле 1933 г., а в 1937 г., через уехавшего из СССР американского генетика Германа Меллера предупреждает Николая Владимировича, что ехать не следует...(22).

Пожалуй, одним из самых близких единомышленников Вавилова в это время становится доктор Меллер Герман Германович, как называют его в Москве и Ленинграде, тоже большой энтузиаст по части генетической работы и социалистического строительства.

Об обстоятельствах, связанных с визитом Г.Меллера в СССР, мы имеем возможность узнать из переписки Н.И.Вавилова с Д.Бородиным, к посредничеству которого прибегал Меллер, с трудом получивший въездную визу в СССР в 1922 г. под поручительство Н.И.Вавилова и Л.С.Берга (23). Начавшееся в 1922 г. знакомство Н.И.Вавилова и Г.Меллера переросло в дружбу. Существенно, что собираясь в СССР, Меллер, имея приглашение от Института экспериментальной биологии (Н.К.Кольцов) и Института медицинской генетики (С.Г.Левит), выбрал Институт генетики АН СССР под руководством Вавилова, хотя Вавилов, как мы узнаем из его письма С.Г.Левиту 1933 г. (24), испытывал трудности в организации приема Меллера в Институте, только что переехавшем в Москву.

Значение сотрудничества Г.Меллера с советскими генетиками для дальнейшего развития генетики в СССР неоднократно отмечалось историками биологии. Отъезд его в 1937 г. был связан с прошедшей в 1936 г. дискуссией по биологии и усилившимися нападками на классическую генетику. Позиция Г.Меллера в дискуссии 1936 г. обсуждается историками генетики и современниками — свидетелями драматических событий в истории советской науки — А.Е.Гайсиновичем, Н.П.Дубининым, В.С.Кирпичниковым, Д.В.Лебедевым и другими, биографом Г.Меллера Э.Карлсо-

ном (25), а также американскими советологами М.Адамсом и Л.Грэхэмом. Не упоминается историками мало известная работа Меллера "Учение Ленина и его отношение к генетике", написанная им специально для сборника "Памяти В.И.Ленина. Сборник статей к десятилетию со дня смерти. 1924—1934" (26).

Участие Г.Меллера в таком издании не случайно и неудивительно. "...Некоторые западноевропейские, русские и американские генетики конца в 20-х и 30-х годах рассматривали свою науку в качестве прекрасного подтверждения принципов диалектического материализма. В высказываниях таких людей, как Холдейн, Меллер, Жебрак, Агол, Серебровский и Дубинин, выражаются их глубокие симпатии (по крайней мере, в известном отношении) к этим принципам. В самом деле, если задуматься о целях и методах исследований по современной генетике, то сразу же возникает ощущение того, что только по иронии судьбы такая фундаментально-материалистическая теория могла быть отвергнута от имени материализма", — комментировал это обстоятельство Л.Грэхэм в 1983 г. (27). Советской биологии и советскому обществу такая "ирония судьбы" стоила чрезвычайно дорого.

Позже, принимая участие в организации Международного конгресса по генетике, состоявшегося в Шотландии в 1939 г., Меллер писал Вавилову: (письмо адресовано в Москву, в Институт генетики АН СССР) (28).

“21 февраля 1938 г.

Дорогой Николай Иванович!

В течение некоторого времени я намеревался написать Вам, совершенно неофициально и в порядке “частной информации” сообщить о тех событиях, которые имели место в Международном комитете генетического конгресса минувшей осенью, и которые, я думаю, представляют для Вас большой интерес. Мне известно, что оба представителя двух крупных англоговорящих стран (Холдейн от Англии и Дэн от Америки) голосовали в Комитете в пользу безусловного созыва конгресса в СССР, так что окончательное решение было принято вопреки голосованию представителей этих двух стран, в которых, наряду с СССР, генетическая наука представлена наиболее полно. (Возможно, что я льщу себе, но полагаю, что мои усилия не остались без влияния на точку зрения представителей этих стран.)

Хотя окончательное решение было принято вопреки мнению представителей этих двух стран, тем не менее их роль в дальнейшей подготовке конгресса, поскольку последний состоится в Англии, будет наиболее существенной. И хотя они не могут изменить принятое решение, однако, счи-

тают более желательным, чтобы конгресс был собран здесь, не в какой-либо фашистской стране, и заручившись гарантией, по крайней мере, в этом отношении, стремясь сейчас сделать все от них зависящее, чтобы провести конгресс под знаком наибольшего благоприятства со стороны СССР. Поэтому любой совет или даже нечто большее, чем простой совет, исходящий от Вас или от кого бы то ни было из Вашей страны, найдут здесь наилучший прием.

Английские ученые стремятся объединиться с представителями советской науки и способствовать своим авторитетом и авторитетом конгресса укреплению дружеских отношений в дни столь напряженного положения во всем мире.

Одновременно с этим Вы получите официальное письмо от Крю.

Сейчас я целиком поглощен генетической работой. Отношение ко мне здесь самое благожелательное, но я не могу сказать, что я никогда не скучаю по Москве и Ленинграду.

Искренне Ваш Герман Меллер“.

Глубокое уважение и привязанность к Н.И.Вавилову Г.Меллер сохранил до конца жизни. Именно ему принадлежат слова, многократно цитируемые в юбилейной литературе 1987 г., высоко оценивающие значение деятельности Н.И.Вавилова для России: "Этот сказочно продуктивный человек сделал для генетического развития сельского хозяйства своей страны больше, чем сделал кто-либо другой для какой либо страны в мире" (Г.Меллер, из письма к Гордону Бейли 1953 г.).

Суровая действительность второй половины 30-х годов уже не располагала к иллюзиям, но все же предвидеть размах последовавших репрессий вряд ли было возможно. С конца 20-х годов периоды жесткого нажима на ученых чередовались с его ослаблением, и тогда с новой силой вспыхивала надежда, пожалуй, не удивительная при той увлеченности делом, какое было характерно для Вавилова и его близкого окружения.

Вот некоторые из многих свидетельств того, как верилось Николаю Ивановичу в благополучную развязку вновь и вновь возникающих в эти годы трудностей.

Еще в 1921 г. началась активная переписка между Н.И.Вавиловым и сотрудником Вашингтонского департамента земледелия М.О.Шаповаловым, вынужденным эмигрировать из России еще во время революции 1905 г. Одержимый мыслью репатрироваться в Советскую Россию, Шаповалов встречает поддержку Вавилова, который берет на себя ходатайство о предоставлении семье Шаповалова въездных виз. Особенно активно ведутся переговоры в 1930 г., и вдруг Вавилов перестает обсуждать проблему приглашения им Шаповалова. Последний недоумевает, но в октябре 1931 г. он получает отправленное Вавиловым из Берли-

на письмо, объясняющее причину молчания. "Пользуюсь случаем написать Вам коротенько причины того, что до сих пор мы не послали Вам официального приглашения к нам... В связи с обвинениями в контрреволюции... немало людей пострадало зря... никто из нас не мог Вам гарантировать нормальной работы... Писать об этом неприятно. Много в прошлом. Много стало лучше. Работаем и будем работать... Делается большое дело..." И в заключение. "Простите за это откровенное письмо, написанное притом оптимистом" (29) — вот где виден вавиловский характер. Переписка продолжалась до конца 30-х годов, причем Шаповалов не оставлял надежды на репатриацию (30).

Цитируемая выше переписка Шаповалова и Вавилова — только одно из многих свидетельств сотрудничества с ним русских эмигрантов, активно помогавших во время экспедиций Вавилову, крайне стесненному во времени, средствах, а порой и в возможности передвижения по странам ввиду ограничений в выдаче виз иностранцам с советским паспортом. Во время средиземноморской экспедиции 1927 г., так и не добившись от Великобритании визы на въезд в Египет, Вавилов поручил молодому римскому студенту Н.Гайсинскому обследовать интересовавшие его пограничные с Суданом районы, собрать семена растений (31). Впоследствии Н.Гайсинский активно переписывался с Вавиловым, переписка эта сохранилась (в подлинниках Гайсинского и отпусках Вавилова), в ней также, как и в переписке с Шаповаловым в трудное для Гайсинского время возникла тема репатриации. Однако в середине 30-х годов такая возможность уже не могла реализоваться.

В Палестине, в том же 1927 г., Вавилов-путешественник познакомился с ботаником из Иерусалима Александром Эйгом, также выходцем из России. Сохранившаяся в архиве переписка Вавилова с Эйгом по вопросу происхождения пшениц, представляет научный интерес (32).

О широте международных связей Вавилова и популярности его в научных кругах на Западе много писали. Несколько неожиданную оценку этой популярности дает публицист Марк Поповский. По его мнению, пользующийся мировой известностью советский биолог сослужил плохую службу своему народу, выступив в роли "подсадной утки" сталинского режима для западной общественности. Поповский имеет в виду то обстоятельство, что в своих публичных выступлениях в Америке и Европе Вавилов оптимистически рассказывал об успехах советской науки, не упоминая об ужасах коллективизации и голоде на Украине в 1932 г. Отметим, однако, что с августа 1932 г. до февраля 1933 г. Вавилов действительно пробыл за границей и, вернувшись из экспедиции в Северную и Южную Америку, больше на Запад не выезжал, а рассказывать об успехах советской биологии, занимавшей в 20-х — 30-х годах передовые позиции в мировой науке, у

него были все основания. В этой же книге М.Поповский выстраивает сюжетную линию и других сомнительных услуг, якобы оказываемых Вавиловым своему правительству, вроде фотографирования стратегических объектов в Афганистане во время экспедиции 1924 г. (33) и специальных знакомств, поддержки переписки, имеющей форму "задания".

Автор, рассказывая о знакомстве Вавилова с немецким колонистом в Аргентине пишет, что колонист, будучи приглашен на обед в немецкое посольство, последовательное в своем стремлении привлечь на сторону фашизма и немцев, живущих в эмиграции, отказался от визита в свое посольство, а "предпочел поболтать часок-другой с обаятельным русским профессором". Здесь же М.Поповский пересказывает письмо советского сотрудника Вавилову, содержащие просьбу поддержать "полезное" знакомство и сообщать о переписке в "органы" (34). Однако обращение к архиву обнаруживает письмо секретаря советского посольства в Уругвае (!) т. Аустерина, который просит профессора Вавилова прислать агрономические труды немецкому колонисту Бергеру, директору опытной станции "Эстансуэла", поскольку колонист так мил, что предпочел официальному визиту в немецкое посольство вечер в обществе советского полпреда Л.Минкина и разговор о профессоре Вавилове, бывшем в Уругвае проездом два года назад (35).

Ошибка в датах (1932 и 1935 гг.) была бы не страшна, если бы при этом, в угоду выстраиваемой автором линии "служения Вавилова своему правительству", не искажалось самое существо событий.

Н.И.Вавилов, всю жизнь собиравший коллекцию культурных растений, имел друзей среди советских полпредов во многих странах. Больше других ему оказывали помощь в сборе семян Л.Старк, аккредитованный в Афганистане, и Л.Минкин, работавший в Уругвае. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сотрудник представительства СССР в Уругвае писал Вавилову, передавая просьбу Бергера — не просто немецкого колониста, но известного селекционера, присылать ему русские издания. Вавилов и Бергер действительно обменялись несколькими письмами, но они не содержат никакой "полезной" информации — только ботаника (36).

Как возникла ошибка — перепутал ли автор даты и названия государств, или использовал в качестве источника информации подшитое в дело № 1500 донесение сексота, неточно просмотревшего переписку директора ВИРа, ответить мог бы только сам М.Поповский. Но так или иначе сгущение красок вокруг лояльности, проявляемой академиком Вавиловым по отношению к своему правительству, не находит оправдания. Пример, достаточно наглядно иллюстрирующий безответственность и вольность автора в интерпретации документа, снижает доверие и к другой информации, им приведенной.

Не менее остро, чем проблема понимания служения Вавилова своей стране, обсуждается в научной публицистике концепция "вины Вавилова", в соответствии с которой ответственность за быстрое восхождение Лысенко к власти и засилие его и его сторонников, так трагически сказавшееся на развитии советской биологии, возлагается на Николая Ивановича.

Обращение к переписке Вавилова позволяет утверждать: представление о том, что он сам содействовал разрушению созданного им дела и своей гибели, сильно упрощено. В переписке приводится множество фактов, позволяющих установить действительную последовательность событий. Знакомство с перепиской ученого позволяет усомниться в распространенной версии первого знакомства Вавилова с Лысенко. Напомним, что известно из воспоминаний современников: Вавилов заинтересовался молодым агрономом в 1928 г., после рассказов своих сотрудников, побывавших в Гандже, где работал Лысенко, и после сенсационного сообщения журналистов об успехе его отца — крестьянина, применившего в своем хозяйстве совет сына (попросту замочил семена перед посевом, выдержал их на холоде и получил небывалый урожай в одно лето, как яровых). Напомним, что еще в 1923 г. Вавилов побывал на Украине, и кроме Киева, где сделал доклад об изучении происхождения культурных растений, был и на Бело-Церковской станции, где работал в это время Т.Д.Лысенко. На Бело-Церковской станции проводились серьезные исследования, на курсах при станции преподавал прекрасный цитолог Г.А.Левитский. Поэтому на первых порах доверие Вавилова к Лысенко, как к имеющему какую-то школу, не совсем было лишено основания. Поворот событий, появление все усиливающейся группы Лысенко, агрессивность его и его сторонников — процессы, не контролируемые учеными. Истинной причиной как восхождения, так и длительности периода засилия Лысенко, была проблема связи науки с практикой, имевшая, как мы знаем, беспрецедентно острый характер в период социалистической реконструкции. Лысенко получал поддержку независимо и помимо Вавилова, не нуждаясь в его покровительстве. ВАСХНИЛ же и ВИР, входивший в систему ВАСХНИЛ, были подчинены Наркомзему, финансировавшему эти научные учреждения, и Вавилову было поручено курировать Лысенко.

Письмо Вавилова в Одесский селекционно-генетический институт 1932 г. многократно цитировалось, но при этом были опущены слова, с которых оно начиналось: "Нарком земледелия Союза тов. Яковлев поручил Академии с. х. наук им. Ленина взять под особое наблюдение работы по яровизации в нынешнем году для оказания максимального содействия и проведения этих опытов. Персонально мне по Академии поручено заняться этим вопросом..." (36).

Наибольшее осуждение вызывает оценка Вавиловым метода яровизации и теории стадийного развития. Однако не следует забывать, что Вавилова интересовала яровизация как экспериментальный прием для ускорения сроков созревания семян в селекции (именно так оценивался этот прием еще в конце прошлого века (37), прием, позволяющий ускорить работы по анализу образцов коллекции культурных растений).

Как президент ВАСХНИЛ и человек, ответственный за сельскохозяйственную науку и практику в стране, он понимал, что ускорение созревания хлебов даже на несколько дней может иметь большое значение для сокращения потерь при уборке их в тех районах Поволжья и Украины, для которых было характерно наступление сезона суховея, вызывавших осыпание колосов. Вавиловым и другими специалистами яровизация пропагандировалась как ограниченный прием, а вовсе не как панацея.

В 1933г. вернувшийся из экспедиции в Сев. и Юж. Америку, Н.И.Вавилов выступал перед слушателями Социалистического университета им. Я.М.Свердлова с лекцией "Новые достижения агронауки в СССР и за границей", и утверждал, что "Яровизация не меняет наследственной структуры. Яровизация является только фактом индивидуального развития" и, отвечая на вопрос, можно ли при яровизации получить несколько урожаев, отвечал "Да, для селекционных целей" (38). В качестве примера того, насколько была принята эта точка зрения среди специалистов, можно привести лекцию проф. Э.Бауэра в том же Социалистическом университете им. Я.М.Свердлова, имевшую место 21.3.1937 г. (39). В этих условиях растение проходит стадию своего развития в состоянии зародыша, происходят изменения, которые вызывают более быстрое развитие яровизированного растения, более раннее наступление фазы выколашивания, цветения и созревания. Созревание наступает на 5-6 дней раньше, а для засушливых районов это имеет большое значение в смысле ухода пшеницы в момент налива зерна от суховея"

Коллекция, которую собрал ВИР (в значительной степени благодаря усилиям самого Вавилова), должна была оперативно вовлекаться в практическое использование, это было жестким требованием времени. Сельское хозяйство, разрушенное не столько гражданской войной, сколько чудовищными методами проведения коллективизации и перекачкой рабочей силы в индустриальное строительство, что не осознавалось руководством страны, по его же мнению, нуждалось в новых высокопродуктивных сортах, следовательно, требовалась выдача их любым стахановским способом. Вавилов же, продолжая настаивать на том, что мировые растительные ресурсы, прежде вовлечения в селекцию, должны быть изучены, был заинтересован в методе яровизации, считая его, кроме того, своеобразным стрессом для растений, позволяющим выявить возможности генома. В переписи

ске Вавилова этого времени разбросаны рекомендации применить яровизацию к многим культурам. Он обсуждает эту проблему, например, в письмах И.Г.Эйхвельду, а также многим другим и действительно высоко оценивает этот, подчеркиваем, экспериментальный прием (40).

Вавилов поддерживал и другие начинания, впоследствии неудавшиеся, не считая себя вправе упустить ни одной возможности, не проверенной экспериментально. В качестве примера можно привести работы Е.О.Манойлова по разработке химического метода определения пола у растений и химического тестирования озимого или ярового типа развития семян (41), экспериментов А.М. и С.А.Петровых, пытавшихся получить повышение урожайности зерновых, помещая семена перед посевом в поле переменного тока. Обо всем этом мы узнаем из переписки Вавилова. Показателен аргумент, к которому он прибегает, предлагая поддерживать изобретателей: "Все же надо поддержать Петровых. Может быть, в их неправильно, по-нашему, организованных опытах есть верная интуиция. Поэтому я бы считал возможным выделить небольшое ассигнование по президиуму в распоряжение Казахстанского филиала Академии для субсидирования работ тт. Петровых..." (42).

В истории отечественной биологии советского периода Н.И.Вавилов, пожалуй, самая яркая и романтическая фигура. Ученый с мировым именем, он был человеком, занимавшим активную гражданскую позицию. Его творческая биография и вся жизнь теснейшим образом переплетены с историей государства в ее героизме и трагичности.

Естественно, что в архивных материалах, связанных с деятельностью ученого, мы находим множество документов истории и организации науки в советское время.

Как уже отмечалось выше, по ним можно проследить историю решения многих научных проблем, историю создания и функционирования научных учреждений, формирования научных школ.

Замечательно интересная переписка Н.И.Вавилова с Р.Э.Регелем воскрешает историю Отдела прикладной ботаники Сельскохозяйственного комитета, бывшего перед революцией центральным учреждением, специализировавшимся на изучении культурных растений. Поддержка, оказанная Робертом Эдуардовичем в самом начале научной деятельности выпускнику Московского сельскохозяйственного института Н.И.Вавилову в 1911 г., была решающей. Покровительствовавший ему Р.Э.Регель ввел подающего надежды исследователя в элитарный круг русских ботаников, принял его в Петрограде, содействовал его начинаниям в Саратове. Слова, сказанные Регелем при рекомендации Вавилова в должность заместителя "заведывающего Отделом прикладной ботаники" в 1917 г. — "В лице Вавилова мы привлечем Отдел

прикладной ботаники молодого талантливого ученого, которым еще будем гордиться русская наука" — в полной мере оправдались. В переписке Р.Э.Регеля и Н.И.Вавилова подробно изложена также история работы организованного Вавиловым в Саратове Отделения, бывшего, как отмечено в отчете Опытного отдела Наркомзема РСФСР и Сельскохозяйственного ученого комитета за 1918-1920 гг., единственным, на котором не прекращалась работа: "Из местных учреждений, нормально и в полном объеме работы шли только в Саратовском отделении прикладной ботаники при Саратовском университете, где удалось даже расширить деятельность на ряд новых культурных растений... а также в направлении генетического изучения культурных растений" (43). Напомним, что речь идет о работе в Поволжье, практически на линии фронта гражданской войны. В подробных письмах-отчетах Вавилова, опубликованных только в 1987 г., легко видеть пример того, как энергично развивалась творческая мысль в самых, казалось бы, противоестественных для научной работы условиях. "Вот уже две недели у нас гостит Прянишников, — писал Вавилов 14 июля 1918 г. — Здесь еще можно работать. Сегодня, например, у нас было собрание местного ботанического общества, на котором было до 100 участников... Осенью, думаю у нас будет масса материала для печатания и много оригинального. У нас много открытий по части форм, филогинеза. Научились получать альбиносов по желанию. Синтетическим путем скрещивания *A. brevis* с *A. nuda biarista*, получил *Avena strigosa*..." Приписка двумя днями позже, 16 июня: "Идет холера. У меня как будто заболел ею слушатель. В городе эпидемия. Надо принимать меры..." (44).

Факт, описываемый Вавиловым здесь мельком, в действительности представляет собой значительный интерес для историка биологии. Речь идет о первом случае искусственного синтеза природного генома, экспериментально подтверждающем возможность эволюции путем гибридизации. Значительно позже, в 1935 г., один из сотрудников Г.Д.Карпеченко, Рыбин, осуществил в эксперименте ресинтез генома сливы путем скрещивания терна и алычи. Последний случай отмечен в статье Н.Н.Воронцова (45) как первый, описанный в литературе.

В 1921 г. основная часть коллектива Отделения перебралась вслед за заведующим в Петроград, и из писем Н.И.Вавилова его другу П.П.Подъяпольскому (46) в Саратове мы узнаем, как шли на первых порах дела в Отделе прикладной ботаники, принадлежащем теперь Институту опытной агрономии, от руководства которым безуспешно отказывался Н.И.Вавилов, и который ему все-таки пришлось возглавить в 1923 году. С этого времени он больше втягивается в организационную работу, привлеченный возможностью расширить фронт исследований и движимый глубокими патриотическими чувствами. В его письмах последую-

щих лет прослеживается история многочисленных реорганизаций системы исследовательских и селекционных учреждений, вплоть до устройства Академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина, задуманной правительством в 1925 г., но реально осуществленной на рубеже 1929/30 годов. При Вавилове за 10 лет прошли еще две ее "коренные перестройки" — в 1934 и 1938 годах. Так методом проб и мучительных ошибок создавалась система — централизованная, громоздкая и неповоротливая, не справлявшаяся с колоссальным объемом работ на территории от западных границ до советского Дальнего Востока и от субтропиков до Приполярья. Что же успевал сделать в этих условиях лидер советского растениеводства?

Во-первых, быть везде, где в нем нуждались. Адреса на его письмах — весь Союз (и Европа, Северная Африка, Америка, Япония...). Казалось бы, несовместимая вещь, — максимальное внимание к такому количеству проблем: коллекция и проследивание всех стадий ее комплексного изучения, интродукция новых растений (решена проблема производства отечественного хинина с освоением культуры хинного дерева в районах советских субтропиков, освоена культура каучконосов — американской гваюлы и среднеазиатских кок-сагыза и тау-сагыза); успешно решается проблема северного земледелия; кажется, и с сортами хлопка разобрались в Средней Азии и в Закавказье (правда, с помощью приглашенного Вавиловым главного консультанта Британской хлопковой корпорации доктора С.Харланда, но не потому, что нет своих специалистов — не поверили Л.П.Бордакову, по указанию Вавилова 4 месяца просидевшему за анализами, не авторитет он для Союзного хлопкового комитета) (47); блестяще идут генетические работы в лаборатории Г.Д.Карпеченко в Детском Селе (Вавилов в его отсутствие собрал и переориентировал людей, чтобы вернувшийся от Моргана из Калифорнии Георгий Дмитриевич мог легче развернуться); в Москве вокруг Г.Меллера в новом генетическом институте концентрируется молодежь, А.А.Прокофьевой вместе с К.Бриджесом из той же моргановской лаборатории сделано открытие, институт встает в ряд с знаменитым Институтом экспериментальной биологии Н.К.Кольцова...

С другой стороны, завершена новая уточненная редакция теории центров происхождения (ген) культурных растений, но книга не издана (и не найдена рукопись); подготовлена книга "Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции" (издана только в 1957 г.), в ней подытожены результаты многолетних работ по иммунитету на современном уровне (1935 г.); сформулировано учение об исходном потенциале в селекции и изданы три тома коллективного труда "Теоретические основы селекции"; разработан план много-томного издания "Культурный флоры СССР" (при жизни Вави-

лова изданы 7 томов их 22-х задуманных). Издано так нужное всем руководство по апробации сортов сельскохозяйственных культур. Создана Секция истории агрокультуры в академическом Институте истории науки, активно идут исследования по истории земледелия (48).

Все эти сюжеты проходят в письмах неутомимого исследователя и путешественника, поражая адресатов и теперешних читателей щедростью таланта и широтой души автора. Пожалуй, лучшим образом характеризуют стиль жизни его в науке слова У.Бэтсона, которые любил цитировать Вавилов: "Во многих хороших организованных предприятиях есть люди, известные как "будильники" (knocheg-up), их неблагоприятное дело — будить других ото сна и твердить им, что наступило время работы. Эту неблагоприятную роль беру сегодня на себя я, и, если я стучу громко, то это потому, что в этом нужда..." (49).

В последние годы активно признается вклад Н.И.Вавилова в мировую генетику. Прежде акцент в оценке деятельности его в науке ставился на утверждении им селекции как науки, геоботанике и большой научно-организационной деятельности, заложившей основу структуры сельскохозяйственной науки в СССР (надолго скомпроментированной лысенковскими усилиями). В данном контексте уместно отметить научное предвидение Вавилова, чуткость в руководстве им большими научными коллективами, умение переместить центр тяжести комплексных исследований в новую область, не нарушая целостности всего фронта работ. Пример этого — поворот, осуществленный им в изучении, как он говорил, "растениеведения" в генетику на рубеже 20-х — 30-х годов...

По мнению Вавилова, в это время генетикой уже были глубоко разработаны методы цитогенетического анализа, методы морфологического изучения хромосом, приемы картирования генов на хромосомах, что давало возможность применить их к изучению географических рас, целых видов, использовать генетические эксперименты и анализы для исследования проблем видообразования, проблем эволюции. Такие работы, как уже указывалось, и были развернуты в начале 30-х годов в Детско-Сельских лабораториях и в Московском институте генетики.

Проходит в переписке Вавилова и важный вопрос координации исследовательских программ в области растениеводства в АН СССР и институтах ВАСХНИЛ. Этому посвящено его письмо президенту АН СССР академику В.Л.Комарову от 8 апреля 1936 г. (50).

Следует признать, что главным событием истории отечественной биологии 30-х годов было, разумеется, не создание ВАСХНИЛ и, к сожалению, не организация Вавиловым новых перспективных направлений в генетике, а биологические дискуссии,

поразившие биологов в середине десятилетия и парализовавшие их на два последующих.

Центральной фигурой в биологических дискуссиях второй половины 30-х годов был Н.И.Вавилов, персонально ему была адресована большая часть претензий к биологической науке в целом, от абсурдно негативных оценок его научной деятельности до политических обвинений во вредительстве, идеологическом противостоянии социалистическому строительству, космополитизме.

В литературе о Вавилове в оценке событий, непосредственно предшествовавших дискуссиям, а также при обсуждении мотивов поведения ученого в разные моменты сложнейшего периода его жизни последних пяти лет на свободе, распространено мнение о том, что именно "поддержка" Николая Ивановича была решающей в возвышении Лысенко и роковой для его личной трагедии. Публицисты прямо называют "покровителем Лысенко" Вавилова, и вся история излагается в соответствии с притчей: "Вскормил кукушку воробей, бездомного птенца, а он возьми да и убей приемного отца".

Обратим внимание и на другие стороны обвинений (именно обвинений, а не упреков) в адрес Вавилова: он должен был предусмотреть последствия усиливавшегося у него на глазах влияния Лысенко, а не защищать перед неучем положения классической генетики — это очевидные истины, не нуждающиеся в защите. Задача ученого ранга Вавилова состояла, по рассматриваемой версии, в том, чтобы очертить масштабы грозящей катастрофы и тем самым предотвратить ее. (В той или иной форме положения, приведенные здесь в кратком и слегка утрированном виде, высказаны М.Поповским и В.Сойфером, подхвачены другими публицистами. Кроме того, в этом же тоне сформулированы претензии к Н.И.Вавилову крупным генетиком академиком Н.И.Дубининым и известным историком генетики А.Е.Гайсиновичем — более молодыми современниками Вавилова).

К счастью, к настоящему времени уже существует обширная литература о Николае Ивановиче, опубликовано множество документов и воспоминаний о нем, ознакомившись с которыми, можно составить представление о его личности. Поэтому возьмем на себя смелость утверждать, что Николаю Ивановичу было свойственно качество, не так часто встречающиеся среди ученых и в то же время присущее великим среди них — он не боялся никого "пустить в свой огород" и приветствовал каждого, кто потенциально мог содействовать успеху в решении важной проблемы. Его позиция как специалиста была предельно открыта: все решает эксперимент. Когда в конце 20-х годов Лысенко выступил со всеми предложениями, Вавилов поддержал исследования по яровизации, не высказываясь за немедленное перенесение этого агротехнического приема повсеместно на поля. Теория же

стадийности в физиологии растений, приверженцем которой был Лысенко, имела право на существование наравне с другими, пока не придуман, не сконструирован эксперимент или система экспериментов, ее опровергающих. Вавилов поддерживал эксперимент, исследование, и выступил немедленно против, когда стали явными попытки Лысенко на монополизацию, как выступил бы против монополизации любой идеи. Отметим также, что речь о принятии Вавиловым Лысенко как коллеги по научному поиску может идти лишь до момента выступления самоуверенного агронома с отрицанием хромосомного пути передачи наследственности. Распространено также мнение о том, что вировский профессор сразу с большим скепсисом отнеслись к сообщениям Лысенко, но доверчивый Вавилов не посчитался с их мнением, подавил всех своим авторитетом и "подал" Лысенко. Это легко опровергнуть, сославшись на имеющуюся в фонде ВИРа стенограмму заседания Научного совета, состоявшегося 1 сентября 1929 г. (51).

Слушался доклад Т.Д.Лысенко "Вопрос об озимости" Стенограмма фиксирует скромность докладчика при обсуждении его приоритета в отношении метода закаливания семян холодом, полный восторг профессоров В.В.Таланова, Н.А.Максимова, В.Е.Писарева ("Расхождения докладчика с точкой зрения, которой придерживаются физиологические лаборатории ВИПБ и НК — небольшие... Доложенная работа в высшей степени ценна и интересна." — говорит Максимов. Таланов отмечает осторожность и скромность (!) докладчика и ставит вопрос о привлечении его в институт. Писарев особо отмечает те возможности для селекции, которые открывает применение метода охлаждения). В заключительном слове докладчик сообщает, что ввиду спешных работ он в настоящее время не может написать доклада для печати, он не претендует на приоритет, но твердо заявляет, что если пошатнется основное положение, если окажется, что озимые и яровые злаки не одно и то же, то он не в состоянии будет вести дальнейшие физиологические работы... (52).

Вавилов на заседании отсутствует — он в экспедиции (Дальний Восток, Япония, Китай). На следующем докладе Лысенко в ВИРе в 1935 г. обстановка уже иная: Лысенко нагл и уверен, профессора поддерживают Лысенко с небольшой оговоркой, Вавилова и здесь нет — он в Закавказье.

Отвечая на упрек современных критиков позиции Н.И.Вавилова на дискуссии 1936 г., следует иметь в виду, что предмет ее реально существовал, необходимость в ней, как уже отмечалось выше, была очевидна: идеи Лысенко были близки как агрономам-опытникам, не вникавшим в механизм наследственности, так и научным сотрудникам, работавшим с отдельными культурами и не занимавшимся непосредственно генетическими экспе-

риментами. Утрированное толкование менделевских законов, положений теории о неделимости гена не находили понимания в широкой среде специалистов, работавших в сельскохозяйственной и биологической науке, и игнорировать это было нельзя. "Понимая филогенетику и онтогенез, мы видим, что "культурники" находятся ближе ко всем идеям Лысенко, — это слова Е.Н.Синской, одной из сотрудниц Н.И.Вавилова в ВИРе. "Сам Георгий Дмитриевич, — продолжает Синская, отвечая Г.Д.Карпеченко на дискуссии по его докладу в 1936 г., — говорит, что беда генетики именно заключается в том, что генетика отделена от фенотипа "китайской стеной" и, по-моему, заслуга Трофима Денисовича в том, что он хочет найти промежуточное звено между фенотипом и генотипом..." (53).

Приведенные цитаты — а это мнение не недоучки-аспиранта, а автора многих работ по ботанике, перешедшей, как она сама говорит, "от систематики на селекционную работу", — нужны не для того, чтобы разделить ответственность между Вавиловым и его сотрудниками, но для того, чтобы лучше понять обстановку. Наблюдаемые Лысенко в эксперименте с пшеницей "Кооператорской" бесспорные, как отмечали его оппоненты-генетики, факты, истолковывались им совершенно превратно, прямо таки с диких позиций. Реальное же объяснение, основанное на признании гетерогенности исходной формы, возможности ее расщепления и отбора в процессе эксперимента, не принималось. В попытке постановки проверочного эксперимента, как это предлагал Вавилов, нет ничего предосудительного.

Дискуссия 1936 г., как мы видим, возникла не вдруг, к ней готовились. В ВИРе, как и в других учреждениях, прошла уже упомянутая своя конференция, довольно мирная (основной доклад делал Г.Д.Карпеченко), президиумом ВАСХНИЛ был предварительно выпущен сборник статей по спорным вопросам развития генетики. В том, что Вавиловым она воспринималась как научная (он даже рассматривал ее как смотр генетических сил перед предстоящим международным конгрессом в Москве), сходятся, пожалуй, все авторы, в той или иной форме затрагивающие эту проблему, и это естественно. Она действительно была смотром сил, но, к сожалению, не только генетических, но и растущих сил догматиков, противостоящих научной биологии. Позиция Вавилова на дискуссии историками единодушно оценивается как оборонительная и осуждается с большими или меньшими оговорками.

Косвенный упрек в уступке обстоятельствам делает Вавилову и Меллер. По свидетельству Жоравского, (54) Меллер с видимым удовольствием рассказывал ему, что из 4-х официальных докладчиков в 1936 г. он единственный демонстративно пренебрег указанием заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б) К.Я.Баумана, специально приехавшего на сессию, не касаться в выступ-

лении генетики человека. Аргумент 'типа "евгеника оружие расистов всех мастей" был в это время в ходу на всех уровнях. "У товарища Иванова, — вынужден был защищаться Г.Д.Карпенченко, отвечая активному аспиранту во время собрания в ВИРС, — как последнее средство, конечно, расовая теория. Это такая пушка, из которой всегда можно кончить человека...". Вавилов и Серебровский, которым адресован упрек Меллера (четвертым докладчиком был Лысенко), вероятно, это отлично понимали. Позже, в мае 1937 г., Н.И.Вавилов, подвергнутый "бичеванию" на общем собрании АН СССР докладом непременного секретаря Академии Н.П.Горбунова, защищая свой институт от некомпетентной критики, вынужден был сказать: "...Позвольте также считать упреки в области евгеники, которые к нам предъявляют, неправильными, не по адресу. Я сам евгеникой никогда не занимался и не собираюсь заниматься, ибо и без того велик раздел, который приходится охватывать в работе. Даже по установившейся в последние 10 лет традиции Международный генетический конгресс отделил себя резко от конгресса по евгенике. Этот раздел требует особых людей, может быть наиболее близких к антропологии, этнографии может быть... Во всяком случае, так связывать нас с проблемами рас, я думаю, что не стоит. Не нужно. И без того программа Института генетики, охватывающая трудные разделы, вопросы эволюции, вопросы об экспериментальной постановке генетики, и теоретические основы селекции растения и животных, она перегружена..." (55).

Следует учитывать также, что в это время (конец 1936 — начало 1937) в ЦК решался вопрос о проведении в Москве VII Международного генетического конгресса, в положительном решении которого был заинтересован Н.И.Вавилов, как и все российские генетики, старавшиеся преодолеть негативное отношение советского руководства к науке о наследственности. Общий итог — призыв Н.И.Вавилова к взаимному уважению и экспериментальной проверке спорных положений не имел успеха, хотя и в Президиуме ВАСХНИЛ он был далеко не одинок в этом стремлении. В январе 1937 г. решением Президиума ВАСХНИЛ (заседание было посвящено организации экспериментальной работы по итогам IV специальной сессии Академии) была определена комиссия "для уточнения перечня тем и выявления необходимых средств для проведения опытов" под председательством академика Г.К.Мейстера в составе академиков Н.И.Вавилова, П.И.Лисицина, П.Н.Константинова, М.М.Завадовского, А.С.Серебровского, профессоров Г.Меллера, Д.Костова, С.Г.Навашина и др. (56).

Список, намеченный Вавиловым для своих институтов, содержит шесть положений: изменчивость гена; внутривидовое скрещивание; браковка гибридов; подбор пар; отдаленная гибридизация; о привое и подвое. Первое положение подчеркнuto

дважды, и при распределении средств большая их часть предназначалась группе Меллера, который взял на себя эксперименты по проблеме.

Академики П.Лисицин и П.Константинов внесли свои предложения: "Из всех спорных вопросов, — пишет Лисицин 5 января 1937 г., — на мой взгляд, в первую очередь требуют экспериментальной проверки два вопроса, имеющих практическое значение и брошенных в производство без надлежащей проверки:

1. — об эффективности яровизации в разных районах и у различных сортов;
2. — о внутрисортном скрещивании у различных сортов самопылителей".

Цель эксперимента — "установить, какие культуры и по каким сортам дают в определенных районах прибавку урожая при яровизации, какие не дают и какие снижают урожай.", и "проверить в научной обстановке недоказанное пока утверждение Одесского института о влиянии внутрисортного скрещивания на урожайность"

Аналогичны предложения Президиуму и Константинова, уклавшего на необходимость уточнить методику яровизации стандартных сортов, а также использовать в экспериментах по внутрисортному скрещиванию сорта 100% чистоты. Оба специалиста настаивают на срочной публикации Госсортсетью и опытными учреждениями всех имеющихся опытных данных по яровизации в различных районах, которые, очевидно, скрываются и на основании опубликованных материалов составить районирование приема яровизации по сортам. Они требуют также не позже, чем к весне 1937 г., проработать вопрос о возможном сокращении масштаба яровизации одних сортов и усилении других. Т.о. речь идет не о крайних решениях, не об использовании приема яровизации в качестве панацеи во всех случаях, и не об отказе от яровизации вовсе, а о разумном и спокойном решении общей задачи.

Специальное постановление Президиума ВАСХНИЛ было принято, все положения одобрены и средства выделены. Однако результаты экспериментов и выводы, сделанные учеными, не были приняты во внимание в полном соответствии с губительной практикой советского руководства выбирать из рекомендаций специалистов только те, что подходили в качестве обоснования уже принятых партийных решений. Поэтому обращенный к ученым вопрос, где были эксперты в момент принятия абсурдных решений, звучал одинаково риторически как в 30-е, так и в 70-е годы. Что касается рассматриваемого периода, показателен следующий пример. Осенью 1940 г., уже после ареста Н.И.Вавилова, у ВИРа запросили отчет о деятельности каждой из лабораторий, в том числе и генетических лабораторий Детско-сельского отделения ВИРа. Зав. лабораторией генетики, Г.Д.Карпеченко,

указал в отчете (рукописный вариант хранится в архиве института в личном деле Г.Д.Карпеченко), что экспериментальная проверка не подтвердила положений Т.Д.Лысенко. В январе 1941 г. Георгий Дмитриевич был арестован.

В период между дискуссиями (1936 — 1939 г.) агрессивности "оппонентов" генетиков существенно возросла, вторая "встреча", состоявшаяся в декабре 1939 г., носила еще более обвинительный характер. По мнению и ее участников, и историков, позиция Вавилова в ней носила иной характер: он сражался.

Определенный интерес представляет оценка хода и итогов дискуссий их участником Н.П.Дубининым (57). В 1936 г., по мнению Н.П. Дубинина, Н.И.Вавилов в своем докладе не ответил на обвинения "в том смысле, что уклонился от прямой атаки неверных утверждений Лысенко". Высказывается также упрек Н.И.Вавилову и А.С.Серебровскому в том, что они не прогнозировали последствия дискуссии для сельского хозяйства. Мотивы поведения Вавилова на дискуссии вряд ли вызывают сомнения: этика ученого не позволяла использовать методы давления и обвинений, Вавилов предпочитал "противопоставить брани" убедительные факты, которых уже достаточно.

Никаких экспериментальных данных в пользу необходимости "отхода от традиционных методов" Вавилов не видит и не предполагает, что после дискуссии эти "традиционные методы" будут повсеместно оставлены.

В 1939 г. он впервые вынужден говорить о "практической значимости расхождений", ставшей очевидной за три прошедших года. Вавилов объясняет, что логика развития генетики как науки такова, что она естественно переживает отход от задач практической селекции, в генезисе науки необходим период накопления знания, его оформления. Этот период в развитии генетики был отмечен всюду, во всей мировой науке, но нигде это не становилось в вину ученым.

Н.И.Вавилов, всегда критически относившийся к своей деятельности, признавал, что им — и под его руководством Всесоюзной, как он говорил, Ленинской академией, за которую он по-прежнему чувствовал себя ответственным, — делается все еще недостаточно для того, чтобы достичь в селекции успеха, необходимого для повышения продуктивности сельскохозяйственного производства. И это оказывается поводом для обвинения ученого не только в трагические для него дни, но и теперь, спустя более 50 лет.

Н.П.Дубинин, присутствовавший на дискуссии, упрекает Вавилова в том, что он, сделав такое признание, сам спровоцировал критику в свой адрес. Не странно ли это, для человека, бывшего свидетелем трагических событий, который и сам пережил гонения. Удивительно, что в такой аргументации "признания" Н.И.Вавилова, как фактора, способствовавшего его травле,

Н.П.Дубинин неожиданно солидаризуется с бывшим помощником прокурора И.Т.Шеховцовым, который, выступая в защиту выполнявшего "свой долг" следователя Хвата, приводит в качестве довода "признание" узником Вавиловым своей вины. "Я смог принять на себя вину,— писал Н.И.Вавилов из Саратовской тюрьмы 25 апреля 1942 г.,— как руководящего работника, в отрыве моей работы от прямых задач социалистического производства и в выполнении мною в бытность мою президентом с/х академии (1930-1935 гг.) вредительских директив по руководству с/х наукой бывшего наркома земледелия СССР Я.А.Яковлева, кому непосредственно была подчинена с/х академия, таковы: игнорирование областного опытного дела, узкая специализация институтов, обоснование завышенных планов с/х" (58).

Напомним, что это "признание" сделано Н.И.Вавиловым после следствия, "продолжавшегося 11 месяцев (около 400 допросов в течение 1700 часов)", а упоминавшийся нарком Я.А.Яковлев к моменту ареста Н.И.Вавилова был уже расстрелян.

В письмах Вавилова дискуссии по генетике и селекции, прошедшие в декабре 1936 и 1939 годов, не находят развернутого освещения. Это и неудивительно: он предпочитал эксперимент словесным перепалкам. Но обстановка IV специальной сессии ВАСХНИЛ, на которой он выступил с призывом к взаимному уважению и экспериментальной проверке спорных положений, его настораживает:

"Дорогая Дора Михайловна,— пишет Вавилов сотруднице секретариата ВАСХНИЛ 7 января 1937 г. — Посылаю для напечатания доклад и заключительное слово на сессии. Передайте по назначению и проследите, чтобы не потеряли" (59).

Уже были ошибки в цитировании публикаций от его имени, когда ему приходилось писать несколько раз в газеты (и лично И.Г.Эйхфельду по поводу подписанной его именем статьи в "Северном земледелии", которой он не писал и не видел), но это были всего лишь попытки, используя его авторитет, привлечь внимание к проблеме или изданию, теперь же потеря страницы текста, его искажение могли стоить дороже.

Еще немногие следы дискуссий в письмах:

"Статья Г.А.Машталера на тему "Учение Т.Д.Лысенко и современная генетика" не подходит журналу "Природа",— пишет он в редакцию журнала 22 ноября 1937 г. — Она сугубо дискуссионна. Большинство положений автора спорно. ...Сущность дискуссии весьма своеобразно понята автором. Острота ее состояла в том, что ряд экспериментальных положений акад. Лысенко вызывал большое сомнение и вызывает таковые. Опыт доказателен тогда, когда его можно повторить и получить определенные результаты. Ряд экспериментальных положений, выдвигаемых школой Лысенко, к сожалению, на основе всего огромного опыта современной генетики требует дальнейших точных доказа-

тельств. Если доказательства эти будут даны, то тем самым значительно уменьшится острота дискуссии..." (60)

21 ноября того же года, дружеский совет Ю.Я.Керкису:

"Прочитал Вашу статью о взглядах Нильсона на эволюцию. Помоему, печатать ее не стоит. Для щелкоперов типа Презента она может дать материал для обратного рикошета, а так как словесность его крепче Вашей, то я боюсь, что Вы в конечном итоге останетесь в проигрыше. Привет. Ваш Вавилов" (61).

Из приведенных отрывков видно, что Вавилов, во-первых, сам не уходил от дискуссии, но, сознавая опасность ее, стремился удержать товарищей от бесплодного спора и, во-вторых, занятый множеством дел, предпочитал не обсуждать прошедшей дискуссии в письмах (62).

Большой интерес для историков представляют стенограммы заседаний (они именовались сессиями) Научного совета ВИР (до 1930 г. — ВИПБ и НК) под председательством Н.И.Вавилова. Для того, чтобы оценить их достоверность как исторического источника, следует иметь в виду, что стенографистки, услугами которых пользовался Н.И.Вавилов, не были случайными людьми, он отбирал их по конкурсу. В правом углу машинописных перепечаток стенограмм указаны несколько одних и тех же фамилий (Мишина, Левитская, Глазунова). Напомним, что ВИР был огромным (более 1000 чел. работников) комплексным учреждением, в стенах которого в течение многих лет Вавиловым были собраны лучшие в стране научные силы ботанических, биохимических, физиологических и других специальностей, связанных с изучением мира растений. Научная политика Института понималась широко, все проблемы обсуждались Научным советом, далеко не все доводилось до публикации, становясь таким образом достоянием истории науки. Обсуждались и так называемые "спорные вопросы" в плане общих дискуссий. В годы реорганизации ВИРа в соответствии с новыми требованиями ВАСХНИЛ и задачами, поставленными правительством, дискуссии переносились на заседания Президиума ВАСХНИЛ, также зафиксированные стенографами.

Анализ содержания стенограмм убеждает в том, что в 1936 г. в ВИРе еще не понимали, на какой опасный путь увлекает ученых навязанная им дискуссия. Обстановка в ВИРе была, в общем, спокойной (где-то "бузили" аспиранты, но не они составляли большинство). Предмет же научного спора, выносимого на общие трибуны, действительно существовал. Действительно имел место отрыв генетической работы от задач селекции и были в развитии генетики положения, тогда еще не решенные. Были не только потому, что в науку пришло много рабфаковцев, как иногда пытаются объяснить непонимание генетиков и теоретиков биологии "в массе". В столкновении мнений участвовали и те из старых биологов, которым претило существование

биологического закона, выраженного строгой математической формулой, как это было с законами Менделя.

Существенно также, что проблема более полного использования возможностей физиологии растения была понятна, а идея направленного влияния среды на организмы — чрезвычайно привлекательна и популярна, близка идеям решительной "переделки всего старого мира". Ламаркистские представления не только легко воскрешались, но и еще легче вульгализировались. Об этом много писали историки генетики (63) и, не останавливаясь сейчас на причинах легкости, с которой завоевал Лысенко круги "широкой научной общественности", вернемся к источнику, анализируя который мы пытаемся понять настроение, царящее в ВИРе, ВАСХНИЛ и Академии наук в это время. Источник — уже упоминавшиеся стенограммы многочисленных научных сессий и собраний по дискуссионным вопросам. Тексты их (за исключением двух декабрьских — 1936 и 1939 г.) не публиковались в 30-х годах, фрагменты некоторых из стенограмм попали в юбилейные журналы 1987 г. Нам наиболее интересны в них выступления Н.И.Вавилова. Это прежде всего доклад о результатах выездной сессии ВАСХНИЛ в Одесский селекционно-генетический институт 17 июня 1935 г. (и его обсуждение); доклад на Президиуме ВАСХНИЛ при обсуждении плана ВИР 2 декабря 1938 г., известное выступление на сессии ВАСХНИЛ по реорганизации ВИР 20-21 августа 1938 г. и на обсуждении отчета ВИР за 1938 г. и плана 1939 г. в Президиуме ВАСХНИЛ 23 мая 1939 г.; на заседаниях Президиума АН СССР по поводу уточнения плана работ Института генетики 19-27 мая 1939 г.

Только перечисление этих выступлений дает представление о том, насколько осложнилась обстановка к 1939 г., каким трудным было это время для Н.И.Вавилова. Любопытный пример иллюстрации методов ведения дискуссий 1936-39 гг. дает стенограмма заседания в Президиуме ВАСХНИЛ 23 мая 1939 г. (ф. 8390 ГАРФ). В папки собраны оригиналы расшифровок стенограмм и их перепечатка после редактирования. Существенно, что Н.И.Вавиловым в стенограмме поправлены только мелочи (тонким пером выправлены опечатки и ошибки в согласовании, допущенные стенографистками в длинных фразах), в то время как его оппонентами Г.Н.Шлыковым (л. 75-76, д. 1339 и л. 84-86, д. 5340) и Н.И.Нуждиным (л. 91, 88, д. 1399) дописаны новые вставки. Кроме текста выступления Г.Н.Шлыкова, в стенограмму вложено еще 5 страниц (л. 2-6, д. 1339) его личных замечаний к отчету директора ВИРа Н.И.Вавилова. Перед текстом стенограммы мы находим покающую записку некоего С.П.Хачатурова, адресованную лично президенту ВАСХНИЛ академику Т.Д.Лысенко с уверениями в том, что он, Хачатуров, посланный Т.Д.Лысенко в

ВИР в качестве заместителя директора, отчета Н.И.Вавилова не видел прежде, прочитал его только в Москве, перед заседанием, и поэтому никакой ответственности за его содержание нести не может (л. 4 и об.). Для кого был приготовлен второй отредактированный экземпляр стенограммы, гадать не приходится: в дело вложена расписка в получении со штампом "прием почты управления делами ЦК ВКП(б)" от 26 мая 1939 г. (л.3).

Еще одним ярким свидетельством твердости Н.И.Вавилова в защите научной позиции и ответственности за руководимое им научное направление является стенограмма лекций по истории генетики, прочитанных им в Москве в ноябре-декабре 1938 г., в самый разгар дискуссии и уже не прикрываемой ничем травли его лично (64). Лекции, задуманные автором как вводные к курсу современной генетики для аспирантов и молодых специалистов Института генетики АН СССР (из которого уже были вынуждены уехать такие крупные ученые как Герман Меллер и Дончо Костов), были, по существу, последней попыткой Н.И.Вавилова удержать от беспредметных споров и бессмысленных, не имеющих под собой научной основы, экспериментов хотя бы работавшую вокруг него молодежь.

В лекциях Н.И.Вавилова по истории генетики аккумулированы взгляды ученого на историю активно разрабатываемой им области биологии. Рукопись представляет собой стенограмму, расшифрованную одной из помощниц Николая Ивановича. Стенограмма, хотя и содержит ряд опечаток и ошибок в написании имен, дает полное представление о том значении, которое придавал автор изучению истории знания, огромную его эрудицию, редкое умение в краткой и доступной форме изложить весьма непростые вопросы истории развития и философии современной биологии, доносит до читателей живую речь Н.И.Вавилова.

Условия, в которых осуществлен курс истории генетики Вавилова, не мог не наложить отпечаток на характер изложения им "громады фактов", составляющих основу современного ему генетического знания. Лекции были рассчитаны на аспирантов и молодых сотрудников Института генетики и были, по существу, гимном исследователям, заложившим фундамент горячо пропагандируемой лектором науки. В них не найти резких характеристик. Н.И.Вавилов не мог назвать гипотезу "присутствия-отсутствия" В.Бэтсона "нелепой", а положения Лотси "абсурдными" (как это сделал А.Е.Гайсинович в 1967 г.), не только потому, что лектор в 1938 г. ставил задачу преодолеть общее негативное отношение к "буржуазным классикам и их теориям", но и потому, что отличительной чертой, присущей Николаю Ивановичу Вавилову, было в высшей степени уважительное отношение к своим предшественникам. Ему было свойственно желание отдать дань каждому, кто положил хотя бы один "кирпичик" в фундамент величественного здания современной науки. Вместе с тем, его нельзя

упрекнуть в отсутствии критичности: он умел объяснить условия, в которых возникли те или иные ошибочные воззрения, убедительно показать их ошибочность, а так же положительное значение дискуссии, возникшей вокруг спорных предположений и стимулировавшей новые исследования.

Еще одно несомненное достоинство курса — это обзор библиографии, сделанный в первой лекции курса. Известно, что Н.И.Вавилов придавал большое значение источниковедению в подготовке научных кадров. Первая лекция по источниковедению в генетике и селекции была прочитана им еще в 1925 г. на Всесоюзных курсах по генетике, селекции и семеноводству, организованных им в Государственном институте опытной агрономии в Ленинграде. Текст этих лекций — 100 машинописных страниц — сохранился. Свободно оперируя в дискуссии 1936 и 1939 гг. литературными данными, обычно игнорируемыми оппонентами, Н.И. отмечал в выступлении на Совещании по генетике и селекции 7-14 октября 1939 г.: "Моя же специальность, помимо других, — библиография в области селекции и генетики" (65). В лекциях по истории генетики многократно встречаются сетования по поводу отсутствия перевода на русский язык классических изданий, сам Николай Иванович постоянно будировал их осуществление.

Вопрос об отношении генетики и селекции, обсуждавшийся учеными на протяжении всего периода 1900-1930-х годов, в дискуссии 1936 г. и 1939 г. стоял особенно остро. Естественно, в лекциях Н.И.Вавилов не мог миновать его. Опираясь на уже имевшиеся к этому времени убедительные факты, он показывает, что в течение первой трети XX в. "царившие в селекционной практике традиции немецкого методического непрерывного отбора и неразличения унаследуемой и неунаследуемой изменчивости, естественным путем под влиянием генетики, давшей в это время крупные обобщения", отступили и "совершенно без всяких дискуссий селекционеры — практики были вынуждены принять основные положения Менделя", ибо они явились "единственной, фактически, теорией гибридной наследственности, только они, по существу, и давали возможность подойти к запутанным явлениям гибридизации и скрещивания" (66). Для доказательства этого положения Н.И. рассматривает классические работы Биффена, продемонстрировавшего на хлебных злаках полную применимость законов Менделя, а также приводит пример деятельности крупных селекционных учреждений, таких как Свалефская селекционная станция в Швеции и известная семеноводческая фирма Вильморенов во Франции. "Генетика становится, таким образом, научным фундаментом селекционной практической работы" и в то же время "сами селекционные станции становятся источником генетических знаний, проверяя установления генетики на различных объектах".

Последняя 5-я лекция посвящена проблеме связи генетики с волюционным учением — вопросу, наиболее остро дискуSSION-ному в конце 30-х годов. Пожалуй, эта лекция Вавилова наиболее убедительно снимает то противоречие в оценке творчества ченого его современниками и историками биологии, которое встречается в литературе о нем: одни исследователи считают, что основной линией его творчества была генетика, другие утверждают, что стержнем его философской позиции был дарвинизм. На наш взгляд, программные работы Н.И., такие как "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости", "Теория центров происхождения культурных растений", "Линнеевский вид как система", вместе с краткой, но убедительной речью перед слушателями 19 февраля 1938 г. (67) — пятой лекцией предпринятого им курса по истории генетики, — не оставляет сомнения в том, что решая вопросы частной генетики, Н.И. тем самым создавал фундамент из экспериментальных данных, на которых строилась его "философия растений", являвшаяся, по существу, основанием теоретических воззрений эволюционного плана. Современная синтетическая теория эволюции определенно воспринимает работы Н.И.Вавилова и его школы как источник синтеза генетики и эволюционизма (68). Именно Н.И.Вавиловым, по мнению автора указанного обзора, разделяемому нами, был сделан один из первых шагов на пути к созданию концепции широкого политипического вида в ботанике.

Лекции сохранились в виде оригинальной стенограммы, не правленной автором (архив АН СССР, фонд Института генетики), и в виде вариантов стенограммы, над которой несколько раз принимался работать Н.И. Вавилов, предполагая использовать материал для вводной части коллективной работы, критически оценивающей современное состояние развития генетики и его перспективы (личный архив Ю.Н.Вавилова). Последние материалы представляют собой сокращенные тексты лекций, из которых изъята большая часть личностных характеристик крупных генетиков начала XX в., с многими из которых Н.И. Вавилов встречался и имел переписку, сглажена речь. В тексте приглушена та горячность, с которой стремился Вавилов донести до слушателей свое восхищение предшественниками и свою убежденность в необходимости начинать изучение науки с ее истории. Это уже не "крик души", не экспромт, так много говорящий читателю о личности автора. Опущены также подробные описания ряда изданий, к которым лектор старался привлечь внимание слушателей, поскольку главная задача вводного курса, как это видно из текста стенограммы, состояла не столько в том, чтобы очертить круг основных проблем генетики, сколько подчеркнуть преемственность идей, назвать имена ученых, заложивших основы генетического знания — имена, которые идеологами новой "мичуринской биологии" употреблялись только с отрицательными

эпитетами. Отмеченные обстоятельства указывают на важное значение исходной стенограммы как первичного источника. Этот документ, зафиксировавший публичные выступления Н.И.Вавилова, представляя большой научный интерес, позволяет расценить эти выступления и как акт гражданского мужества ученого.

Тем более странен высказанный в уже упоминавшихся мемуарах теперешний упрек Н.П.Дубинина Н.И.Вавилову в том, что его генетическая школа стояла особняком, что он не придавал должного значения вкладу в науку отечественных генетиков. Странно и то, что высказывая упрек автор мемуаров почти повторяет популярное в 30-е — 40-е годы обвинение в космополитизме, причем поводом для этого ему служат даже не личные впечатления конца 30-х годов, а текст лекции Вавилова, опубликованный в 1987 г., к сожалению, невнимательно прочитанный Николаем Петровичем и, видимо, поэтому неверно истолкованный. Напомним, что лекция была прочитана в конце 1938 г. не в ВИРе (как сообщает Н.П.Дубинин в своих мемуарах), а в Москве, в Институте генетики, и опубликованная ее часть (небольшая, одна из пяти прочитанных Вавиловым лекций) посвящена связи между генетикой и эволюционным учением. В ней действительно не названы отечественные биологи за исключением С.И.Коржинского и Ю.А.Филипченко, но они названы в других разделах курса. Существенно также, что в условиях насаждаемого негативизма в отношении "западных" ученых, Вавиловым в лекции сознательно был сделан акцент на творчестве западных классиков генетики. Упрек несправедлив еще и потому, что Николаю Петровичу Дубинину в 1988 г. не могут быть неизвестны статьи Вавилова, опубликованные во второй половине 30-х годов и собранные в V томе избранных трудов Н.И.Вавилова в 1967 г., в которых не раз отмечен вклад в науку русских генетиков.

Необходимо исправить еще одну неточность, допущенную Н.П.Дубининым. На стр. 187 книги "Вечное движение" автор пишет, что Вавилов "задумал создать сборник критических работ, в которых их авторы должны были отмежеваться от прошлых ошибок генетики и дать постановку ее важнейших проблем с марксистско-ленинских позиций." Это заявление, звучащее как утверждение инициативы Н.И.Вавилова в пересмотре генетики с марксистских позиций, вряд ли стоит принимать во внимание, учитывая общий тон мемуаров Н.П.Дубинина как своего рода памятник себе. (По Дубинину, Н.И.Вавилов доверительно сообщил ему об этом своем решении, прогуливаясь с ним по Ленинградскому проспекту.) Более серьезным является свидетельство А.Е.Гайсиновича: "Поручение подготовить критический пересмотр тяжким бременем легло на плечи Вавилова в последний трагический период его жизни". Абба Евсеевич прав: ему, скрупулезному историку, наверняка известен текст специального решения Президиума Академии (от 22/III — 1940 г.), фиксирую-

щего это поручение академику Вавилову, а также стенограммы заседания Президиума, не принявшего предложенный им проект издания (69): не вышло из-под пера Вавилова разгрома генетики.

Практически вне поля зрения историков биологии остались вопросы сотрудничества Вавилова и его школы с крупными представителями мировой науки на Западе. Вавилов начинал свою исследовательскую деятельность в предреволюционное время, когда русская наука, интегрированная в науку мировую, имела прочные международные научные связи, дававшие возможность молодым русским ученым совершенствовать свое образование, стажироваться в крупных научных центрах за границей, длительное время сотрудничать с ними. В годы подъема научной деятельности, пришедшихся на период, когда советское государство интенсивно заимствовало на Западе передовые технологии, технических специалистов, представители естественных наук, в том числе и биологи, совершали поездки за рубеж, представляя там русскую биологию, генетику, занимавшую в это время в мире передовые позиции. Вавилов активно поддерживал переписку с учеными за границей, руководимые им институты сотрудничали практически со всеми научными учреждениями в области ботаники, селекции, генетики и агрономии. Архив ВИР сохранил служебную переписку директора и сотрудников этого известного в мире научного учреждения с учеными всех пяти континентов. Большая часть переписки приходится на Вавилова лично.

Составителями издания эпистолярного наследия Н.И.Вавилова, цитированного выше, учтены материалы зарубежной переписки ученого в российских архивах, составлен перечень научных учреждений и архивов за пределами России, имеющих вавиловские документы, а также список известных на сегодняшний день его адресатов и корреспондентов.

Организовать же выявление документов зарубежной переписки и создание их единого фонда, к сожалению, не удалось. Несмотря на нерешенность этой проблемы и, учитывая научную значимость документов, необходимость исследовательской работы, в этом направлении в Академии наук предпринимается попытка издания переписки "как есть". Парадоксальность ситуации с изданием переписки Н.И.Вавилова состоит в том, что организационная работа по ее осуществлению поручена ответственному секретарю редакционной коллегии (солидной, из 23-х членов, учрежденной при Президиуме АН еще СССР) С.Г.Корнееву. Сотрудникам Академии наук он известен как бывший начальник Управления внешних сношений Академии, в течении многих лет контролировавший контакты ученых с их зарубежными коллегами и ушедший на заслуженный отдых (руководить группой истории международных научных связей в ИИЕ и Т РАН), а

читателям книг по истории советской науки — как ответственный сотрудник КГБ (М.Восленский в "Номенклатуре" называет его генералом — это ошибка, а М.Поповский в "Управляемой науке" — полковником КГБ, что соответствует действительности). Компетентные органы, как видно, не оставляют попавших в поле зрения крупных ученых на всем протяжении их реальной жизни и далее — от фабрикации следственных дел и контроля за общением с Западом до эксплуатации их архивов. Доступ исследователям к материалам переписки, естественно, закрыт на все время издательской деятельности группы полковника С.Г.Корнеева.

Введение документов Н.И.Вавилова в научный оборот осуществляется, к сожалению, с заметным трудом и до сих пор не привело к их всестороннему изучению. Более типичным стало эпизодическое обращение к документам для подтверждения сложившихся стереотипов представлений в соответствии с требованиями времени. Публицисты же прибегают к беспроигрышному варианту сенсационных разоблачений периода "большого террора" в науке.

Биографические работы об Н.И.Вавилове насчитывают 6 наименований. Первая из опубликованных биографий Н.И.Вавилова (А.И.Ревенкова, 1962) (70) не содержит ссылок на архивы. Однако вскоре были подготовлены две публицистические работы, авторы которых предприняли самостоятельный архивный поиск. Это уже упоминавшиеся М.Поповский и С.Резник (71, 72). Оба автора работали в архиве, находили свидетельства живых участников событий разных периодов в жизни Н.И.Вавилова. Кроме того, в распоряжение С.Резника сыном ученого, Ю.Н.Вавиловым, были предоставлены материалы его домашнего архива, включающего и личную переписку его отца. М.Поповскому же удалось — тогда единственному из биографов Вавилова — получить доступ к следственному делу № 1500, делу по обвинению ученого во вредительстве и государственной измене. Материалы дела позволили журналисту выявить скрытые от современников пружины формирования дела, сфабрикованного существовавшим в то время аппаратом НКВД. Оба автора не смогли использовать собранные ими материалы в полном виде, и их книги в СССР вышли в сокращенном цензурой виде. Но в более поздние издания, осуществленные авторами уже после их эмиграции, эти материалы были включены. До недавнего времени факт публикации их на Западе препятствовал использованию сведений в советской печати.

Достоинства и недостатки работ Поповского и Резника, как наиболее известных, уже обсуждались (73). Проведенный нами анализ архивных материалов, в том числе и тех, на которые ссылается Поповский, позволяют уличить автора в множестве неточностей, ошибочном толковании фактов, не говоря уже о не-

позволительности бездоказательных суждений о мнимом сотрудничестве ученого с "органами". Документов, свидетельствующих о таком сотрудничестве, не существует. Вероятно, сенсационность материалов следственного дела и журналистский азарт сыграли с автором злую шутку.

Полагаем, что это не единственный пример отступления авторами — публицистами от принципа историзма, что, разумеется, опасно, если учесть доступность многотиражных публицистических изданий и, вследствие этого, их влияние на формирование общественного мнения.

Более строгий подход к использованию документальных материалов осуществлен ленинградским публицистом Р.Бальдышем (74) и молодыми авторами, сотрудниками Московского отделения ВНИИР им. Н.И.Вавилова, В.В.Бойко и Е.Р.Виленским (75). Причем если первый автор использовал только опубликованные в томах "Научного наследия" документы, то вировскими сотрудниками были введены в научный оборот новые документы из Архива АН СССР, РГАЭ и Архива ВАСХНИЛ (ныне РАСХН).

Что касается историко-научных исследований творчества и биографии Н.И.Вавилова, приходится констатировать, что при большом общем количестве, среди них преобладают исследования отдельных проблем, обобщающих работ явно мало, а в имеющихся документальные материалы использованы слабо. Построены эти работы на анализе опубликованных трудов ученого и, в ряде случаев, привлечены личные воспоминания, как, например, в книге Ф.Х.Бахтеева, близкого сотрудника Н.И.Вавилова (76). Не умоляя достоинств этих изданий, их научной значимости, можно все-таки сожалеть, что при подготовке их не были привлечены обширные документальные материалы.

В период подготовки 100-летнего юбилея со дня рождения ученого в 1987 г. библиография "вавилововедения" пополнилась значительным числом работ. Были переизданы и труды ученого, объединенные в тематические сборники. К сожалению, юбилейные издания в значительной степени лишь повторили уже имевшиеся книги избранных трудов 1959-1965 годов издания. И в этом случае имеющиеся в архивах документальные материалы, такие, например, как стенограммы выступлений Н.И.Вавилова при обсуждении его докладов в среде специалистов, будь то союзные конференции, заседания ученого совета ВИР или совещания в ВАСХНИЛе, приведенные в виде приложения к тематическим изданиям, были бы интересны и специалистам-биологам, и историкам науки. С другой стороны, письма Вавилова из экспедиций, многие из которых сохранились, послужили бы прекрасной иллюстрацией к изданию его путевых заметок, известных под названием "Пять континентов". Эта работа еще впереди, как и написание полной научной биографии Н.И.Вавилова,

Т.Д. Лысенко (начало 1930-х годов)

до настоящего времени отсутствующей. Значение архивных материалов для решения задачи реконструкции научной программы ученого во всей ее полноте, задачи анализа связей между научными школами внутри и вне страны, динамики их развития, наконец, ликвидации пресловутых белых пятен в отечественной истории, в том числе и истории науки, весьма велико.

Что имел в виду академик В.Л.Комаров, называя созданный Вавиловым ВИР "Вавилоном" с некоторым враждебным ему оттенком? В ВИРе традиционные растениеводческие дисциплины приобретали несколько иное направление, иную значимость, подчиненные стержневой идее, вокруг которой и был создан этот научный центр. В нем была организация, была дисциплина, были радости общения, дискуссии, общие неудачи и трудности.

Уже в первые годы существования, когда в Детском Селе еще не было большого генетического отдела, вавиловский институт слыл генетическим, что далеко не всем ботаникам было близко. Институт был в некоторой оппозиции внешнему отечественному ботаническому миру, сочетая в себе странным образом академизм исследований с четкой практической ориентацией. "Под руководством Вавилова и при участии громадного числа сотрудников во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур, разросшемся до размеров громадного учреждения американского типа из скромного Бюро прикладной ботаники, основанного Р.Э.Регелем, ведется интенсивнейшая работа. ...", — писал о вавиловском институте в 1927 г. генетик Ю.А.Филипченко.

Научный коллектив, с которым работал Вавилов большее время, вопреки распространенному несколько идеализированному представлению, не был исключительным, профессиональный уровень работников был очень разным. Высокопрофессиональное ядро сотрудников-единомышленников было собрано Вавиловым, часть их приехала вместе с ним из Саратова, — некоторых — как Г.А.Левитского, Л.И.Говорова, Г.Д.Карпеченко — он пригласил из других научных учреждений. В общей массе сотрудникам, а их было до 1000 человек, работать под руководством Вавилова было трудно: он был, как легко заметить, просматривая его переписку, человеком чрезвычайно требовательным, и не все выдерживали принятый директором и, по существу, навязанный временем темп. И все-таки, та аура любви и уважения, в которой только и можно было сохранить уверенность в успехе, существовала в ВИРе. Ее прежде всего создавал сам директор, умея каждого убедить в том, что именно его работа необходима чрезвычайно... Что касается Института аспирантуры, конфликт директора с которым часто упоминается в литературе по биологическим дискуссиям 30-х годов, то он не был частью ВИРа, даже формально, он принадлежал ВАСХНИЛ. Следует помнить так-

же, что среди аспирантов — выдвиженцев были не только доносчики Шунденко и Шлыков, но и такие преданные идеям Вавилова люди, как Фатих Хафизович Бахтеев,

Общее настроение, саму организацию научной жизни в институте, обеспечивавшие высокий уровень исследований, легко представить себе, ознакомившись с мемуарными материалами, авторами которых выступают вавиловские сотрудники. Это прежде всего "Рядом с Вавиловым" (издание "Советской России" 1963г. и академический, дополненный вариант сборника 1987 г.), книга воспоминаний Е.Н.Синской и ряд материалов, разбросанных по периодике 80-х годов.

Наиболее интересны среди них материалы Е.Н.Синской, дающих более полную картину. Любопытен эпизод, не проходивший в другой литературе.

В 1939 г., пишет Е.Н., сотрудники Н.И.Вавилова, обеспокоенные усиливавшимися нападками на своего директора, написали, по тогдашней практике, письмо В.М.Молотову. Было известно, что Молотов принимал руководство ВАСХНИЛ (встреча длилась более 4-х часов), следовательно, был в курсе положения дел и, как влиятельный человек, мог при желании помочь ученым. К удивлению авторов письма, не рассчитывавших на быструю реакцию, она последовала практически немедленно и посланники наркома, приехавшие в ВИР (время было весеннее, люди были заняты на экспериментальных станциях) не застали на месте никого из профессоров, просивших защитить Вавилова. После беседы с встретившимися комиссии штатными осведомителями Шлыковым и Шунденко, гости прошли к Николаю Ивановичу, который был, как пишет Синская, совершенно в особом настроении. Он только что получил пакет из-за границы с какими-то необыкновенными ячменями, которые он давно желал иметь, и на вопрос прибывших "Как Вы поживаете?" Н.И. ответил: "О, великолепно, вот какие ячмени получил, сейчас Вам покажу" Комиссия пыталась намекнуть что, мол, у него какие-то неприятности. "Пустяки, — отвечал Н.И., — вы лучше посмотрите, что за ячмени". Комиссия доложила Молотову, что Вавилов чувствует себя превосходно и доктора зря понервничали. "Вот, поистине, — заключает Е.Н. — если не повезет, так уж всюду не везет"

Рассказанное хорошо иллюстрирует обсуждавшееся историками-критиками Вавилова недоумение по поводу того, понимал ли Вавилов, насколько серьезно его собственное положение. О решимости же Вавилова защищать дальнейшую судьбу своего научного направления в СССР, свидетельствует другой документ, впервые опубликованный в 1990 г. Это письмо Н.И.Вавилова М.Б.Митину о результатах дискуссии в декабре того же 1939 г., на который Митин, как редактор журнала "Под знаменем марксизма", председательствовал. Не приводя текста письма, теперь доступного, (77) отмечу лишь, что оно послужило поводом сооб-

щения М.Б.Митина в ЦК ВКП(б), имеющего характер политического доноса (78).

8—12 августа 1994 г. ВИР отмечал столетие. К юбилею подготовлены ряд справочных и мемуарных изданий. В их числе сборник "Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений.", составленный из статей-очерков (79). Книга готовилась долго, приблизительно с 1985 г., и обстоятельства, задержавшие ее выход, можно считать счастливыми, т.к. в современных условиях она получилась много интереснее. Это свободный рассказ о достойных людях, не все из которых стали действительными членами академий, но обеспечивавших (и обеспечивавших) непрерывность в развитии знания в области биологической и сельскохозяйственной науки. Своей деятельностью они способствовали становлению научной агроботаники. К сожалению, это наименование обширной и чрезвычайно важной области современной науки дискредитировано именем Лысенко, ее узурпировавшим в 40-е — 50-е годы. Имена этих "ученых специалистов" (так называлась должность в ВИРе со времени Бюро по прикладной ботанике) — Н.П.Авдулов, Н.А.Базилевская, П.А.Баранов, Е.В.Вульф, Г.В.Гейнц, А.Я.Камераз, Н.В.Ковалев, Н.Н.Кулешов, А.Н.Лутков, А.И.Мордвинкина, Е.Ф.Пальмова и многие, многие другие.

Кропотливая работа составителей сборника позволила внести много поправок в уже устоявшиеся и не во всем верные представления о вавиловском окружении. Отметить следует прежде всего статьи о ближайших сотрудниках Николая Ивановича, разделивших его трагическую судьбу Г.А.Левитском, Г.Д.Карпеченко, Е.К.Эмме. Уточнены факты, даты, а в отношении Елены Карловны Эмме восстановлена, наконец, справедливость — она реабилитирована в памяти людей. Ложный слух о ее вынужденном сотрудничестве с НКВД в конце 30-х годов, получивший распространение из-за активности того же М.Поповского, опровергнут анализом архивных материалов, свидетельствующих о том, что версия "сотрудничества" была разработана в ходе следствия (с. 590 сборника).

Среди героев сборника отсутствует Борис Аркадьевич Паншин, агроном, специалист по сахарной свекле. Его судьбу замечательного ученого-практика сломало время, его талантам — и исследовательским и организаторским — не было суждено проявиться в полной мере. Он подвергался арестам трижды только в советское время (был еще арест 1907/8 гг., связанный с юношеским увлечением революцией): в 1925, 1930, и 1940 годах. Два первых ареста не привели к осуждению на длительные сроки благодаря стойкости арестованного, о чем он сам писал Вавилову (письмо от 10.7 1930 г. сохранилось в архиве ВНИИР им. Н.И.Вавилова). Арест 1925 г. был связан с командировкой

Б.А.Паншина 1922 г. в Германию и Польшу от Правления Сахаротреста. По свидетельству сына Б.А.Паншина, И.Б.Паншина, донос на отца был написан его подчиненным, завидовавшим энергичному, образованному (владел тремя языками) управляющему Сорто-семенного управления Сахаротреста. Недоверие к старым специалистам, культивировавшееся властью, давало такую возможность. Позже, в 1930 г., дело его было "еще более липовое, чем в первый (раз), с горя хотели возобновить дело 1925 г. по ССУ (Сорто-семенному управлению), благо арестовали отсюда многих, но из этого ничего не получилось, т.к. все-таки 5 лет я в ССУ не работаю..." (Архив ВНИИР, личное дело Б.А.Паншина).

Статья о научной деятельности Б.А.Паншина опубликована С.Ильевичем, ст. н.с. НИИ сахарной свеклы (80). Она включает и материалы следственного дела. Приведена выдержка из очной ставки (23 июня 1941 г.), в которой зафиксирован краткий ответ арестованного академика Н.И.Вавилова на вопрос следователя, "Правильно ли показывает Паншин...— да, правильно". Стилистика протокола, конечно, скрывает подлинный тон этого диалога,— замечает Ильевич. Эта публикация наглядно иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в изучении и разработке научного наследия академика Н.И.Вавилова и его репрессированных соратников. Специалисты, листая труды своих погибших предшественников, находят в них решение актуальных проблем современного растениеводства и воочию убеждаются, насколько велик урон, нанесенный науке репрессиями. Заинтересовавшись судьбой ученых, обращаются к архивам, невольно становясь историками. С.Ильевич на страницах газеты делится с читателем вынесенным из ознакомления со следственным делом личным впечатлением о технологии, согласно которой органами НКВД в 30-е годы создавался образ "врага народа". По Вышинскому— "признавайтесь, следствие располагает неопровержимыми фактами" Меняются следователи, выбиваются "признания". "С болью в сердце я читал,— пишет Ильевич,— какими средствами (кулаками, сапогами и резиной) немолодого человека ("мне 57 лет"— писал в своей жалобе 1940 г. подследственный Б.А.Паншин) принуждают давать показания на себя и других"

В этой связи уместно будет упомянуть еще одну документальную публикацию, в которой, с очень кратким комментарием, даны текст постановления на арест академика Вавилова Н.И. от 6 августа 1940 г., сформулированного на основании материалов наблюдательного дела, а также текст обвинительного заключения от 9.8. 1941 г., сформулированного на основании следственного дела (81).

В материалах полностью названы имена людей, давших показания против Н.И.Вавилова, приведены выдержки из показаний, обличающих его, в том числе и А.Б.Паншина, и Г.Д.Карпеченко,

причем не указано, что последний на суде отказался от показаний, данных в жестоких условиях следствия (см. статью Д.В.Лебедева о Г.Д.Карпеченко в упоминавшемся сборнике). Материал подготовлен сыном Н.И.Вавилова, Ю.Н.Вавиловым (в соавторстве с Я.Г.Ракитянским). Равно и сын Б.А.Паншина, Игорь Борисович, может при желании удовлетворить любопытство читателей, опубликовав полный текст очной ставки своего отца с отцом Юрия Николаевича, а сын цитолога Н.П.Авдулова, упомянутого среди давших показания на Н.И.Вавилова, осужденного и погибшего в Саратове в 1937 г., тоже имеет право на подобную публикацию и т.д.

Естественно, возникает сомнение в правомерности опубликования материалов следственных дел, сфабрикованных НКВД и правоприемниками этого учреждения позже. Названные здесь материалы подтверждают эту точку зрения.

Послевоенным ВИРОм руководили последовательно И.Г.Эйхфельд, назначенный Лысенко сразу после ареста Н.И.Вавилова, и П.М.Жуковский, оставивший пост в 1961 г. По представляемым в ВАСХНИЛ годовым отчетам Института можно проследить, с каким длительным лаг-периодом возвращалась к жизни вавиловская тематика, главным образом, по поддержке коллекции и ее дополнению. Пережившие блокаду Ленинграда ВИРовцы, вопреки распространившемуся слуху, сохранили большую часть образцов в живом виде, пересекая их весной в прифронтовой полосе, в городе. Как уже было сказано выше, сохранились и документы, оберегаемые бывшими сотрудниками Николая Ивановича.

Э.Д.Маневич в цитируемой статье-воспоминании о событиях жизни биологов своего поколения, упоминает свою поездку в 1958 г. в Петрозаводск — город, в котором она работала накануне войны. Встретившись в своей бывшей квартире с сотрудницей Петрозаводского университета, тоже биологом, учившейся, как выяснилось, в ЛГУ при Презенте и у него непосредственно, автор мемуаров не удерживается от восклицания "как, у этого подонка?!" и слышит в ответ сказанное с искренним удивлением: "Но при чем тут Презент? Такие были времена...". Это было бы правдой, если бы в те же самые времена и в тех же самых обстоятельствах не существовали не только Презент, Лысенко, Митин и "их" люди, но и целый "Вавилон"

Примечания к главе II

1. Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И.Вавилове. Киев, "Наукова думка", 1991, с.39.
2. Центральные газеты от 25 ноября 1987 г.; журналы "Наука и жизнь" №№ 10, 11; "Природа" № 10 за 1987 г. и др.

3. Свидетельство передачи части документов сохранилось:

А К Т

Ленинград, 12 сентября 1940 г. Мы, нижеподписавшиеся, зам. зав. Секретариатом Всесоюзного Института Растениеводства АНДРЕЕВА М.А. и личный секретарь акад. Н.И.Вавилова СПЕРАНСКАЯ Е.И. — первая приняла, а вторая сдала следующие материалы:

1) 23 папки иностранной корреспонденции (из них 4 пустых) за 1939 и 1940 гг. в алфавитном порядке по корреспондентам.

2) 2 папки личной переписки акад. Н.И.Вавилова за 1940 г. (всего на 321 листе).

3) 1 папка разных материалов акад. Н.И.Вавилова за старые годы (на 55 листах).

4) 1 папка — список научных трудов ак. Н.И.Вавилова и статья его же "Что сделано в области научного растениеводства за советское время"

5) 1 папка — лекции и выступления ак. Н.И.Вавилова за 1936 г. (на 14 листах).

6) 1 папка — материалы по инцухту (на 6 листах).

7) 1 папка невыполненной личной переписки ак. Н.И.Вавилова (в неподшитом виде, всего 29 писем).

8) 1 папка невыполненной личной переписки ак. Н.И.Вавилова (в неподшитом виде, всего 28 писем).

9) Пропуск № 43707 от 17/V-1940 г., выданный на имя ак. Н.И.Вавилова для въезда в г. Выборг.

10) 15 статей, присланных ак. Вавилову на отзыв:

1. Зеленский М.А. "О периоде "покоя" у семян груши" (8 стр. 1 экз.).

2. Гольдгаузен М. "О селекции сверхзасухоустойчивых (пустынных) арбузов". (8 стр. 1 экз.).

3. Смирнова С.А. "Современный взгляд на корнеи свекловичных ростков" (11 стр. 1 экз.).

4. Зосимович В.П. "Эволюция культурной свеклы" (1 экз. 11 стр., 2-й экз. 10 стр.).

5. Трафимец Н.Х. "Создание сортовой системы репчатого лука на основе его экологической дифференциации" (10 стр. 1 экз.)

6. Сокольская Б.Г. "Об уменьшении количества добавочных зародышей у цитрусовых" (5 стр. 2 экз.).

7. Поволочко П.А. "Кариологическое новообразование у Пуника гранатум Л." (6 стр. 1 экз.).

8. Драгодинская В.М. "Гибридизация Восточных-Азиатских видов груш" (6 стр. 2 экз.).

9. Требуценко П.Д. "О наследовании способности образования придаточных корней у яблони" (8 стр. 1 экз.).

10. Лященко И.Ф. "О плазменной наследственности у подсолнечника" (3 стр. 1 гал. + англ. перевод 4 стр. + 1 табл. — все в 1 экз.).
11. Лященко И.Ф. "Случай отсутствия расщепления у гибридов, подсолнечника" (5 стр. 1 экз. + англ. перевод 5 стр. 1 экз.)
12. Лобашев М.Е. "Направленность в наследственной изменчивости" (9 стр. 1 экз.).
13. Журбин А.И. "Действие колхицина и аценафтена на хлопчатник" (7 стр. 1 экз.).
14. Скрипчинский В.В. "К вопросу о цветозрелости плодовых растений" (4 стр. 1 экз.).
15. Сенюшкин А.Е. "Кубань — новый сорт томатов для консервной промышленности" (8 стр. 23 таблицы: 1 экз.).

11) Невостребованные рукописи (11 шт.):

1. Черняковский В.Г. "Естественно-историческая библиография Ирана" (245 стр. 1 экз.).
2. Поргаев П.Г. "Ржавчина хлебных злаков Северо-Кавказского края" (22 стр. 21 карта: 1 экз.).
3. Каргополова Н. "Химические особенности пшениц в связи с их устойчивостью к бурой ржавчине" (44 стр. 1 экз.).
4. Бурьгин "Кенаф" (11 стр. 1 экз.).
5. Уклонская М.И. "Рисосеяние в Узбекистане" (18 стр. 1 экз.).
6. Житенева Н.Е. "Ягодные Узбекистана" (9 стр. 1 экз.).
7. Дробов Б. "Лесная растительность УзССР (6 стр. 1 экз.).
8. Мирошникова А.П. "К вопросу об использовании в хлопководстве пчелы как культурного опылителя" (12 стр.).
9. Панченко Н.П. "Пути селекции озимой пшеницы на устойчивость к выпариванию" (45 стр. + 1 фото 1 экз.).
10. Глебов Н. "Назначение для комбайна окончательной переработки огородной земли и формирования гряд" (4 стр. 21 чертёж + письмо ак. Вернадского. 1 экз.).
11. Аксинин Я.С. "О сортовой устойчивости с.х. культур против вредителей" (6 стр. 27 табл. + копия отзыва проф. Васильева И.В. + отн. ВИЗР № 01-22 от 21/11-1939 г.).
12. Сверстанные гранки сборника "Сеть с.х. учреждений" (стр. 431 — 1 экз.).
13. Список изданий ВИР (3 выт.).
14. 5 книг проф. А.Мюльдерфа; присланных для И.К.Шишкина.
15. 4 таблицы к докладам ак. Вавилова.
16. 1 папка; Юбилейные приветствия из СССР, 1935 (1 экз. в копии).
17. 1 папка. Поздравления к юбилею (подлинники на русском яз.).
18. 1 папка. Юбилей 1934 г. (переписка по орг. вопросам).

- 19). 2 тетради — опись рукописей ак. Н.И.Вавилова за 1922-1940 гг.
- 20). 1 папка — портреты ак. Вавилова и Регеля.
- 21). 1 свидетельство ВИРу от ВСХВ, № 218027, 1939 г.
- 22). 1 ящик с диапозитивами, инвентарный № 1867.
- 23). 3 статьи, представленные на конкурс молодых ученых: Тетерева, Тетерева* и Мирюты.
- 24). Рукопись Н.А.Розентретер "Селекция яровой пшеницы в климатических условиях правобережья Горьковской обл." (73 стр. 1 экз.)

Приняла

Андреева

Сдала

Я.Сперанская"

(Архив ВНИИР им. Н.И.Вавилова)

4. Левина Е.С. Из первых рук. // "Знание — сила", 1987, № 6, с. 66 — 71.
5. Поповский М. Дело академика Николая Вавилова. Эрмитаж, США, 1983, с. 99.
6. Из переписки Н.И.Вавилова с Д.Бородиным ботаником, жившим в эмиграции в США и привлеченным им к руководству Нью-Йоркским отделением Отдела прикладной ботаники (больше известным как Русское Бюро) можно узнать, что Арцыбашев конфликтовал и с ним, претендуя на приоритет в руководстве интродукцией в России новых и экзотических растений (ЦГАНТД С.-Петербурга, ф. 318, оп. 1, д. 83, л. 7).
7. Научное наследство. 1987, т. 10, с. 114.
8. Там же, 1980, т.5, с. 64.
9. Центральный государственный архив научно-технической документации г. С.-Петербурга (ЦГАНТД), ф. 318, оп. 1, д. 35 л.129-133.
10. Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. Всесоюзный ин-т прикл. бот. и новых культур и ГИОА. Л., 1926, с. 248.
11. Вавилов Н.И. Ботанико-географические основы селекции. М. — Л., Сельхозгиз, 1935, с. 60.
12. Опубликованы: Научное наследство, т. 5, 1980 (12 писем от 1911 и 1917 гг.); Вавилов Н.И. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1987, с. 369-416. (10 писем от 1912, 1913, 1918 и 1919 гг.). Публикация и комментарий В.Д.Есакова.
13. Переписка Н.И.Вавилова с У.Бэтсоном частично опубликована: ВИЕТ, 1987, № 4, с. 43-52 (Публикация и комментарий Е.С.Левиной).

Не публиковавшееся ранее письмо Н.И.Вавилова от 15(28) ноября 1914 г. представляет собой единственное свидетельство самого Вавилова о том, чем он был занят в Москве после возвращения из Европы.

15 (28) ноября 1914 г. 13, Ср. Пресня, Москва (Россия)

"Дорогой профессор,

от мисс Дюрем я узнал, что Вы прибыли домой благополучно. Будучи вынужден обстоятельствами прервать пребывание за границей, я вернулся в

Россию, сейчас опять работаю помногу в нашем Институте в Москве и надеюсь подвести итоги моему путешествию уже после войны.

После Англии, после Британского музея, библиотеки в Нью-Гардене и всех научных институтов Лондона, здесь в науке затишье. Особенно теперь, когда мы не получаем иностранной периодики (мы получали ее через Лейпциг) и книг.

Я закончил мою работу в Мертоне и Кэмбридже и вполне удовлетворен данными, которые я получил, исследуя разновидности и гибриды пшеницы и овсов в отношении их к паразитической флоре Англии, отличной от нашей российской флоры. Эти результаты дают возможность сравнить поведение одних и тех же растений в отношении различных грибов. Было доказано существование множества закономерностей, которые позволили мне сделать ряд обобщений. Зная поведение различных сериалов по отношению к одному и тому же грибу, очень часто можно предсказать поведение их в отношении к третьему и четвертому паразитическим грибам.

Несколько групп серий, включая много разновидностей, удостоверяют, что есть специфичность в отношении желтой ржавчины и милдью, как это было показано для бурой ржавчины, корончатой ржавчины и других грибов в России. Вследствии этого, они могут быть использованы до некоторой степени в качестве физиологического теста для генетических целей.

Один из совершенно парадоксальных для меня результатов из наблюдений над пшеницами, в котором я не сомневаюсь, и который подтверждается некоторыми разрозненными литературными данными, это то, что было больше разновидностей, иммунных к желтой ржавчине, чем восприимчивых. Даже в ограниченном числе обычных известных видов *T. vulgare* существует большое количество иммунных разновидностей (многие из них лучше культивируемых пшениц), и я нахожусь в совершенной уверенности относительно большого значения скрещивания для стабильного получения устойчивых к желтой ржавчине разновидностей.

Боюсь, что все это не интересует Вас вовсе. Простите, не удержался, чтобы не спросить Вашего совета по поводу многих вещей, обнаруженных мной уже после Вашего отъезда в Австралию.

Возможно, через 1-2 месяца я отправлюсь в военное ведомство (я — резервист второй очереди). Что касается войны, она идет более успешно, чем мы могли бы ожидать.

Наилучшие пожелания Вам. Николай Вавилов.

P.S. Случилась неприятная вещь: та часть багажа, которая была отправлена в Россию, затонула в Северном море. Среди дорогих мне вещей было Ваше фото, подаренное мне Вами, и копии Вашего ответа Пирсону в 1902 г. Я весьма сожалею об этих потерях. Если Вы будете так добры, что сможете послать мне другую копию, я был бы совершенно счастлив".

Архив ВНИИР им. Н.И.Вавилова, ксерокопия (англ.) рукописного подлинника, хранящегося в Мертоне, Англия. Перевод Е.С. Левиной.

14. Научное наследство, 1980, т.5, с.290. (Письмо В.Е.Писареву от 5 декабря 1926 г.).

15. Научное наследство. 1987, т.10, с.253.

16. Из многочисленных писем такого рода, содержащих подробный разбор рукописей с конкретными указаниями, что именно нужно исправить, укажем на опубликованные: Научное наследство, 1987, т.10, с.231, 287 (В.Е.Писареву), 251 (А.И.Державину), 337 (Г.К.Крейеру) и др.

17. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945. "А.Е. (Чичибабин) сказал мне в Берлине, летом 1928 г., что в Москве он слышал от одного коммуниста, что ввиду недовольства на верхах развитием химической промышленности было решено арестовать последовательно следующих лиц: Шпитальского, Камзолкина, Кравца, Фокина и меня. Я не поверил А.Е. Но это предсказание стало оправдываться: в начале 1929 г. был арестован Шпитальский, в июне В.П.Камзолкин, заведующий отделом химической промышленности в Госплане; в ноябре арестовали Кравца... Нельзя сказать, что мне рисовалась приятная перспектива: оставался только один Фокин, профессор Технологического института и консультант Главхима..." (Т.2, с. 583-584, см. также 587-589 и далее).

18. Научное наследство. Т. 10, с. 76-77.

19. ЦГАНТД С.-Петербург. Ф. 318. Д. 325. Л. 10, датировано 29. 12. 1929; 47 и об., 48.

20. Там же, д. 368, л. 181.

21. Коначев М.С. Затянувшаяся командировка // Репрессированная наука. Л., 1990 с. 240-259.

22. Поповский М. Цит. 107 (со ссылкой на частное сообщение М.Адамса).

23. Н.И.Вавилов, скептически настроенный в отношении первого визита Г.Меллера, писал Д.Н.Бородину в Нью-Йорк 20 июня 1922 г.: "...Получил Ваше письмо относительно Мюллера¹ и Альтенбурга. С Бергом (Л.С.) мы сегодня приступили к хлопотам. Как я предполагал, дело это не очень простое. Так как Америка до сих пор не принимает Советского правительства и не разрешает въезд официальным представителям из России, въезд американцев в Россию сопряжен с большими трудностями. Вообще, лично я не считаю эту поездку особенно серьезной, так как нужды большой в ней нет; особенно увидеть, не зная притом языка, в России вряд ли удастся, а для туристических поездок по России время еще не наступило. Каково положение вещей, можно судить по тому, что я не уверен, что на отправку этого письма у нас хватит средств и пишу Вам это самым серьезным образом. Во всяком случае, я постараюсь и беру на себя обязательство за обоих. Но я предпочел бы, если бы приехал агроном вроде Болла или Харлана, для которых действительно, даже в современной России много любопытного..." ЦГАНТД Санкт-Петербурга. ф. 318. оп. 1. д. 23. л. 152. Отпущен, публикуется впервые.

---

¹ Так в оригинале, В современной русской литературе более принята транскрипция имени ученого, американца немецкого происхождения, "Меллер".

Выполняя обещание, данное Д.Н.Бородину, Н.И.Вавилов пишет Л.Б.Красину в Лондон:

“Проф. Мюллер совершенно чужд политике и его приезд в Россию имеет исключительно научные цели. Мною посланы уже в Наркомзем мое поручительство и профессора Берга...”. (Там же, д. 21. л. 53).

“Как доктор Бородин писал Вам, — сообщал Меллер уже Вавилову, — я везу коллекцию живых дрозофил. Возможно, в Петрограде это будет кому-нибудь интересно. У меня есть также несколько препаратов хромосом от Бриджеса.”

(Там же. л. 56 и об.).

24. Там же, д. 526. л. 147.:

“С.Г.ЛЕВИТ

Москва

ул. Кропоткина, 24, кв. 5.

Многоуважаемый Соломон Григорьевич,

Я вернулся с Кавказа и Средней Азии и нашел бумаги Мюллера. Как Вы знаете, он имеет в виду приехать в конце августа с женой, сыном и Офферманом. Такой оптовый переезд поставил Академию в довольно большое затруднение, в смысле устройства с квартирой, прежде всего, да и вообще наши удобства не настолько еще все налажены, чтобы гарантировать полную удовлетворенность доктору Мюллеру. Надумал он ехать, повидимому, всерьез, со всеми потрохами, чуть ли не с мебелью.

Когда я был в Берлине в феврале проездом и видел Мюллера, то он говорил мне, что его первое намерение было ехать в Москву к Вам в Институт, имел в виду, отчасти, он работу и у Н.К.Кольцова, а затем уже после Москвы приехать в Ленинград.

Я боюсь, что мы в Ленинграде, действительно, не сможем устроить Мюллера, так как хотелось бы и, м.б. проще это дело будет в Москве, во всяком случае, начать, пожалуй, лучше было бы в Москве.

Как Вы думали устроить его я не знаю, но Вы Мюллера знаете лучше, чем я. Конечно, мы сделаем все, что только возможно, но, к сожалению, Академия Наук по этой части учреждение не очень сильное. Мне уже приходилось устраивать Бриджеса, теперь работает у нас Костов; мучаемся мы порядочно даже с одиночками, тем более, что к концу они превращаются в людей семейных (Костов женился).

Ну, словом, хотелось бы иметь от Вас некоторые директивы и, м.б., совместно мы как-нибудь устроим это дело наилучшим образом.

Попросил бы Вас поскорее ответить мне по этому вопросу.

Академик Н.Вавилов”.

Одновременно академик Н.И.Вавилов обращается в горсовет:

Уважаемый товарищ,

В Академию наук СССР прибыл по ее приглашению, для постоянной работы, крупнейший мировой биолог — генетик проф. Мюллер. Он прибыл с семьей и со своим ассистентом д-ром Офферманом.

Проф. Мюллер является крупнейшим современным биологом. Ему принадлежит огромная заслуга по искусственному получению, путем рентгена, новых сортов — событие открывает исключительные перспективы для дела улучшения животных и растений.

Д-р Мюллер — коммунист и состоит членом-корреспондентом Академии Наук СССР. С собой привез целый вагон лабораторного оборудования для того, чтобы немедленно развернуть большую экспериментальную работу.

Для нормальной работы нужно обеспечить проф. Мюллера и его семью постоянной квартирой. В настоящее время он проживает в Европейской Гостинице. Академия Наук уже обращалась в ЛЕНСОВЕТ и получила от него обещание о внеочередном предоставлении д-ру Мюллеру квартиры.

Ввиду задержки в исполнении обещания в предоставлении квартиры и исходя из интересов максимального использования крупного ученого для незамедлительного развертывания его научной работы в Академии Наук СССР, настоятельно ходатайствуем о срочном распоряжении выделить для д-ра Мюллера удобную квартиру.

*Директор Генетической Лаборатории
Академии Наук СССР
Академик (Вавилов)“*

25. Carlson, Ulof Axel. Genes, Radiation, and Society: The life and work of H.J. Muller. Ithaca, N.-Y., and London: Cornell Univ. Press. 1981.

26. Г. Дж. Меллер. Учение Ленина в его отношении к генетике. // Памяти В.И.Ленина. Сб. статей к десятилетию со дня смерти, 1924 — 1934 гг. М., Изд. Академии наук СССР, 1934, с. 563-592.

27. Грэхэм Л., цит. соч. с. 156.

28. ЦГАНТД С.-Петербурга ф. 318, оп. 1, д. 1581, л. 9 и об.

29. Природа, 1987, № 10. с. 100.

30. Возвратившись из СССР после 3-х месячного визита, в 1935 г. Шаповалов писал:

“20-го ноября, 1936 г.

*Академику Николаю Ивановичу Вавилову
ул. Герцена, 44
Ленинград, СССР.*

Дорогой Николай Иванович!

Уже много воды утекло с тех пор как мы в последний раз обменялись

письмами (Ваше письмо от 14-го июня и мой ответ Вам от 11-го июля). В "Соц. Земл." иногда попадаются короткие заметки о Ваших выступлениях и выездах, а больше о Вашей деятельности нам узнавать не удается. Правда, здесь был акад. Мейстер, но встреча наша была столь мимолетной, что беседовать о многом не пришлось.

Так как Вы уделили серьезное внимание возможности моего приезда в Союз на постоянную работу, то Вам интересно будет знать, что мои переговоры по этому делу с Иваном Александровичем Зеленухиным уже привели к некоторому общему соглашению. Дирекция ВИЗР предложила мне приехать на работу в ЦВБЛ М.С.Дунина, а М.С. выяснил характер ожидаемой от меня работы, указав, что это будет работа по вирусным болезням пасленовых культур. Осталось, таким образом, уточнить детали практического характера, как вознаграждение, квартира, сроки, отношение к американскому гражданству и т.д. Вознаграждение определено еще не было названо, квартиру же ВИЗР, повидимому, возьмется подыскать. Сроки остаются не установленными, но я предлагаю приехать будущим летом. Вопрос о гражданстве поднял я, так как мне кажется, что по крайней мере на первое время мне следует сохранить ам. гражданство, ввиду того, что таким образом я смогу быть полезнее советским учреждениям в установлении и поддержании связей с американскими учреждениями. Вот я теперь и жду от И.А. конкретно оформленных и одобренных условий, чтобы основываясь на них я мог объявить о своих намерениях начальству. Я очень надеюсь, что И.А. сможет прислать мне эти условия до конца текущего года, так как уже совсем скоро начнется составление планов работ на 1937 год, и мне тогда нужно будет занять определенную позицию..."

31. "Египетский помощник вернулся в Рим. Свыше 300 образцов (15 ящиков) семян со всего Египта... "Хлопец" дошел до Судана..., — писал Н.И.Вавилов В.Е.Писареву 19 июня 1927 г. "Хлопец" — это Н.М.Гайсинский, впоследствии крупный радиохимик, сотрудник лаборатории Кюри. (Научное наследство, 1980, т.5, с. 298)

32. Переписка с А.Эйгом интересна для историков ботаники, т.к. затрагивает вопросы происхождения пшениц, в частности, персидских, и расхождения мнений по этому поводу с П.М.Жуковским. Н.И.Вавилов настаивал на одновременной публикации рукописей обоих авторов. (См.: ЦГАНТД С.-Петербурга, ф. 318, оп. 1, д. 279, л. 228-290).

33. Поповский М. Цит. соч., с. 53.

34. Там же. с. 101.

35. ЦГАНТД. С.-Петербурга, ф. 318. оп. 1, д. 887, л. 76.

36. Научное наследство. 1987, т. 10, с. 165.

37. Данные приведены в обзоре: W. Garner, J.A.Allard, J.Agric. Res., 18, 1920, p. 553-606.

38. Государственный архив Российской Федерации, ф. 5221, оп. 26, д. 27, л. 41.

39. Там же, оп. 33, д. 4, л.л. 11, 12.

40. Научное наследство, т. 10, с. 174, 180, 346.
41. Там же, т.5, с. 238, 245; т.10, с. 221.
42. Там же, т. 10, с. 221.
43. Вавилов Н.И. Очерки, воспоминания, материалы. 1987, с. 420.
44. Там же, с. 401-403.
45. Воронцов Н.Н. Синтетическая теория эволюции. Журн. ВХО им. Д.И.Менделеева, 1988, с. 295.
46. 18 марта 1921 г.:

"...Попали действительно на Петроградский фронт да еще в Кронштадскую историю. ...Вот уже неделю в Питере... Набираюсь терпения и настойчивости. ...Иногда, дорогой Петр Павлович, страшно, что не справиться. ...Север все-таки очень привлекателен. Первую вступительную лекцию собираюсь читать на тему "Пределы земледелия и пределы селекции". "Сделано мало и можно сделать много. Внешне наша лаборатория првкрасна. И вообще в Царском (Селе) хорошо. В городе (я раздваиваюсь между Селом и городом: три дня в городе, 4 — в Селе) хуже. Холодно и люди пообессилили. Еще мало кого видел. Не был у Берга, хотя он и здесь, ...Только бы наладить работу. Наладить ее много труднее, чем в Саратове..." (Научное наследство, т.5, с. 41)

13 января 1925 г.:

"...Приехал в Москву 28 декабря и мотаюсь между Питером и Москвой. ...Путешествие было, пожалуй, удачное, собрали весь Афганистан, были за Гиндукушем. Около Индии добрали до финиковых пальм, нашли прарожь, видели дикие арбузы, дыни, коноплю, ячмень, морковь. Четыре раза переваливали Гиндукуш, один раз по пути Александра Македонского. ...Собрал тьму лекарственных растений. Нигде в мире не видел столько аптек, аптекарей как на юге Афганистана, целый цех табибов-аптекарей. ...Путешествие было авантюристическим. Ехали мы курьерами. Когда напишу (отчет), pošлю вам..." (Там же, с. 171).

47. Российский Государственный Архив Экономики (РГАЭ), ф. 8390. оп. 1. д. 599. л. 14.

48. За текущими делами Н.И.Вавилов не находил возможности специально заниматься исследованиями по истории земледельческой науки. Из письма узника — Вавилова, написанного им в Саратовской тюрьме, мы узнаем, что во время следствия, когда он имел возможность получить бумагу и карандаш (во внутренней тюрьме НКВД), им была написана книга "История развития мирового земледелия (мировые растительные ресурсы и их использование)", где главное место внимание уделено СССР. (см.: "Наука и жизнь", 1987, № 11, с. 112).

49. Цит. по: Вавилов Н.И. Вильям Бэтсон (W. Bateson).1861-1926. Памяти учителя. // Тр. по прикл. бот. и сел., 1925, т. 15. с. 502-503.

50. Научное наследство. Т. 10, с. 75-76.

51. ЦГАНТД С.-Петербурга, ф. 318, оп. 1, д. 230, л. 95-116.
52. Там же. л. 96 и об., л. 98 и об.
53. Словом "культурники" Синская называет ботаников, специализирующихся на изучении отдельных культур. Рассказывая об описываемом заседании в своей книге, Е.Н. пытается смягчить ситуацию, объясняя резкий тон ответа ей Г.Д.Карпеченко обидой на ее замечание о том, что "книги генетиков читать трудно". Карпеченко, пишет Синская, пожурил ее за то, что она сама написала такую толстую книгу, что ее "вообще никто до конца прочесть не сможет." Текст стенограммы свидетельствует о том, что "сердитость" Г.Карпеченко следует отнести на счет полного и показательного непонимания Е.Н.Синской в 1936 г. смысла и значения генетических исследований культурных растений.
54. Цит. по: Д.Жоравский. Террор. // Вопросы философии, 1993, № 7, с. 128.
55. Цит по: Ю.И.Соловьев. Забытая дискуссия (выступления Н.П.Горбунова и Н.И.Вавилова на Общем собрании АН СССР 20-21 мая 1937 г.) // Вестник РАН, 1994, № 1, с. 48.
56. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 947, л.л. 45-49.
57. Дубинин Н.П. Страницы истории..., с. 67, 71.
58. Текст письма цитируется по копии, снятой М.Поповским. Опубликовано "Наука и жизнь", 1987, № 11, с. 111-112.
59. Научное наследство, т. 10, с. 329.
60. Там же, с. 360-61.
61. Там же, с. 359.
62. Известны выступления Н.И.Вавилова этого времени и в печати: "По поводу статьи "Путаники семенного дела". Ответ на статью Г.Шлыкова "Формальная генетика и последовательный дарвинизм" (Н.И.Вавилов. Избр. труды. т. 5, М., Наука, 1965 г.).
63. Гайсинович А.Е. Становление и развитие генетики. М., 1988.
64. Архив РАН, ф. 203, оп. 1. д. 106, л. 1-154. Частично опубликовано: Природа, 1987, № 10, с. 18-29; ВИЕТ, 1988, № 1, с. 36-45.
65. Вавилов Н.И. Избранные труды. Т.5, с. 390. М.-Л., Наука, 1965.
66. Архив РАН, ф. 201, оп. 1, д. 106, л. 49.
67. Опубликовано (в сокращении): Природа, 1987, № 10, с. 18-32 (Публикация Е.С.Левиной).
68. Воронцов Н.Н., цит. соч., с. 314. Позже аналогичную точку зрения высказывал и профессиональный историк биологии Э.Н.Мирзоян (Журнал общей биологии, 1986. т. 47, с. 463-67; там же, 1993. т. 54, с. 471-75). Упомянув эти работы, следует, однако, отметить ошибочность вводимого автором термина "теоретическая селекция".Создание этой науки, по мнению Мирзояна, и есть основной вклад Н.И.Вавилова в общую биологию. Селекцию логичнее было бы отнести (и это принято) к области прикладной биологии. Теоретическую основу этого раздела прикладной биологии составляют генетика, физиология (растений в данном случае), цитология.
69. По поручению Президиума АН СССР в 1939/40 гг. Н.И.Вавиловым был собран из сотрудников Института генетики АН СССР авторский коллектив и

подготовлен проспект рукописи "Критический пересмотр основных положений генетики", в котором предполагалось проанализировать современное состояние генетических проблем со строго научных позиций. Проспект не удовлетворил "заказчика" и был отвергнут (СПБО Архива РАН. ф. 803. оп. 2. д. 30, л. 47). Насколько можно судить по проспекту, вступительная глава рукописи была построена Вавиловым на материале его лекций по истории генетики. Фрагмент рукописи, над которой начинал работать Вавилов, был опубликован (Генетика, 1965, № 1, с. 13—19).

70. Ревенкова А.И. Николай Иванович Вавилов. 1962. М., Сельхозиздат, с. 271.

71. Поповский М. 1000 дней академика Вавилова. Документ. повесть // Простор. 1966, №№ 7, 8. Резник С.Е. Николай Вавилов. 1968. М., Молодая гвардия. В эти же годы оба автора выступили с множеством статей о Н.И.Вавилове в газетах и популярных журналах.

72. Поповский М. Дело Вавилова. Нью-Йорк, "Эрмитаж", 1983. Резник С. Дорога на эшафот. Париж-Нью-Йорк, 1983.

73. Левина Е.С. Трагедия Н.И.Вавилова // Репрессированная наука, М., 1991, с. 223-239; Ее же. Беда или вина академика Н.И.Вавилова? // Природа, 1992, № 8, с. 121-124.

74. Бальдыш Г.М. Посевы и всходы: Страницы жизни академика Н.И.Вавилова. М., Знание, 1983, 192 с.; Бальдыш Г.М., Панизовская Г.И. Николай Вавилов в Петербурге, Ленинграде-Петрограде. Лениздат, 1987, 288 с.

75. Бойко В.В., Виленский Е.Р. Николай Иванович Вавилов. Страницы жизни и деятельности. М.: Агропромиздат 1987.

76. Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. М.: Наука, 1987.

77. Вавилов Н.И. "Жизнь коротка, надо спешить...". М., Советская Россия, 1990, с. 605-610.

78. Есаков В.Д., частное сообщение.

79. Соратники Н.И.Вавилова. Исследователи генофонда растений. С.-Петербург, 1994. Отв. ред. Драгавцев В.А..

80. Ильевич С. "Очная ставка"// "Комсомольское знамя", 1991, № 8 (27 июня).

81. Вавилов Ю.Н., Ракитянский Я.Г. Голгофа: Архивные материалы о последних годах Н.И.Вавилова. // Вестник РАН, 1993, № 9, с. 40-43.

Урон, нанесенный биологической и сельскохозяйственной науке кампанией шельмования генетики и действием карательных органов в конце 30-х годов, был огромен: обезглавлен ВИР, университетские кафедры генетики, в академический институт генетики пришел Лысенко. Люди уходили из науки, а порой и из жизни. В условиях начавшейся войны события в жизни науки отступали на дальний план. Перед общей бедой общество консолидировалось.

Позиции Т.Д.Лысенко — "главного агронома Наркомзема СССР" — к концу войны были сильно поколеблены. Дело было не только в том, что его брат перешел на сторону оккупантов и после войны остался на Западе, как считает В.Сойфер (1), и даже не в том, что к руководству Академией наук СССР пришел С.И.Вавилов — брат Н.И.Вавилова, как считает Н.Дубинин (2). Важнейшее значение имело упрочение международного научного сотрудничества, как закономерное продолжение военного и политического взаимодействия великих держав в рамках антигитлеровской коалиции (а Лысенко напрочь отвергал достижения "буржуазной науки"). Перспективы развития народного хозяйства страны также объективно требовали возрастания роли подлинно научных исследований, чему способствовал и приход к руководству новых научных кадров.

В научной среде противостояние Лысенко не прекращалось, хотя арест академика Н.И.Вавилова произвел гнетущее впечатление. Во время войны о его судьбе, как и судьбе многих заключенных, ничего не было известно. В Англии, в связи с избранием великого биолога членом Королевского общества, Дж.Холдейн, давний адресат и корреспондент Н.И.Вавилова, опубликовал статью в "Дейли Уоркер" (декабрь 1942 г.). Среди материалов на тему российско-американского сотрудничества (к 10-летию советско-американской дружбы, 7 ноября 1943 г.) в февральском номере журнала "Science" появилась статья о советской науке. Ее автор, американский генетик профессор Колумбийского университета, Л.Дэнн, в очень доброжелательной форме сделал обзор достижений советской генетики, совершенно игнорируя существование Лысенко. Поскольку накануне войны реакция западной печати на биологические дискуссии в СССР была достаточно бурной, такая снисходительность не могла не вызвать удивления. С ответной статьей в том же журнале выступил генетик профессор Г.Сакс из Гарварда. Сакс упрекнул Дэнна в том, что "он не осветил отрицательной роли академика Лысенко в области генетики в СССР, неправильно изложил положение в биологии (...). Сакс выступил с утверждением, что биологическая наука в СССР не свободна, ибо она находится под давлением политических факторов. Сакс полагает, что три причины привели к

подавлению генетики в СССР: 1. наличие националистической позиции, отвергающей чужеродную науку, 2. реакция на искажение принципов генетики со стороны гитлеровцев в их расовых теориях, 3. давление советской политической философии и системы".

Приведенная цитата взята из письма советского генетика А.Р.Жебрака (не датировано, но не ранее конца 1944 г.), адресованного Г.М.Маленкову (3). Дискуссия на страницах ведущего западного журнала дала Жебраку, профессору Тимирязевской Сельскохозяйственной Академии и активному участнику предвоенных биологических дискуссий, повод обратить внимание партийного руководства на недопустимость сложившегося в советской биологии положения и необходимость принятия мер к его исправлению. Вместе с выражением уверенности в том, что, "Вопреки мнению Сакса (...) никто из руководителей партии и правительства по вопросам генетики не высказывался", Жебрак подчеркивает, что никто кроме академика Лысенко борьбы против генетики в СССР не ведет, но "эта борьба имела известные результаты".

"Приходится признать, — пишет Жебрак, — что деятельность ак.Лысенко в области генетики, "философские" выступления его многолетнего соратника т.Презента, утверждавшего, что генетику надо отвергнуть, так как она противоречит принципам марксизма, и выступление т.Митина, определившего современную генетику как реакционное консервативное направление в науке, привело к падению уровня генетической науки в СССР. Не приходится сомневаться, что если бы не грубое административное вмешательство со стороны ак. Лысенко как президента ВАСХНИЛ и директора Института генетики АН СССР, разрушившего организацию генетической науки, и не опорачивание генетики, которая была объявлена социально реакционной дисциплиной со стороны руководства дискуссией 1936 г. и дискуссией 1939 г., то в настоящее время мы были бы свидетелями огромного расцвета генетической науки в СССР и ее ещё большего международного авторитета. Необходимо признать, что деятельность ак. Лысенко в области генетики наносит серьезный вред развитию биологической науки в нашей стране и роняет международный престиж советской науки (...)

Отрицательная деятельность ак. Лысенко в области генетики производит такое впечатление за границей в дружественных нам странах, что Сакс делит историю советской биологии на этап до Лысенко и после Лысенко. О первом этапе Сакс пишет: "работа русских генетиков, селекционеров, растениеводов и цитологов достойны высшего признания, это относится и к советскому правительству за его благородную поддержку науки". Обращаясь к ак. Лысенко, Сакс как крупный ученый в области цитологии и генетики разбирает его генетические воззрения и дает им унич-

тожающую оценку. Взгляды Лысенко в области генетики Сакс называет архаическими и пишет, что если бы Лысенко выступал с ними 150 лет тому назад, то и тогда бы в его теориях не было бы ничего нового" (...).

В заключение письма А.Р.Жебрак высказывает свои предложения:

"1. Необходимо обеспечить развитие генетико-цитологических и селекционных работ в системе ВАСХНИЛ, чего сейчас нет в силу нетерпимости со стороны ак. Лысенко. Задержка этого принесет серьезный урон сельскохозяйственной науке и практике.

2. Изменить руководство Институтом генетики АН СССР и обеспечить в нем разработку проблем генетической науки.

3. Обеспечить публикацию работ по генетике. В случае необходимости создать Советский Генетический Журнал.

4. Создать нормальную общественную обстановку для работ по генетике, учитывая вред выступлений ак. Лысенко, Митина и др.

5. Командировать, по возможности, представителей генетической науки в Америку и в Англию для обмена опытом и для ознакомления с успехами в области теоретических проблем и в приложении к сельскому хозяйству.

К настоящему письму прилагаю английские тексты и переводы к ним статей проф. Денна и проф. Сакса, опубликованных в журнале "Наука" (Science) 99, № 2572, № 2561 за 1944 г.

Глубоко уважающий Вас А.Жебрак (академик АН БССР, профессор ТСХА, член ВКП(б) с 1918 г.)

Адрес: Москва 8 Красногруденческий проезд, 10, кв. 14"

Не дождавшись ответа на это послание, А.Р.Жебрак в начале февраля 1945 г. вновь обращается к Г.М.Маленкову с письмом (4) и просит принять лично для ознакомления с положением генетической науки.

В письме отсутствуют указания на причины, позволившие осуществиться монополизму Лысенко в биологии, Жебрак не упрекает руководство и апеллирует не столько к здравому смыслу, сколько к патриотическим чувствам члена Политбюро:

*А.Р.Жебрак — Г.М.Маленкову
(не позднее 11 февраля 1945 г.)*

"Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Несколько недель назад я послал Вам две статьи американских профессоров Денна и Сакса, напечатанных в журнале

“Наука“. Так как в статье Сакса содержится ряд неверных общеполитических выводов, то, по-видимому, на нее нужно ответить в том же самом журнале. Я составил начальный проект ответа Саксу, который посылаю Вам на рассмотрение. Возможно, что и другие наши биологи также напишут возражения. Если будет признано необходимым такой ответ послать за границу, то я могу взять на себя обязанность перевести окончательный текст на английский язык и собрать подписи. Мне кажется, что такой ответ должен быть подписан несколькими лицами из тех, которые упоминаются в статье Денна и Сакса.

Если Вы найдете возможность более подробно ознакомиться с положением генетической науки у нас, то прошу принять меня лично для заслушивания соответствующей информации. Моя просьба о личной беседе с Вами вызывается еще и тем, что никто из ответственных руководителей нашей партии не высказывался по вопросам генетической науки, а в то же время акад. Лысенко, акад. Келлер и др. позволяют в публичных выступлениях делать политические выводы, дезориентирующие мало осведомленных в этой науке слушателей.

Глубоко уважающий Вас А.Жебрак (академик АН БССР профессор ТСХА)

Москва 8, Красностуденческий проезд, д. 10, кв. 14.“

Это письмо дошло до адресата. На письме имеется резолюция Г.Ф.Александрову — начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в состав которого входил и Отдел науки: “Прошу ознакомиться с этими записками и переговорить со мной. Г.Маленков. 11/П”.

Состоялась ли встреча А.Р.Жебрака с Г.М.Маленковым, установить не удалось, но известно, что 16 апреля 1945 г. А.Р.Жебрак был на приеме у В.М.Молотова и информировал его о положении генетики и ее большом значении для развития культуры и производительных сил нашей страны (5).

Жебраку было дано разрешение на публикацию ответа Саксу.

О перемене отношения к генетическим исследованиям в СССР в верхнем эшелоне власти свидетельствует и то, что А.Р.Жебрак с 1 сентября 1945 г. был привлечен к работе в аппарате ЦК партии, сохраняя руководство кафедрой в Тимирязевской академии. В должности заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) он проработал до апреля 1946 г.

Хотя Т.Д.Лысенко и возглавлял с 1940 г. после ареста Н.И.Вавилова Институт генетики АН СССР и был (как президент отраслевой академии) в 1942 г. введен в состав президиума Академии, он никогда не имел поддержки в академических кругах и не пользовался влиянием в Академии наук СССР.

Летом 1945 г. (15 июня — 3 июля) в Москве состоялось празднование 220-летнего юбилея Академии наук СССР, на котором присутствовали иностранные гости, и в их числе крупные биологи, члены Королевского общества Дж.Хаксли, Дж.Нидхэм, а также Э.Эшби, находящийся уже в течение года в Москве в качестве советника по науке при австралийском посольстве. Уже в ходе торжеств выяснилось, что в программу посещений научных учреждений гостями юбилея не включен Институт генетики АН СССР: в тогдашнем его виде, руководимый Лысенко, институт не был интересен биологам.

18 июня Т.Д.Лысенко пишет в Юбилейный комитет (6):

“Не подлежит оглашению

*Секретарю Юбилейной
Комиссии по проведению
220тилетия Академии наук СССР
Акад.Брузевичу Николаю Григорьевичу*

Как известно, работы руководимого мной института в план показа участникам Юбилейной сессии не включены. Среди докладов биологических и агро-биологических мой доклад также не стоит.

Я считал и считаю невключение в план показа руководимых мной работ неправильным. Об этом своевременно на одном из заседаний Юбилейной комиссии я поднимал вопрос. Хотя ясного ответа на заседании я не получил, но сразу же после заседания Комитета тов. Чернов мне заявил, что по распоряжению председателя комиссии, Владимира Леонтьевича, институт будет включен в план показа.

Мотивы моей просьбы о включении в показ работ института для меня были следующими.

Руководимые мною научные работы по изменению наследственности растительных организмов, по развитию основных принципов учения академика И.В.Мичурина, широко известны как в нашей стране, так и за границей. (...)Просьба согласована с руководством Комитета (...) и если будет найдена возможность (а мне кажется, что это следует) официально включить в показ руководимые мною работы, отражающие и развитие теории, суть Мичуринского учения, и разрешить мой доклад на собрании Биологического Отделения.

Тема моего доклада м.б. такова: “Теоретические основы управления и построения наследственности у растений (...)”

По свидетельству Э.Д.Маневич, бывшей переводчицей Хаксли и Эшби во время посещения ими Кольцовского института и за-

седаний секции Биологических наук, на третий день сессии доклад Лысенко все же состоялся (в сборнике докладов сессии, опубликованном в 1947 г., текста его доклада нет) (7). По возвращении из СССР статьи Хаксли, Нидхэма и Эшби были опубликованы в еженедельниках "Nature" и "Британский союзник". В них дана превосходная оценка состоянию биологической науки в Союзе. Содержание работ Лысенко не рассматривалось вовсе, но отмечалось, что, несмотря на высокое положение последнего как в науке, так и в политике — президент ВАСХНИЛ и заместитель председателя Президиума Верховного Совета РСФСР — селекционисты неоменделистского и неodarвинистского направлений, находящихся в резком противоречии с революционными воззрениями Лысенко, продолжают плодотворную работу, "таким образом опровергая заявление некоторых нерусских ученых, что в СССР научная теория всегда подчиняется политическим соображениям" (8).

(В декабре 1945 г. в "Nature" был опубликован первый некролог Н.И.Вавилову (9). В статье сообщались ошибочные сведения (дата смерти, некоторые факты жизни, события в ВИРе военных лет) — вероятно, это было все, что смогли узнать англичане в обход умалчивания властей о конце жизни нашего великого соотечественника. Все трое — Хаксли, Нидхэм и Эшби — знали Н.И.Вавилова лично. Некролог был составлен близкими Вавилову людьми — цитологом Сирилом Дарлингтоном и генетиком Сиднеем Харландом (тесно сотрудничавшим с Николаем Ивановичем Вавиловым по актуальной проблеме генетики хлопчатника в 30-е годы). В СССР первая статья с упоминанием имени Н.И.Вавилова появилась только в 1957 г., а некролога не было вовсе...).

Развитие событий в течение двух последующих лет — послевоенное оживление научной жизни, и в области биологии в том числе, конференции, из которых наиболее известна проходившая на биофаке МГУ, растущая оппозиция Лысенко в Академии наук, многочисленные обращения биологов (и не только членом ВКП(б)) в ЦК партии как в последнюю инстанцию с просьбами защитить науку от проявлений монополярной власти Лысенко — фактически спровоцировало организацию политическим руководством страны июльско-августовской сессии ВАСХНИЛ.

Как уже отмечалось выше, большинство историков, как отечественных так и западных, формируя источниковую базу истории науки, обращаясь к архивам, ориентируются главным образом на ведомственные собрания документов (в нашем случае академические — АН СССР и ВАСХНИЛ) и личные архивы ученых. Однако в условиях централизованного государственного руководства наукой при политическом диктате ЦК ВКП(б) — КПСС невозможно восстановить полную картину взаимодействия науки и государственной машины без привлечения материа-

лов партийных архивов, в первую очередь архивов ЦК. С замечанием историка В.В.Бабкова, который выражает свое недоумение по поводу пристального внимания историков "новой волны" к архивам политической партии — они могут разочаровать исследователя, т.к. "многие наиболее важные решения принимались устно, следовательно, в архивах было нечего принять" — нельзя согласиться. (Это замечание Бабков предпосылает публикации мемуарных материалов Ю.А.Жданова, Р.Л.Берг и перевода главы известной монографии Д.Жоравского (10)).

Так, документы периода 1945—1948 гг. (подборка их опубликована историком В.Д.Есаковым с соавт. в последних номерах "Известий ЦК КПСС" 1991 г.) проливают свет на события, предшествовавшие сессии ВАСХНИЛ, и дают возможность понять, что эта, имеющая далеко идущие последствия, акция была организована не столько с целью спасти лысенкоизм как "передовое научное течение", сколько с целью подавить активность интеллигенции, представлявшей угрозу для продолжения руководством страны политики диктата. Документы архива дают наглядное подтверждение тому, как глубоко было проникновение власти партаппарата во все сферы жизни советского общества. Документы позволяют установить авторство сотрудников аппарата ЦК, включая ответственных, вплоть до членов Политбюро, в отношении ряда документов, "озвученных" учеными и общественными деятелями (речи общественных обвинителей на процессах судов чести 1947 г. (11), в значительной мере доклад Лысенко на сессии, который отредактировал лично товарищ Сталин, решения ЦК по принятию административных мер, опубликованные осенью 1948 г. от имени ведомств, проект решения общего собрания АН СССР в 1948 г. и т.д.).

Обнаружены документы, фиксирующие организацию выборов в действительные члены АН СССР и члены-корреспонденты, а также письмо президента академика С.И.Вавилова и академика-секретаря Президиума Академии академика Н.Г.Бруевича в декабре 1945 г., с возражением против избрания Лысенко и Митина в члены президиума АН СССР (12) и т.д..

Аналитические служебные записки сотрудников аппарата ЦК красноречиво свидетельствуют о постоянной и никогда не прекращавшейся работе по контролю за состоянием и настроением "умов" советских ученых в полном соответствии с распространенным пропагандистским лозунгом "партия держит руку на пульсе истории". Неудивительно, что ученые обращались в ЦК как в последнюю инстанцию, и объяснима реакция руководства — постепенное, но решительное "закручивание гаек".

Сохранилась справка, подготовленная для А.А.Жданова заместителем начальника Управления агитации и пропаганды, исполнявшим и обязанности заведующего Отделом науки ЦК, С.Г.Суворовым от 15 апреля 1947 г. (13). Этот документ чисто

чиновничьего характера, завершающийся фразой "Прошу Ваших указаний", тем не менее, обращает на себя внимание четкостью формулировок автором (по образованию — преподавателем физики) достаточно специальных вопросов биологии и беспристрастностью оценок им тех затруднений, которые испытывают ученые в осуществлении дискуссии по спорным вопросам.

"Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А.

Действительный член Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, профессор, член ВКП(б) Б.М.Завадовский просит дать указание редакции "Журнала общей биологии" об опубликовании его двух статей, посвященных критике взглядов акад. Т.Д.Лысенко на проблемы наследственности и эволюции: "О наследственности и ее изменчивости" и других ошибках Т.Д.Лысенко" и "Дарвинизм и внутривидовая конкуренция".

Проф. Б.М.Завадовский сообщает, что первую из этих статей он еще в 1944 году направлял в журнал "Под знаменем марксизма", который ее не опубликовал. В начале 1945 года эта статья была им передана в "Журнал общей биологии" Академии наук СССР и до сих пор лежит там без движения. Его попытки добиться опубликования второй статьи, посвященной разбору более поздних работ Т.Д.Лысенко, также остались безрезультатными. Б.М.Завадовский подчеркивает, что редакции журналов не указывали ему на какие-либо ошибки или недостатки представленных им статей и не отвергали их по существу (...). Теоретические вопросы, по которым намеревается выступить т. Завадовский, не могут считаться окончательно выясненными, ввиду чего обсуждение их в специальной печати вполне закономерно. В биологической науке существуют различные взгляды на природу и механизм наследственности и роль внутривидовой конкуренции в процессе эволюции; точка зрения проф. Завадовского находит поддержку значительного круга советских биологов. Критика теоретических работ Т.Д.Лысенко со стороны проф. Завадовского не имеет оскорбительного характера и всецело сосредоточена на разборе научных доводов.

В ЦК ВКП(б) неоднократно поступали от ученых жалобы на то, что их статьи, критикующие отдельные научные взгляды Т.Д.Лысенко, не печатаются журналами и газетами по тем же соображениям, которые отмечает и Б.Завадовский (письмо действительного члена Академии наук БССР проф. А.Р.Жебрака, письмо действительного члена Академии сельскохозяйственных наук СССР проф. П.М.Жуковского, заявление академика Цицина и другие).

Ранее практиковалась передача этих жалоб на решение ре-

дакий журналов. Но редакции, даже если они согласны с критическими статьями, не публикуют их. В частности, и редактор "Журнала общей биологии" акад. Л.А.Орбели не имеет возражений по существу против названных статей Б.М.Заводского; однако, как он заявил в отделе науки, критика теоретических работ Т.Д.Лысенко связана с неприятностями, ввиду его особого положения, поэтому редакция не будет печатать критических статей без указания ЦК ВКП(б).

Многие биологи заявляют, что они фактически лишены возможности обсуждать важные вопросы биологии и защищать теоретические позиции в науке, против которых выступает в печати Лысенко, что создалась монополия одного направления в биологии. Ученые отмечают, что в силу этого создается видимость официального одобрения теоретических взглядов п.Лысенко в области биологии.

Считаю необходимым информировать Вас об этих настроениях ученых. Полагаю, что обсуждение спорных биологических вопросов в специальной печати было бы полезно для развития науки.

Прошу Ваших указаний.
Сер.Суворов".

Намечавшиеся изменения ситуации в науке не могли не встревожить Т.Д.Лысенко и его могущественных покровителей. Министр земледелия И.А.Бенедиктов, министр зерновых и животноводческих совхозов П.П.Лобанов, министр животноводства А.И.Козлов (в дальнейшем — зав. сельскохозяйственным отделом ЦК), обратились в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором обрушились на участников и организаторов 2-й генетической конференции в МГУ 21—26 марта 1947 г. В этом подлинном доносе пидеров командно-административной системы в области сельского хозяйства в ход идут те же "доводы", что выдвигались потом на сессии ВАСХНИЛ 1948 г.: обвинения в оторванности ученых-генетиков от практики, в пренебрежении наследием Тимирязева и Мичурина и даже в увлечении разведением мухи-дрозофилы. С.Г.Суворов в связи с этим обращением также подготовил обстоятельную докладную записку на имя А.А.Жданова (14):

"Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А.

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов просят поручить группе работников при участии академика Лысенко рассмотреть материалы 2-й генетической конференции, проведенной в Московском государственном университете 21—26 марта с.г., и дать этой конференции соответствующую оценку (...)"

Далее Суворов объясняет, что конференция ученых МГУ вообще не представляла собой специальной антилысенковской акции,

а "является одной из многих научных конференций, проводимых на факультетах Московского университета", вопрос о ее проведении решался не лично профессором Серебровским, а ученым советом Биофака, приглашения принять участие были за три месяца до начала заседаний посланы и Лысенко, и 25-ти его сторонникам, из которых четверо — Нуждин, Кушнер, Макаров, Филипов — даже выступили с докладами. Текст выступления Серебровского (зачитанный за больного профессора другим лицом) вполне патриотичен, в нем отмечается видная роль в науке Мичурина. Сам Серебровский после 1929 г. евгенических ошибок, в которых его обвиняют авторы письма в ЦК, не повторял, и участники конференции не могут нести ответственности за ошибку Серебровского, сделанную им 18 лет назад (...).

"Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов, — пишет далее Суворов, отвечая на следующее положение письма министров, — обвиняют конференцию в отрыве от практических задач на том основании, что ряд докладов посвящен исследованию наследственности плодовой мушки-дрозофилы. Однако, не эти доклады определяют характер конференции. Кроме того, выбор дрозофилы в качестве объекта исследования вполне закономерен, он определяется тем, что дрозофила через каждые десять дней дает новое поколение, что облегчает возможность прослеживания изменения наследственности в ряде поколений; содержание ее дешево, методика работы с ней проста и хорошо изучена. Дрозофила для генетики является таким же удобным объектом экспериментального изучения, каким для физиологов является мышь, лягушка или морская свинка. В частности, все предварительные эксперименты Ключевой и Роскина проводились на мышах (15), а прославленные опыты Сеченова по центральному нервному торможению — на лягушках (...)

На конференции были сделаны и другие доклады генетиков, содержащие ценные практические предложения в области растениеводства и животноводства.

Все изложенное позволяет считать генетическую конференцию, проведенную в Московском университете, весьма полезной, а попытку тт.Бенедиктова, Лобанова и Козлова опорочить ее — несправедливой, основанной на односторонней информации.

Сер.Суворов"

Записки, подготовленные "Сер. Суворов"ым позволяют утверждать, что в это время и "просеянная" аппаратом ЦК информация была объективна, соответствуя действительному положению вещей, однако решения по рассматривавшимся в ней воп-

росам были приняты из других, построенных на иной логике, посылок.

Хотя следом за этими событиями вопрос о положении в ВАСХНИЛ был вынесен на заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) (с докладом, подготовленным сотрудниками аппарата ЦК Г.Борковым, С.Суворовым и Н.Сороко), и обсужден 16 апреля 1947 г., решение вопроса о выборах в ВАСХНИЛ, против которых возражал Лысенко, т.к. они планировались для того, чтобы осуществить перемены в ее руководстве, было отложено до представления Лысенко его доклада. Лысенко же требовал отложить выборы до тех пор, пока "правительство СССР не решит методологических и организационных вопросов построения сельскохозяйственной науки в нашей стране".

Очевидная абсурдность самого факта обсуждения значимости двух различных направлений в биологии на заседании Оргбюро политической партии не смущала руководство. Тем не менее, материалы, готовившиеся к Оргбюро, не оставляют сомнения: Лысенко ожидал серьезный удар, хотя повторное обращение генетиков А.Р.Жебрака и С.И.Алиханяна к А.А.Жданову и осталось без ответа.

Лысенко предпринял контрмеры. Его доклад — отчет о деятельности ВАСХНИЛ (с приложением к нему докладной записки) был представлен А.А.Жданову 14 июня 1947 г.

Следует иметь в виду, что к лету 1947 г. положение в нашей стране резко изменилось.

Разворачивается "борьба за освобождение от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой". В условиях обострения "холодной войны" наиболее ощутимый удар был нанесен по международным научным и культурным связям.

Роль основного идеолога кампании за "утверждение советского патриотизма", против "глетворного" влияния Запада, за "перевоспитание" интеллигенции, деятелей науки и культуры осуществлял А.А.Жданов, прямо утверждавший: "Надо разоблачить непатриотических ученых, преклоняющихся перед границей и одновременно показать настоящих патриотов, заботящихся и борющихся за честь советской науки" (16).

Летом 1947 г. была проведена философская дискуссия, на которой была раскритикована отмеченная незадолго до этого Сталинской премией книга Г.Ф.Александрова "История западноевропейской философии"; было принято и распространено закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина (17), которые якобы передали американцам важное открытие советской науки — препарат для лечения рака; прекращались издания академических научных журналов на иностранных языках; были созданы и начали действовать "суды чести" и т.п.

Новой ситуацией не преминули воспользоваться Т.Д.Лысенко и его сторонники. 30 августа 1947 г. в "Литературной газете" была опубликована статья А.Суркова, А.Твардовского и Г.Фиша "На суд общественности", а 2 сентября в "Правде" — статья И.Лаптева "Антипатриотические поступки под флагом "научной критики" (3 сентября эта последняя будет перепечатана газетой "Социалистическое земледелие"). В этих статьях генетики А.Р.Жебрak и Н.П.Дубинин, в которых лысенковцы на данный момент видели своих главных противников, обвинялись в том, что выступили с антипатриотическими статьями в зарубежной печати и не защитили Лысенко от нападок зарубежной прессы.

Необходимо отметить, что буквально за неделю до этой кампании в печати членом редколлегии и редактором по разделу науки и техники "Литературной газеты" был назначен М.Б.Митин и его роль в организации клеветнических по своему существу статей против генетиков несомненна.

Документы архива партии показывают, что лысенковские инсинуации не были безропотно приняты. В архиве Секретариата ЦК сохранились свидетельства непосредственной реакции на появление публикаций в печати. Ученые биологи разных исследовательских направлений и судеб активно выражали свой протест против их появления. Написанные в удушающей атмосфере 1947 г. эти письма — памятник мужеству и гражданственности истинных ученых.

Первое по времени письмо в ЦК ВКП(б) было написано сотрудницей Государственной комиссии по сортоиспытанию Е.Н.Радаевой. Воспитанная в традициях Всесоюзного института растениеводства, возглавлявшегося академиком Н.И.Вавиловым, который был редактором ее первых научных работ (18), она писала А.А.Жданову 4 сентября 1947 г. (19).

В современной публицистике встречается мнение, что Т.Д.Лысенко боролся с буржуазными учеными и внес немало полезного в развитие советской агрономии, а все критические замечания в его адрес рождены нынешними журналистами и литераторами, проклинаящими сталинский период. Подобные высказывания содержатся, например, в публикации В.Литова "И.А.Бенедиктов. О Сталине и Хрущеве" в журнале "Молодая гвардия" (1989, № 4). Содержание письма Е.Н.Радаевой убедительно свидетельствует, что критическое отношение к Лысенко существовало всегда, оно лишь было парализовано после августа 1948 г.

Эмоциональный отклик направил А.А.Жданову И.А.Рапопорт — автор открытия явления химического мутагенеза, вступивший в партию на фронте (20).

Товарищ Жданов!

Я считаю правильным решительное требование поднять достоинство советской науки и осудить подобострастие перед деятелями иностранной науки.

Однако невозможно согласиться со статьей проф. Лаптева, напечатанной недавно в “Правде”, так как она не столько пропагандирует эту идею, сколько служит возрождению лихорадочной обстановки 1938 — 1939 гг., острых и бесплодных дебатов, мешающих научной, т.е. напряженной, точной экспериментальной работе в области генетики.

Достаточно просмотреть комплект журнала “Агробиология” (послевоенные годы) и некоторых других журналов, издаваемых Академией с.х. наук, чтобы убедиться в продолжении односторонней критики цитогенетики со стороны ламаркистов. К этому все уже привыкли. Меня заставляет к Вам обратиться присоединение к этой критике нового голоса со страниц центрального органа партийной печати.

К концу войны в Англии и САСШ появилось несколько книг и много журнальных статей, авторы которых проводят мысль, что советская генетика целиком стоит на почве теории наследования приобретенных признаков. Переведены книги акад. Лысенко и подробно реферируются работы сторонников его теории, имеющих в своем распоряжении несколько журналов.

Я считаю информацию, которую дали на страницах “Science” гг. Жебрак и Дубинин (по заказу ВОКС) (21) правильной не потому, что одержим слепым фанатизмом цитогенетика-специалиста или связан личной дружбой с авторами этих статей. К тому времени, когда эти статьи заказывались и отсылались, правильная общая информация иностранных естествоиспытателей, среди которых немало наших искренних друзей, о лабораториях и исследованиях нашей страны, стоящих на почве цитогенетики и плодотворно работающих, могла принести только пользу. Ведь в действительности ламарковская теория наследственности акад. Лысенко не просто устаревшая, а неправильная теория, не выдерживающая экспериментальной проверки. Если отождествлять это направление со всей советской генетикой, то возникает впечатление о чрезвычайной отсталости у нас ведущей биологической дисциплины, сделавшей большие шаги вперед при участии именно русских ученых.

Важно, чтобы высокий объективный престиж был не только у советской химии, советской физики, но и отечественной биологии.

Объявить какой-нибудь недоброкачественный или сомнитель-

ный отечественный продукт прекрасным, не значит совершить патриотический поступок, если даже это сделать по искренним побуждениям. В нем только самодовольство и глупость. Поэтому т.Жебрак поступает правильно, когда указывает на заслуги акад. Лысенко в агрономии и физиологии растений, но не прославляет его за исторические открытия в генетике, которые Лысенко еще не сделал. Фальшивая лестня роняет достоинство ученого гораздо больше, чем правда.

*И.Рапопорт, чл. ВКП(б)
доктор биологич. наук*

И.А.Рапопорт, после августовской сессии ВАСХНИЛ, на которой он выступил в защиту генетики как науки, был исключен из рядов ВКП(б).

В ЦК на имя А.А.Жданова поступили также письма Д.А.Сабина, профессора МГУ, физиолога растений, П.И.Лисицина, академика ВАСХНИЛ, одного из старейших и наиболее уважаемых селекционеров, генетика С.И.Алиханяна и др. ученых.

С.М.Гершензон, комментируя ситуацию 1947—48 гг. в своих мемуарах 1992 г., сдержанно замечает, что "некоторые генетики настолько осмелели, что направили в правительство несколько писем, в которых говорили об антинаучности взглядов Лысенко и о том, что взгляды эти могут нанести большой вред сельскому хозяйству..." (22). Просмотр документов архива партии показывает, что круг обратившихся в правительство и ЦК значительно шире, чем это представляли себе более благополучные современники названных выше биологов.

Пытались защищаться и критиковавшиеся в прессе ученые А.А.Жебрак и Н.П.Дубинин.

Однако несмотря на то, что в архиве ЦК собралось обширное антилысенковское досье, никто из генетиков А.А.Ждановым принят не был, а организованная лысенковцами травля-контратака имела успех: вопрос о дискредитации А.Р.Жебрака был предрешен.

В результате выступлений печати он был снят с поста президента Академии наук БССР, а партком Министерства высшего образования СССР, квалифицируя его выступление на страницах американского журнала "Science" как антипатриотическое и антигосударственное, внес предложение привлечь А.Р.Жебрака к "суду чести". Заседания "суда чести" состоялись 21—22 ноября 1947 г. А.Р.Жебрак был вынесен общественный выговор.

Подобной акции должен был быть подвергнут и Н.П.Дубинин. С инициативой привлечения его к "суду чести" выступила парторганизация Института генетики АН СССР, во главе которого стоял, как известно, Т.Д.Лысенко. Однако, академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР академик Л.А.Орбели "высказал свое мнение, что достаточных поводов (как писал не-

пременный секретарь Академии наук СССР академик Н.Г.Бруевич секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецову) для предания члена-корреспондента Дубинина Суду Чести нет", а президент АН СССР академик С.И.Вавилов "всегда и в совершенно определенной форме высказывался за то, что никаких оснований для передачи дела Дубинина в Суд Чести нет" (23).

В защиту пошатнувшегося авторитета Лысенко в декабре 1947 г. выступает и методолог биологии, философ, предложивший Бюро Отделения биологических наук АН СССР доклад "Мнимый и действительный предметы дискуссии между профессорами МГУ и руководимыми академиком Т.Д.Лысенко мичуринцами", небезызвестный Э.Енчмен (24). Это его бредовые идеи (социобиологического плана) были разбиты еще на заре социалистической эры пламенным полемистом Н.И.Бухариным ("Енчмениада", 1925 г.).

Самим же Лысенко в ноябре 1947 г. предпринималась попытка провести научную конференцию, демонстрирующую успехи руководимой им ВАСХНИЛ. В перечне уже отобранных заявок были доклады от Института зернового хозяйства Юго-Востока (г. Саратов), Института лубяных культур (г. Глухов) и ряда других отраслевых институтов. Среди тезисов серьезных сообщений — предложения Е.Н.Синской "Динамика вида", Г.Г.Селянинова "Климатические ресурсы земледелия в СССР и возможности их использования в 4-й пятилетке", Б.С.Мошкова "Роль фотопериодизма в изучении влияния света, различающегося по качеству и направленности на онтогенез растений". В них яственно просматриваются (без упоминания имени Н.И.Вавилова) вавиловские идеи. Вместе с тем Е.Н.Синская, предлагая к обсуждению общий ход эволюции растений, пытается, как и в 1936 г., найти точки соприкосновения с господствующей догмой: "Исследование в области филогенетической экологии приводит, хотя и на основе другого материала и другими путями, к выводам, родственным многим положениям, разработанным в последнее время советской агробиологией и мичуринской генетикой" (25)... Конференция не состоялась.

Напротив, в ноябре-декабре 1947 г. на Биологическом факультете МГУ и в Отделении биологических наук АН СССР состоялись заседания, посвященные обсуждению проблем внутривидовой борьбы, а в феврале 1948 г. в МГУ была проведена конференция по проблемам дарвинизма. На этих собраниях ученых вновь отмечались ошибочность теоретических положений Т.Д.Лысенко и предложенных им агроприемов, наносивших ущерб сельскому хозяйству.

1 декабря 1947 г. заведующим отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был назначен Ю.А.Жданов. Собственный высокий пост и поддержка отца А.А.Жданова — одного из секретарей Центрального Комитета — позволили

Ю.А.Жданову в начальный период его деятельности занимать относительно самостоятельную линию по руководству наукой. Он, несомненно, внимательно изучил материалы по биологии, сохранявшиеся в архиве Секретариата ЦК, знал о критическом настрое в отношении Т.Д.Лысенко ряда членов Оргбюро ЦК, да и сам сразу же столкнулся с необходимостью решать вопросы, поднимавшиеся в обращениях ученых в ЦК партии. Среди этих обращений были и письма академика И.И.Шмальгаузена, на которого в этот период легла роль лидера отечественной биологии. Именно его активность в начале 1948 г. представляла особую опасность для Лысенко и его приспешников. Сохранились как письма И.И.Шмальгаузена (26), так и справка, направленная Ю.А.Ждановым 12 февраля 1948 г. в секретариат А.А.Жданова:

"Академик Шмальгаузен И.И. в своих письмах в ЦК ВКП(б) указывает на некоторые недостатки, которые имели место при проведении дискуссии по вопросам внутривидовой борьбы за существование в природе и ее значении в эволюции.

Академик Шмальгаузен вызывался в отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С ним проведена беседа. Материал прошу направить в архив" (27).

Ю.А.Жданов не только внимательно следил за развитием событий в различных отраслях науки и пытался снимать наиболее острые вопросы, грозящие перерасти в конфликт, но и делал первые попытки активно повлиять на дальнейшее развитие науки. 28 февраля 1948 г. он направил И.В.Сталину (копии — А.А.Жданову и Г.М.Маленкову) докладную записку "О тетраплоидном кок-сагызе", в которой прямо ставился вопрос о вреде, наносимом сельскому хозяйству Т.Д.Лысенко.

Дальнейшее ознакомление с положением в биологической науке, встречи и беседы с генетиками убедили Ю.А.Жданова в необходимости выступить с критикой монополизма Т.Д.Лысенко, необоснованности его теоретических взглядов и показом вреда, нанесенного сельскохозяйственной практике. 10 апреля 1948 г. Ю.А.Жданов выступает с большим докладом в Политехническом музее на семинаре лекторов обкомов партии на тему: "Спорные вопросы современного дарвинизма". В последние годы эта страница истории советской генетики подробно освещена В.Н.Сойфером.

Т.Д.Лысенко, как известно, не присутствовал на докладе Ю.А.Жданова, а слушал трансляцию из комнаты, смежной с лекционным залом, где проходил семинар. 17 апреля, через неделю после доклада, он направил И.В.Сталину (копия — А.А.Жданову) письмо с жалобой на Ю.А.Жданова, который "мешает развитию мичуринского учения". Ответа на это письмо не последовало. Защищаясь, Лысенко подготовил свои замечания к докладу, полная стенограмма которого была получена через П.П.Лобанова, и ознакомил с ними членов ЦК. Следы этой переписки мож-

но обнаружить в фонде ВАСХНИЛ РГАЭ. Имеются тексты Лысенко "О разных направлениях в науке (о докладе Ю.А.Жданова)", адресованные в Совмин СССР тов. И.В.Сталину и в ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А. с указанием, что копии направлены гг. Маленкову Г.М. и Бенедиктову И.А. (28); текст стенограммы доклада Ю.А.Жданова с замечаниями и вклейкой из журнала "Агробиология" № 2 за 1947 г. (29); замечания к стенограмме доклада Ю.А.Жданова, адресованные Маленкову Г.М., переданные 12 июня 1948 г. Кроме того, Маленкову же было адресовано "особое мнѐние" Т.Д.Лысенко о книге И.И.Шмальгаузен с выписками из книги, "обличающими" автора (30, 31).

Материалы личного фонда А.А.Жданова позволяют внести существенные уточнения в развитие событий, происходивших весной и летом 1948 г.

Из анализа этих документов следует, что в беседе Сталина с Ждановым-старшим позиция Жданова-младшего была осуждена (в записной книжке А.А.Жданова историком В.Д.Есаковым обнаружена запись "О Лысенко выговор Ю"), и что Сталин принял Лысенко в Кремле.

Можно также полагать, с достаточной долей вероятности, что с согласия Сталина было решено из возможных мер для исправления "ошибки Ю.А.Жданова" и предотвращения выхода критики Лысенко из-под контроля остановиться на испытанном приеме — специальном постановлении ЦК ВКП(б) "О мичуринском направлении в биологии". Первоначальный текст его был подготовлен Д.Г.Шепиловым и М.Б.Митиным и направлен секретарю ЦК А.А.Жданову 7 июля 1948 г.

Ознакомившись с этим проектом, А.А.Жданов изменил его название, и написал "О положении в советской биологической науке", внес еще значительную правку, дополнив заключительную часть сообщения критикой доклада Ю.А.Жданова. 10 июля 1948 г. А.А.Жданов и Г.М.Маленков направили проект сообщения И.В.Сталину. На копии сопроводительного письма отмечено, что одновременно проект был разослан В.М.Молотову, Л.П.Берия, А.И.Микояну, Н.А.Вознесенскому, Л.М.Кагановичу, Н.А.Булганину. В результате проведенной работы получилось не краткое постановление, а обширное заявление на 22-х машинописных страницах, в котором подтверждался факт существования двух диаметрально противоположных направлений в биологии и за прогрессивное признавалось материалистическое, мичуринское. Напротив, менделевско-моргановское направление оценивалось как реакционно-идеалистическое, последователями его в советской биологической науке назывались академик И.И.Шмальгаузен, профессора А.Р.Жебрак, Н.П.Дубинин, Н.К.Кольцов, А.С.Серебровский, М.С.Навашин и др... Имевшая место дискуссия подавалась как борьба материализма против идеализма, материалистической диалектики против метафизики,

дарвинизма против антидарвинизма, передовой революционной науки против лженауки. "Это есть одна из форм выражения классовой борьбы советских ученых и демократически настроенных ученых зарубежных стран против буржуазных биологов, проповедующих в угоду империалистической буржуазии реакционные идеи неизменности мира".

Попытка Ю.Жданова примирить борющиеся направления в науке, занять некоторую среднюю позицию между мичуринским направлением и менделеевско-моргановским, смешать или объединить противоположные принципы была осуждена: "В науке, как и в политике, противоречия разрешаются не путем примирения, а путем открытой борьбы.

Поэтому попытка т. Ю.Жданова в его лекции на тему "Спорные вопросы современного дарвинизма", прочитанной на семинаре лекторов группы обкомов ВКП(б), эклектически примирить два противоположных направления в биологии, является ошибочной (...) "И, главное — "Этот доклад противоречит позиции Центрального Комитета ВКП(б)" (32).

Вопрос о разгроме отечественной биологии предрешен, но подготовка партийно-государственного акта ведется в строжайшей тайне. Ученые еще не ведают о подступившей трагедии. Они не потеряли пока надежду на торжество науки и здравого смысла. Именно в июле 1948 г. на имя Г.М.Маленкова продолжают поступать письма И.И.Шмальгаузена, А.Р.Жебрака, С.И.Алиханяна, Е.В.Бобко, И.М.Полякова. 16 июля 1948 г. большое и убедительное письмо И.В.Сталину направляет акад. ВАСХНИЛ П.Н.Константинов. Он вновь ставит вопрос о снятии Лысенко (33). (Напомним, что 10 лет назад, в январе 1937 г., сразу после завершившейся накануне специальной сессии ВАСХНИЛ — первой официальной дискуссии между генетиками и лысенковцами — академик Константинов уже обращался в ЦК ВКП(б) с просьбой ограничить опасный авантюризм Лысенко и трезво оценить яровизацию, внутрисортное скрещивание и другие его предложения.) (34).

На 15 страницах профессор Константинов подробно разбирает деятельность Лысенко как президента ВАСХНИЛ, уличает его в некомпетентности в таком важном вопросе сельского хозяйства как районирование культур, налаживании им неэффективных агрономических приемов как посеvy по стерне, летние посадки картофеля, повсеместное применение яровизации культур и др., ссылаясь при этом на свой длительный экспериментальный опыт и упоминая свои безуспешные попытки привлечь внимание прессы и министерства с/х к своим заключениям по всем вопросам.

"Многие ученые АН СССР и ВАСХНИЛ, — пишет Константинов, завершая письмо, — Московского университета и ТСХА резко критикуют Лысенко.

Почему с нами никто не хочет считаться? Почему разрешение этих споров передоверяется либо таким лицам, как М.Б.Митин, либо работниками министерств? Почему наша официальная критика не отражает мнения научной общественности, а старается угодить Лысенко?.."

Далее следует еще 9 пунктов выводов и предложений:

"Краткие выводы и предложения.

1. Академик Лысенко чужд историзма в с.х. науке. Отсюда много его открытий давно открытого.

2. Он чужд представления о ведущем значении вопросов с.х. районирования, экономики и организации с.х. производства, организации единой системы с.х. опытного дела.

3. Односторонний, так называемый агробиологический уклон в его деятельности, тормозит всю с.х. науку, а также отдельные ее звенья. Сам же вместо дарвиниста стал ламаркистом.

4. Он не замечает отрыва его науки от запросов с.х. производства. Как крайний эгоцентрик, он тонет в догматике, в непогрешимости и саморекламе.

5. Он уклоняется от скорейшего укомплектования вымирающей Всесоюзной Академии с.х. наук имени В.И.Ленина, боясь проникновения туда людей иного, чем он, толка.

6. Срочно реформировать систему с.х. опытного дела, о чем я докладывал т.Маленкову и ЦК ВКП(б). Во главе всего опытного дела поставить реформированный ВАСХНИЛ.

7. Немедленно освободить Т.Д.Лысенко от обязанностей президента ВАСХНИЛ"а и произвести довыборы академиков и членов-корреспондентов, без какого-либо нажима со стороны Т.Д.Лысенко.

8. Изъять из монопольного пользования Т.Д.Лысенко все вышеназванные журналы.

9. Созвать при ЦК ВКП(б) совещание по вопросам селекции и генетики и реформы системы с.х. опытных учреждений.

Глубоко уважающий Вас

Действительный член Всесоюзной Академии с/х. имени Ленина, лауреат Сталинской премии, зав. кафедрой селекции, семеноводства и методики опытного дела Тимирязевской с/х Академии проф. П.Н.Константинов

Домашний телефон Д1-83-35
1948 года".

"16" июля

Письмо дошло до адресата и, очевидно, было Сталину доложено. Но позиция "корифея науки" определена. 20 июля 1948 г. А.Поскребышев направляет письмо П.Н.Константинова на рассмотрение Г.М.Маленкову (35). Тот внимательно его прочитал,

сделал многочисленные подчеркивания и присовокупил к накопившимся у него письмам и запискам других биологов и генетиков, которые напрасно ждали ответов на свои выстраданные послания.

Сталин еще размышлял, подписывать ли ему погромное постановление против генетиков, как 23 июля он получил следующее:

“23 июля 1948 г.

Товарищу И.В.Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас просмотреть написанный мною доклад “О положении в советской биологической науке”, который должен быть доложен для обсуждения на июльской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Я старался как можно лучше с научной стороны, правдиво изложить состояние вопроса.

Доклад т. Юрия Жданова формально я обошел, но фактическое содержание моего доклада во многом является ответом на его неправильное выступление, ставшее широко известным. Буду рад и счастлив получить Ваши замечания.

Президент

Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина академик Т.Лысенко” (36)

И он получил замечания “вождя народов”.

Правка И.В.Сталина была выявлена В.Д.Есаковым по тексту доклада, оставленному в архиве ЦК и опубликована (38). Экземпляр этого доклада первоначально был возвращен Т.Д.Лысенко с правкой И.В.Сталина и хранился в ВАСХНИЛ до 1954 г., когда был затребован в Центральный Партийный Архив Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина (ЦПА ИМЭЛС) как документ, содержащий автограф И.В.Сталина (37, 39).

Так подготовленное в аппарате ЦК ВКП(б) постановление реализовалось в докладе Т.Д.Лысенко на специальной сессии ВАСХНИЛ и в резолюции этой сессии. Дальнейшие административные решения — приказы по ведомствам и министерствам, заседания президиумов АН СССР и АМН СССР, посвященные обсуждению итогов сессии ВАСХНИЛ — были уже следствием хорошо продуманной партийным руководством политики. Приказом № 158/172 по ВАСХНИЛ уже была утверждена комиссия из ее действительных членов по проведению довыборов в составе: Авакян А.А., Баранов П.А., Беленький Н.Г., Варунцян И.С., Демидов С.Ф., Желиговский В.А., Костяков А.Н., Лобанов П.П., Лискунов Е.Ф., Муромцев С.Н., Ушаков Е.И., Презент И.И., Скрябин К.Г., Ушакова Е.И., Якушкин И.В., зам. министра сельского

хозяйства Борисов И.А. Комиссии предписывалось закончить работу к 5 ноября 1948 г.

Первый состав ВАСХНИЛ был в 1935 г. назначен правительством, в 1940-х годах — назначался Лысенко. В последующие годы эти люди продолжали определять состав и научную политику ВАСХНИЛ вплоть до конца 1970-х гг.

Обширная историко-научная литература, как отечественная, так и западная, достаточно широко освещала этот период в истории советской биологии. Документальные материалы, цитированные выше, приведены для уточнения позиции специалистов в момент; завершавший разорительную для страны кампанию разгрома генетики, и прояснения механики осуществления этого давления через аппарат ЦК. Если в 1936 и 1939 гг. еще были иллюзии о возможности дискуссии по ряду спорных, не вполне определившихся во взглядах ученых проблем биологии, то в 1948 г. было ясно, что спор идет отнюдь не о научных материях: идет подавление властью очагов свободомыслия в обществе в его профессиональном, специально научном проявлении. Распространение удавшегося в области биологии приема охаивания и устрашения на другие сферы научной и общественно-культурной деятельности имело место в последующие десятилетия.

Примечания к главе III

1. Сойфер Валерий. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Москва; "Лазурь", 1993, с. 369-370.
2. Дубинин Н.П. Вечное движение. М., Политиздат, 1973, с. 264.
3. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 360, л. 9-10. Опубликовано: В.Д.Есаков, С.С.Иванова, Е.С.Левина. Из истории борьбы с лысенковщиной // Изв. ЦК КПСС, 1991, № 4, с. 126-129.
4. Там же, с. 130.
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп.125, д.360, л. 5.
6. РГАЭ, ф. 8390, оп.1, д. 1917, л. 1-2.
7. Юбилейная сессия Академии наук СССР, том 2. М.-Л., Акад. Наук. 1947 г.
8. Цитировано по: Маневич Э.Д. Такие были времена. // ВИЕТ, 1993, № 2, с. 121.
9. Сидней Харланд, Сирил Дарлингтон. Проф. Н.И.Вавилов, иностранный член Королевского общества. См.: Nature, 1945, № 24 (369).
10. Бабков В.В. К политической истории советской генетики. // Вопросы философии, 1993, № 7, с. 64.
11. Кентавр, 1994, № 2, с. 64-65.
12. Известия ЦК КПСС, 1991, № 4, с. 130-131.
13. Там же, с. 135.
14. Там же, с. 135-137.
15. Работа профессоров Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина по изучению канцерогенной (противоопухолевой) активности экстракта из клеток паразитического простейшего (трипаносомы) в послевоенные годы привлекала внимание не только специалистов, но и руководства страной ввиду приоритетного характера работы советских ученых и перспективности исследований для разработки лекарства про-

тив рака. Подробнее о политической кампании, развернувшейся в связи с первым из "судов чести" над учеными — профессорами Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскиным в Наркомздраве СССР см.: В.Д.Есаков и Е.С.Левина. Дело КР. Из истории гонения на советскую интеллигенцию. // Кентавр, 1994, № 2, с. 54-65;; № 3, с. 96-118.

16. РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 122, л. 2-3.
17. Кентавр, 1994, № 2, с. 66-69.
18. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929 —1940. // Научное наследство, т. 10, М., Наука, 1987, с. 350.
19. Известия ЦК КПСС, 1991, № 6, с. 159-163.
20. Известия ЦК КПСС, 1991, № 6, с. 163-164.
21. Статьи А.Р.Жебрака и Н.П.Дубинина были направлены в Америку через Совинформбюро, о чем имеется справка зав. Отделом управления ЦК ВКП(б) М.Щербакова от 8 сентября 1947 г. (РЦХИДНИ, ф.17, оп. 125, д.548, л. 39).
22. Гершензон С.М. Тропою генетики, с. 73.
23. РЦХИДНИ, ф.17, оп. 125, д. 547, л. 151-152.
24. Экземпляр текста доклада, датированный 19 декабря 1947 г. см. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 140, л.л. 157-207.
25. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 2105, л.л. 2-85.
26. Целый ряд писем приведен в сборнике: Шмальгаузен И.И. Вопросы дарвинизма: Неопубликованные работы. М., Наука, 1990.
27. Цитировано по: Изв. ЦК КПСС, 1991, № 7, с. 109.
28. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 2284, л. 4-14.
29. Там же, л.л. 15-21.
30. Там же, л.л. 22-68.
31. Там же, л.л. 75, 76.
32. Известия ЦК КПСС 1991, № 7, с. 112-113.
33. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 619, л.л. 159-170.
34. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 947, л.л. 61-67.
35. РЦХИДНИ, ф.17, оп. 125, д. 619, л. 171.
36. Там же, ф. 558, д. 5285, л. 51.
37. РГАЭ, ф. 8390, оп.1, д. 2285. Имеется расписка директора ИМЭЛС Д.Стручкова от 22.11.1954 с перечнем материалов: доклада с правкой И.В.Сталина с описанием правки, на л.л. №№ 17, 18, 19, 21, 22, 23, 38, 40, 44, 45, 46, сопроводительное письмо, записка Т.Д.Лысенко от 23.7.1948 с пометами И.В.Сталина на одном листе (правка — автограф простым карандашом) — л.л. 58, 59, а также аналогичный материал доклада, адресованный Г.М.Маленкову, с просьбой вернуть докладчику.
38. Известия ЦК КПСС, 1991, № 7, с. 120-121. Этот материал позже был рассмотрен историком биологии К.О.Россияновым: "Сталин как редактор Т.Д.Лысенко. // Вопросы философии. 1993, № 2, с. 56-69.
39. РГАЭ, ф. 8390, оп. 1, д. 2268, л. 1-2.

Дискуссии в науке, возникновение новых направлений, борьба мнений — события естественного хода вещей в развитии науки во все времена. Лидерство биологии в современном естествознании, уверенно сложившееся в мире к середине XX в., в советской науке утвердилось позже, к середине 70-х, по причинам, подробный анализ которых выходит за рамки настоящего рассмотрения. Отметим лишь, что структура задач послевоенного советского общества содействовала преимущественному развитию физики и техники скорее, нежели биологии. Репрессии в среде интеллигенции из естественников затронули в большей степени биологов и агрономов еще и потому, что на ученых этих специальностей возлагалась ответственность за неудачи в сфере сельскохозяйственного производства. Специфика тоталитарного строя, позволявшая легко переводить дискуссию из научной области в сферу определенной идеологии, тормозила становление нового, не сразу оправдывавшего себя в практическом плане направления. Такая политика объяснялась и недостатком средств, выделяемых на науку, не позволявшим поддерживать в стране непрерывный фронт исследований. Включение серьезных биологических исследований в число активно финансируемых направлений стало возможно только с утратой Лысенко его влияния после снятия Н.С.Хрущева, и только в результате активных действий лучшей части сообщества отечественных биологов, включая и старых ученых, и представителей поколения послевоенной генерации. Среди ходовых аргументов в этом случае, как и во многих других, были задачи осуществления научно-технической революции и факт отставания от мирового уровня, апелляция к западному опыту и советскому патриотизму.

История новых направлений отечественной биологии этого периода не написана, так что об историографии этого вопроса можно говорить только условно.

В научной периодике можно найти обзорные статьи развития исследований по отдельным проблемам физико-химической биологии к юбилейным датам (1) (1967, 1977, 1987...), статьи, которыми отмечались юбилеи ученых, брошюры об институтах(2), (главным образом рекламного характера), рассеянную по периодике информацию, сборники ВИНТИ "Успехи науки", книги серии "Академические чтения" (3) и т.п. Определенный интерес представляют сборники серии "Человек. Наука. Общество" публикующие избранные статьи крупных ученых публицистического, популяризаторского характера, среди которых встречаются и очерки историко-научного направления (книги академиков Н.Семенова, В.Энгельгарта, А.Браунштейна и ряд других).

Огромные архивы — личные фонды ученых в Архиве Ака-

демии наук, фонды Отделения общей биологии, Президиума, фонды институтов Академии соответствующего профиля совершенно не освоены исследователями истории науки в плане обсуждаемой темы.

40-е годы в мировой науке отмечены, выражаясь высоким слогом, выходом на авансцену новой комплексной дисциплины, сочетающей в себе физические, химические и биологические подходы к изучению живого — физико-химической биологии. Все предпосылки математизации и химизации классической биологии уже сложились к этому времени. Особенно требовало перемен в оснащении и переходе исследований на молекулярный уровень развитие современной генетики, биологической химии и биологической физики. В России это осознавалось отчетливо. Еще в начале 20-х годов Н.К.Кольцов и Н.И.Вавилов обсуждали необходимость преподавания биологии в физико-технических вузах и увеличения курсов физики и химии в биологических и сельскохозяйственных учебных заведениях (4). В России были сильны школы так называемой физиологической химии, преподаваемой в медицинских вузах, работали группы исследователей под руководством маститых ученых А.В.Паллладина и А.Н.Баха, молодых, ставших знаменитыми благодаря своим открытиям В.А.Энгельгардта, С.Е.Северина, А.Е.Браунштейна и др..

Однако обстановка, сложившаяся в советской биологической науке после, как принято говорить, "печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ" 1948 г., не была благоприятной для развития исследований в области "биологии молекул". Контролировавшие все возможности — финансирование, публикации и пр. — ставленники Лысенко на академических и вузовских должностях препятствовали как утверждению в науке приходящих с "буржуазного" запада передовых идей, так и продолжению начатых еще до войны и прерванных исследований (по химическому мутагенезу, например). Изъятие из программ обучения классической генетики, извращенное и вульгаризированное преподавание дарвинизма, полное прекращение работ по теоретической биологии — все эти меры надолго парализовали развитие биологического знания в Союзе.

В это же время на Западе интенсивно развивались исследования в новом направлении биологии, к нему подключались как биологи всех специальностей, за исключением разве систематиков (это случилось только в 70-х годах). В СССР такое объединение усилий и выработка общих подходов произошли только к концу 50-х годов (начало работы семинара Тимофеева-Ресовского в Миасово, приезд его в Москву и доклад на семинаре Физического института по приглашению И.Е.Тамма (5), по причинам, которые уже отмечены выше. Краткую информацию по истории этого периода можно найти в последних главах монографии

А.Е.Гайсиновича (6), книге Н.П.Дубинина (7) (главы "Мрачные годы советской биологии. 1948—1953", "Падение Лысенко. 1953-1966" и "Возрождение и новая генетика. 1956—1988"). Многие страницы главы "Мрачные годы советской биологии" той же книги отданы целиком перечислению фамилий не только отрекшихся от положений классической генетики биологов, но и тех, кто позволил себе присутствовать на заседаниях, где заслушивались соответствующие доклады, быть членом редколлегии, журналов, публиковавших соответствующие статьи и т.д. — см. стр. 267—276).

На рубеже 40-х — 50-х годов в биологии утверждались представления о химической природе гена, ибо еще в 1944-46 гг. сотрудником Рокфеллеровского института О.Эвери была показана возможность трансформации бактерий с помощью ДНК (8). Этот эксперимент был советскими "мудрецами" истолкован как неопровержимый факт "экспериментального получения направленного наследственного изменения специфического вида пневмококков в другой". Такую интерпретацию классической работы дал почетный академик Н.Ф.Гамалея (9), предваряя этим замечанием публикацию в журнале "Агробиология" статьи своей сотрудницы Н.П.Грачевой "Направленное изменение кишечной бактерии" (10). Работа не была оригинальной, а буквально повторяла эксперимент Л.А.Зильбера, в результате которого кишечная палочка, помещенная в диализной пленке в питательной среде, где росла бактерия брюшного тифа, приобретала способность агглютинироваться антитифозной сывороткой. Результат объясняется не иначе, как превращением одного вида в другой под влиянием среды. Разумное объяснение — поверхность кишечной палочки в диализном мешочке либо адсорбирует белки, выделяемые в среду бактерией брюшного тифа, либо сама *E. coli* трансформируется растворимой ДНК, присутствующей в матричном растворе (размер пор диализной пленки в статье не указывается, судить о том, проницаема ли она для фрагментов ДНК, нельзя).

Приверженцы гипотезы превращения видов не допускают возможности обмена генетической информацией, т.к. не признают вещества наследственности. "Описанная бактериальная изменчивость, — заключает Н.Ф.Гамалея, — является, мне кажется, наглядным примером вегетативной гибридизации, так хорошо описанной в работах И.В.Мичурина и Т.Д.Лысенко" (11). С позиции современной молекулярной биологии эксперимент объясним (и сам Эвери писал в работе 1946 г., что в позднейшее время это явление получило генетическое истолкование и индуцирующее вещество уподобили гену (12)). Вероятно, таков механизм параллельного переноса генов в эволюции, предполагающий, правда, наличие инструмента переноса — вируса, но в контексте нашего рассмотрения существенно другое. Типичная ситуация: работа выполнена на подхвате западной науки, без ос-

воения и восприятия ее идеологии. "При ассимиляции специфических продуктов распада *E. coli* Bact. Breslav (реципиента) могла бы получить несколько иные качества", — скромно комментирует результат Грачева. Анализа "трансформирующей субстанции", естественно, нет, речь идет об абстрактном "азотосодержащем субстрате", постепенном "воспитании", получении изменений у воспитуемой *B. Breslav* (13).

В 1946 г. вышла в свет и в 1947 г. была переведена на русский язык книга Э.Шредингера "Что такое жизнь с точки зрения физики"? (14). В Союзе книга была осуждена и на долгие годы изъята из библиотек. А между тем идеи Шредингера были у нас естественно восприняты, т.к. еще в 30-е годы в СССР были опубликованы две книги Э.Бауэра по теоретической биологии, в которых впервые была сформулирована концепция биологии в целом, основанная на физических представлениях. Бауэром провозглашалось установление неравновесия как принцип, отличающий живое от неживого.

Эрвин Бауэр, его трагическая судьба, яркий след в науке, возвращение его идей после более чем 30-ти летнего забвения — все это может быть не только предметом исследования историка, но и сюжетом увлекательного романа. Венгр по происхождению, он участвовал в революционном движении и после поражения Венгерской Республики в 1919 г. был вынужден эмигрировать. Судьба политического эмигранта приводит его сначала в Вену, затем в Геттинген, и в 1921 г. — в Прагу, где в течение почти 4-х лет он работает в отделе общей биологии и экспериментальной морфологии Карлова университета, занимаясь изучением реакций клеток на воздействие факторов внешней среды, проблемами злокачественного роста клеток, связывая эти исследования с разрабатываемой им общей теорией жизненных явлений. В 1925 г. в Праге состоялось знакомство Э.Бауэра и Н.И. Семашко, и в этом же году, получив официальное приглашение, Бауэр с семьей переехал в СССР, где ему было предоставлено место сотрудника в лаборатории общей биологии Института профессиональных заболеваний им. Обуха в Москве. Ретроспективно оценивая развитие науки в России советского периода, можно сказать, что 20-е годы были периодом взлета интеллектуальной активности в стране, расцвета науки, несмотря на тяжелые бытовые условия. Западные историки (15) склонны приписывать это обстоятельство эффекту накопления предреволюционного периода, развитию сложившихся тогда тенденций в условиях относительной свободы, отрицая проявление реакции на революцию, что не совсем верно. В действительности сильна была вера в социалистические идеалы, революционность и преобразовательную силу науки. Идеи Бауэра нашли в России благодатную почву, возможность работать казалась неограниченной. В своих статьях Бауэр развивает термодинамический взгляд на мир, сочетая его с

экспериментальным поиском веществ, носителей свойств живого. В 1930-м году выходит первая из упоминавшихся книг Э.Бауэра — "Физические основы в биологии" (16) и в следующем году он получает приглашение организовать и возглавить в Биологическом институте им. К.А.Тимирязева лабораторию общей биологии для разработки проблем теоретической биологии. Убежденный коммунист, Э.Бауэр принимает активное участие в политической жизни научного сообщества, преподает в Социалистическом университете им. Я.М.Свердлова, не пренебрегая необходимостью читать ликбезовские лекции по биологии, плодотворно сотрудничает не только со многими известными биологами, но и устанавливает идейную связь с выдающимися физиками, выступая на совместных семинарах в Физико-техническом институте. В 1935 г. выходит в свет его вторая книга "Теоретическая биология" (17), вызвавшая бурное обсуждение. В архиве Академии медицинских наук в фонде Московского общества врачей сохранилась стенограмма одного из таких обсуждений (на научной конференции ВИЭМ 14-15 мая 1935 г.).

Стенограмма несовершенна, но неровность текста доклада Бауэра объясняется, возможно, не вполне свободным владением Бауэром русским языком (в стенограмме его заключительного слова отмечено "заметно хуже говорит по-русски"). Из обсуждения видно, с каким трудом воспринимались идеи Бауэра научным сообществом. Ему опонирует — тоже часовым докладом — Д.Л.Рубинштейн, с замечаниями выступают Л.С.Штерн, Д.Н.Насонов, Н.Д.Зелинский, С.Я.Капланский, В.А.Белицер, А.Е.Браунштейн, И.С.Беритов, Н.А.Рожанский и др.. По мнению председательствующего И.П.Разенкова в результате обсуждения "актуальность и острота поставленного вопроса только расширилась и углубилась" (18). Знакомство со стенограммой и анализ современного состояния области знания, границы которой не поддаются четкому определению, показывают, насколько Э.Бауэр опередил свое время. Расчеты Бауэра, соответствовавшие уровню знаний его времени, оказались нереальны, но общая концепция — верна. Только последующее развитие целого комплекса биологических и физических наук, их новых направлений — термодинамики необратимых процессов, биоэнергетики, физики и физической химии биологических макромолекул, установление и исследование активной функции биологических мембран — позволили экспериментально обосновать некоторые положения теории Бауэра, хотя вопрос о сущности отличий живого от неживого, впервые поставленный им на научную основу, и сегодня относится к разряду "вечных".

В 1934 г. Бауэр переехал в Ленинград и возглавил Отдел общей биологии в новом Институте экспериментальной медицины. Обсуждение его книги продолжалось в Ленинграде. Г.А.Левитский включил положения теории Бауэра в лекции по генети-

ке в ЛГУ В 1937 г. Бауэр присутствовал на обсуждении доклада Д.В. Лебедева, тогда студента 3-го курса кафедры генетики растений, по своей книге (19). Это было последнее публичное выступление Эрвина Симоновича — вскоре он и его жена Стефания Сциллард были арестованы и погибли.

Первое переиздание книги Э.Бауэра было предпринято только в 60-х годах по инициативе Б.П.Токина (20), близко знавшего Бауэра и его семью, принявшего большое участие в судьбе двух его сыновей, воспитывавшихся в те годы жестоких репрессий в детском доме. Вторая попытка переиздания книги и осмысления научного наследия Бауэра была предпринята в 1982 г. совместно Академией наук ВНР и Академией наук СССР (21). Однако русская часть тиража — книга издавалась на русском и венгерском языках — так и не попала к читателю, и теперь трудно, да и вряд ли нужно, выяснять, по чьей злой воле это случилось. Вступительная статья С.Э.Шноля, подготовленная к этому изданию, была опубликована только среди материалов, изданных к 100-летию со дня рождения ученого, стоящего у истоков современной теоретической биологии, в 1993 г. (22).

Анализ творчества Э.С.Бауэра, оказавшего большое влияние на многие направления общей биологии, разработку проблем молекулярных механизмов процессов жизнедеятельности, еще предстоит сделать историкам биологии. Возвращаясь к ситуации конца 40-х годов в советской биологии можно вспомнить сказанное в 1990-м на конференции памяти Э.Бауэра в Биологическом центре АН СССР в Пущино-на-Оке: если бы Бауэр не был убит НКВД в 1937 г., Э.Шредингеру не нужно бы было в 1946 г. задавать вопрос "Что такое жизнь с точки зрения физики?" — на него уже ответил бы Бауэр. Но реальная история не знает сослагательного наклонения, и в 1948 г. в СССР не было условий для занятий теоретической биологией, в стране господствовала биология мичуринская.

Позднее, в пору перемен после смерти Сталина и наступления кратковременной "оттепели", оживившей все стороны жизни советского общества, появилась возможность собрать силы для целенаправленного развития исследований в области физико-химической биологии. Идеологом этого направления в СССР стал В.А.Энгельгардт.

"Я убежден, — писал о своем учителе в 1989 г. академик А.А.Баев, — что в нашей стране он правильнее, полнее и глубже и раньше всех понял суть и значение молекулярной биологии, молекулярного подхода в системе биологических знаний" (23).

Отстаивание права нового направления на существование было непростым делом, т.к. помимо сопротивления лысенковцев возрождению в лице молекулярной биологии ненавистного им вейсманизма-морганизма, сильны были настроения не допускать

развития исследований, имеющих в своей основе редукционистскую идеологию, неприемлимую для советских философов, с одной стороны, и страх консервативных биологов перед вторжением в биологию химических и физических идей и методов, угрожающих разрушить чисто биологические подходы, с другой.

Историю событий можно проследить по академическим документам. В них отражены хлопоты В.А.Энгельгардта и его окружения, покровительство тогдашнего президента АН СССР академика А.Н.Несмеянова, понимавшего смысл и значение нового направления. В своей первой речи на Годичном собрании 1 февраля 1952 г. он отмечал: "В Академии все еще на некоторых научных участках, как, например, в биологии доминирует — нет слов, тоже полезная, описательная наука, — а экспериментальная, являющаяся знаменем века, не поднята на должную высоту. Благодаря такому положению гораздо слабее, чем это необходимо, развиваются пограничные науки, где обычно можно ожидать наибольших успехов и наиболее быстрого движения (...) Я думаю, что Академии следует создать институты биофизики, химии биогенных соединений и белка и поднимать работу по всем названным направлениям и им подобным разделам науки" (24). Обращает на себя внимание осторожность формулировок президента, что не удивительно, учитывая консервативность уважаемого академического собрания и совпадение по времени с продолжающейся в стране кампанией критики современной науки. Была развернута, со всей возможной мощью централизованных средств массовой информации, пропаганда псевдонаучных изысканий О.Б.Лепешинской по проблеме "живого вещества", и в нее были задействованы научные учреждения как Академии медицинских наук, так и Академии наук СССР.

Вскоре, в том же 1952 г. в составе Отделения биологических наук был создан Институт биофизики, но Институт молекулярной биологии (после неудачной попытки добиться его утверждения в 1957 г. — помешало вмешательство Т.Д.Лысенко) был организован только в 1959 г.

Упрочение нового направления осуществлялось с большим трудом, молекулярная биология еще не раз переживала тяжелые времена. Существенно, что первые специализированные научные центры по молекулярной биологии, возникшие в середине 50-х годов, были "прикрыты" идеей необходимости радиационных исследований в связи с развитием ядерной физики и перспективой более широкого использования ядерной энергии в народном хозяйстве, а также начавшихся космических исследований. Так, одним из первых научных коллективов, эффективно разрабатывающих вопросы молекулярной генетики и физики биополимеров, возник под покровительством физика-ядерщика И.В.Курчатова как Радиобиологический отдел в Институте атомной энергии (ныне — Институт молекулярной генетики РАН).

В Академии наук СССР таким центром стал институт под руководством В.А.Энгельгардта, первые 6 лет своего существования называвшийся Институтом радиационной и физико-химической биологии. Тематика отдельных лабораторий, например, лаборатории функциональной морфологии хромосом (кариологии), которой предписывалось исследовать хромосомы животных, а потом и людей, побывавших в космосе, прикрывала и позволяла финансировать фундаментальные исследования других лабораторий, не связанных напрямую с прикладными задачами.

Помимо идеологических трудностей молекулярная биология в СССР во все времена испытывала трудности чисто практические, поскольку в Союзе совершенно не была развита (и слабо представлена в настоящее время) инфраструктура науки. Почти отсутствовало производство техники, приборов, необходимых для эксперимента, чрезвычайно малы мощности той части химической промышленности, которая производит чистые реактивы, а производство тонких биохимических препаратов, как ферменты, синтетические аналоги природных веществ, ингибиторы ферментов, специальные антибиотики и т.п., практически отсутствовало. Поступление же реактивов и приборов из-за рубежа было затруднено по причине постоянного недостатка валютных средств и в очень большой степени зависело от политических обстоятельств. Обмен информацией, сотрудничество с зарубежными научными центрами, поступление литературы из-за границы, публикации результатов исследований в западных журналах, что ускоряет включение их в единый мировой поток информации, также были сильно затруднены для советских ученых. В этих условиях включаться в работу мирового сообщества в столь быстро развивающейся области, какой является современная молекулярная биология, было делом отчаянным. В.А.Энгельгардту удалось собрать вокруг себя талантливых специалистов, посвятивших себя науке. Формируя кадровый состав организованного им ИРФХБ в 1959 г., Энгельгардт руководствовался принципом равного присутствия в коллективе ученых, специалистов в области физики, химии и биологии. История организации этого ведущего по проблеме и хорошо известного теперь в мире института представляет значительный интерес, т.к. именно с ним связано главным образом становление и развитие отечественной молекулярной биологии. В структуру института исходно закладывалась возможность широкого охвата проблем, наличие множества "точек роста" поисковых тем, своего рода "разведка боем". Условия функционирования Института в системе Академии наук 50-х — 60-х годов были чрезвычайно сложны, научная политика в эти годы пережила множество перекосов, но именно в недрах Института молекулярной биологии (так был переименован Институт по просьбе В.А.Энгельгардта в 1965 г.) рождались те научные программы и исследования, которые позволили советским ученым

в ряде областей молекулярной биологии выйти на передовые позиции в мировой науке (25). Интересно проследить изменение тематики исследований в институте, иногда вслед, а в ряде случаев с опережением обострения интереса к этим проблемам в ведущих лабораториях Европы и Америки. Это совершенно оригинальное исследование структуры информационных РНК и структуры генома высших организмов по отражению ее в строении его копии — высокомолекулярных ядерных РНК, развиваемое под руководством будущего академика Г.П.Георгиева; начатые одновременно с западными, но отставшие в публикации по уже отмеченным выше причинам исследования первичной структуры сравнительно низкомолекулярных, т.наз., адапторных РНК, выполненные группой под руководством академика А.А.Баева; получившие признание структурные исследования белков-ферментов группы, объединившей ученых лаборатории академика А.Е.Браунштейна в ИМБ и академика Ю.А.Овчинникова в Институте химии природных соединений — института, организованного одновременно с ИРФХБ-ИМБ в 1959 г. для изучения структуры биологически активных химических веществ.

В начальный период в ИРФХБ сконцентрировалась талантливая молодежь, в большинстве своем сделавшая блестящую карьеру в науке. Имена этих ученых — А.Д.Мирзабеков, Г.П.Георгиев, Л.Л.Киселев, М.Я.Карпейский, А.А.Краевский теперь хорошо знакомы специалистам в стране и за рубежом. Пристального интереса историкам биологии заслуживает личность выдающегося ученика и коллеги В.А.Энгельгардта по выработке стратегии развития отечественной молекулярной биологии академика А.А.Баева и других биологов, ставших лидерами отечественной и заметными фигурами в мировой науке, как А.Н.Белозерский, Н.В.Тимофеев-Ресовский, Р.Б.Хесин, М.В.Волькенштейн. У каждого из них совершенно особые судьбы, свой путь в науке, но одна точка пересечения творческих исканий — изучение молекулярных основ процессов жизнедеятельности и борьба за чистоту и свободу научного творчества.

Следует отметить, что в условиях недоверия к представителям академической науки со стороны правительства и правящей партии, которое так и не было преодолено с большевистских времен, положение лидеров научных школ, живших постоянно в напряженной борьбе и подчинявшихся необходимости отстаивать право на существование своих направлений, добиваясь увеличения финансирования, необходимого хотя бы для поддержания прежнего уровня экспериментальных возможностей в условиях подорожания исследований, было и осталось незавидным. Поэтому так распространено было в среде советских ученых совмещение научных, административных, государственных и даже партийных должностей, обеспечивающих большие возможности влияния на формирование и осуществление научной политики.

"Борьба за власть" имеет в научной среде в рассматриваемом контексте оттенок, отличный от вульгарного и общепринятого.

Известна попытка анализа расстановки сил в научной верхушке советской биологии (Отделение биологических наук АН СССР, Президиум ВАСХНИЛ) периода послевоенной лыснковщины и времени выхода из кризисного состояния всей биологии в 60-е годы. Это завершающие главы монографии В.Н.Сойфера "Наука и власть", имеющие ярко выраженный обличительный характер. Не менее сложна ситуация 70-х, когда одновременно с деятелями пролыснковского толка и просто осторожными политиками, активно заявляли о себе представители новых направлений. Анализ этого процесса может быть сделан, материалы для освещения темы доступны.

Большой материал в этом плане дает архив академика В.А.Энгельгардта. В его личном и институтском собрании документов — архив был рабочим, т.к. В.А. имел склонность к литературным занятиям, был человеком огромной эрудиции, немного философом, немного историком своей, очень обширной области современной биологии — сохранились протоколы интереснейших заседаний так называемого "мозгового треста", "малого совета". Это документы первых лет существования Института, когда выработывалась стратегия научного поиска, только нащупывались пути реализованных позже оригинальных подходов. Доклады, сделанные в эти годы сотрудниками Института на методологических семинарах, проходивших в неформальной обстановке заинтересованного обсуждения, заслуживают того, чтобы быть опубликованными.

Нельзя не отметить, что все годы, пока В.А.Энгельгардт возглавлял отечественную молекулярную биологию, его постоянно занимали заботы об улучшении условий работы экспериментаторов — в идеях и теориях не было недостатка. Он был непрерывно занят добыванием средств, а для этого необходимо было не переставая убеждать "инстанции", повторяя просьбы, а, бывало, и обещая требуемые "практические" выходы самых фундаментальных, теоретических исследований.

Сохранились заготовки В.А. к докладу в конце 60-х годов (полный текст отсутствует). На первой же странице машинописного текста уже дрожащим почерком написано главное, "для памяти": "МБ — дорогая наука", и дальше, в 20-ти пунктах-положениях доклада повторяется: "...Важнейшим фактором, определяющим отставание отечественной биологии от зарубежных является острый дефицит необходимого научного оборудования и реактивов..."

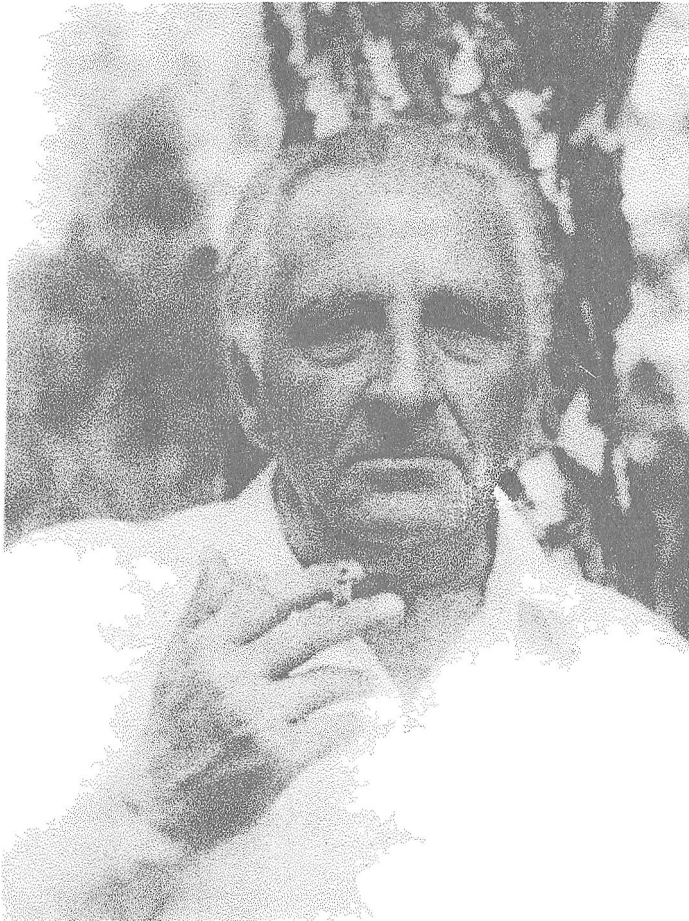
"...Ряд мер, принятых в течение 60-х годов по созданию отечественных приборов высшего класса, меченых соединений и химических реактивов, пока еще мало отразился на развитии отечественной молекулярной биологии... Низкое качество техни-

ческих средств, также как и недостаточное количество мутантных форм микроорганизмов, приводят к тому, что, по мнению специалистов, многие работы, выполненные зарубежом в области молекулярной биологии за последние 5—6 лет невозможно даже повторить ни в одном из отечественных научных учреждений без существенного укрепления его технической базы..." (26).

Но именно в Институте Энгельгардта были не только повторены, но и выполнены совершенно оригинальные работы по структуре ДНК и РНК, кристаллографическому анализу активных центров ферментов, изучению механизма биосинтеза белка. "Молекулярная хирургия" — термин, который использовал В.А.Энгельгардт, рассказывая в своих публичных выступлениях о работе группы специалистов Института под руководством А.А.Баева и тогда еще молодого кандидата химических наук А.Д.Мирзабекова, не был привычным для биологов. По существу же идеология этой работы по изучению функциональной топографии наименее высокомолекулярной (и потому более доступной изучению) РНК клетки во взаимодействии ее с ферментом, белком, осуществляющим отбор нужной аминокислоты и, тем самым определяющим специфичность процесса биосинтеза белка, предвосхищала возникновение мощного метода будущего — генетической инженерии, обеспечившей прорыв в исследованиях молекулярной биологии 70-х — 80-х годов.

Считая, что общепринятых и точных границ молекулярной биологии, отделяющих ее от смежных областей науки, не существует, и разные специалисты вкладывают в это понятие несколько различного содержания, сам Энгельгардт называл молекулярной биологией науку, которая, на основании анализа структур и структурных превращений биополимеров и их компонентов, ставит своей задачей объяснить биологические процессы в живой клетке. Исследование связи функции биологических комплексов с их молекулярной структурой, по его мнению, и являются характерной чертой молекулярной биологии. Еще одно, принадлежащее Энгельгардту, более широкое определение: "Молекулярная биология: физические и химические основы коренных проявлений жизнедеятельности, на объектах и в условиях от молекулярного до клеточного уровня, что не умаляет структурного направления". Именно структурное направление было основным на протяжении минувших со времени организации Института лет — соотношение структуры и функции, будь то исследования белков-ферментов, транспортных и информационных РНК, нуклеопротеидов, составляющих хромосомы, или собственно ДНК.

Успех пришел к отечественной молекулярной биологии на рубеже 60-х — 70-х годов. Работы были выполнены на несовершенном оборудовании, благодаря выдумке, за счет безграничного энтузиазма молодежи, проводившей в лабораториях целые сутки. Этот стиль, ставший привычным, в действительности же со-

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский
(школа-семинар на Можайском море, 1960-е годы)

вершенно изнуряющий, сложился не в описываемое время. Так же работал в тяжелый для нашей биологии 1949 г. будущий классик молекулярной генетики Роман Бениаминович Хесин. Советские молекулярные биологи, биохимики никогда не имели условий, известных, скажем, из книги Дж.Уотсона и Ф.Крика "Двойная спираль", и мириться с уровнем начала 50-х в середине 70-х, удерживаясь при этом все же на переднем крае науки, было делом почти героическим.

Р.Б.Хесин, окончивший аспирантуру кафедры генетики МГУ в 1948 г., был уволен из университета по приказу министра высшего образования СССР Кафтанова, который, проводя в жизнь решения сессии ВАСХНИЛ, освобождал высшую школу от тлетворного влияния вейсманистов-морганистов, носителей буржуазной идеологии. Проведя в поисках работы около полугода, Р.Б. получил место в Институте биологической и медицинской химии в Москве. ..."Меня пожалел и взял к себе С.Я.Капланский", — вспоминал позже Хесин (27). В лаборатории Капланского Хесин работал как биохимик и получил принципиально важные результаты. Им была показана возможность синтеза белка в изолированных компонентах клетки. Однако, будучи и семи пятей во лбу, голыми руками в современной науке сделать что-нибудь совершенно невозможно. У Хесина не было центрифуги с охлаждением, необходимой для отделения при высоких скоростях вращения ротора одной фракции клеточных структур от другой, и он пытался получить интересующую его фракцию, активную в синтезе белка, обкладывая снаружи сухим льдом обычную центрифугу. Опубликовать эти результаты все-таки не удалось, т.к. в Союзе еще не было изотопной промышленности, выпускающей необходимые для регистрации вновь синтезированного белка меченые ^{14}C аминокислоты, и работа не была завершена. Фракция, интенсивно синтезирующая белок, содержала впервые полученные Хесиным, еще не открытые, рибосомы. Они были описаны только в 1954 г. с помощью электронной микроскопии в Германии. (В 70-е годы советской наукой был взят реванш: механизм функционирования рибосомы — биологической "машины", синтезирующей белок в клетках любых типов и всех организмов, от бактерий до высших, был установлен группой московских исследователей под руководством академика А.С.Спирина.)

Международную известность Хесину принесли более поздние, осуществлявшиеся уже в условиях несколько переменившегося климата в отечественной биологии, исследования. В 1956 г. (после нескольких лет работы в Каунасском университете, результатом которых была монография "Биохимия протоплазмы" и докторская степень), Хесин получает возможность заниматься биохимической генетикой во вновь организованной Лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН СССР, возглавляемой тогда Н.П.Дубининым, а в 1959 г. переходит в Радиобио-

логический отдел Института атомной энергии. Здесь в 1963 г. им была продемонстрирована возможность использования бесклеточной системы для изучения генетической функции ДНК на примере транскрипции генома фага Т4. И этот результат имел принципиальное значение: по Хесину, РНК-полимераза и белковые факторы иницируют транскрипцию генов фага избирательно, только ранних, но не поздних, т.е. установлен факт регуляции транскрипции с помощью генетических подходов. В 1966 г. Хесин, мечтавший возобновить эксперименты на дрозофиле, стимулирует в своей лаборатории исследование по биохимической генетике дрозофилы. Это направление, по существу молекулярно-биологическое, составило содержание его последующей жизни в науке, завершившейся опубликованием в 1985 г., незадолго до наступления смертельной болезни, монографии "Непостоянство генома" (28). В ней были обобщены и проанализированы случаи неканонического наследования и дано их объяснение с молекулярно-биологических позиций. Насыщенная фактическим материалом, трудная для неспециалистов, профессионалами книга читается с упоением. Логика научного поиска, вскрытая автором, увлекает подготовленного читателя не менее, чем повороты детективного сюжета Чейза или Кристи.

Р.Б.Хесину принадлежит афоризм "генетика ставит задачу, молекулярная биология ее решает".

Эта история жизни блестящего ученого — одна из многих — достаточно хорошо иллюстрирует условия, в которых предстояло пробиваться росткам отечественной молекулярной биологии в 60-е годы. Очевидно, что в этом случае успех решала не столько техника, сколько кадры ученых.

Понимая это, создатели первых научных центров в этой области в стране начинали в лучших традициях русской научной школы с организации рабочих семинаров. В сообществе молекулярных биологов такой семинар стихийно возник в конце 50-х годов в Миасово, где жил тогда Н.В.Тимофеев-Ресовский. На биостанцию в Миасово Уральского филиала АН СССР несколько лет съезжались регулярно группы физиков-теоретиков С.В.Вонсовского, математиков-кибернетиков, работавших с А.А.Ляпуновым, и группа молодежи кафедры биофизики МГУ во главе с Л.А.Блюменфельдом. Здесь в горячих дискуссиях после прочтения различных специальных курсов формировались в довольно широких кругах молодежи общеметодологические основы, содействовавшие развитию в нашей стране современной биологии.

Позднее центр таких встреч-дискуссий переместился в Москву, превратившись в постоянно действующую на протяжении более чем 20-ти лет школу-семинар по проблемам молекулярной биологии. Листая теперь сохранившиеся в архиве Научного совета по молекулярной биологии при Отделении биохимии, биофизи-

зики и химии физиологически активных соединений АН СССР программы школы и списки ее участников, можно видеть, как формировалось сообщество советских молекулярных биологов, как эволюционировали их взгляды и менялась сама постановка вопроса. От общего вопроса типа "что нужно вирусу от клетки" школа переходила к рассмотрению структуры и тонких механизмов самосборки вирусных частиц, роли вирусов в патологии, физиологии и эволюции клетки. Не менее десяти раз обсуждалась структура дезоксирибонуклеопротеида, составляющего основу хромосом всех клеток, имеющих оформленное ядро, от простого описания его состава в 1966 г. до установления химических и физических методами нуклеосомной структуры ДНК высших организмов с обоснованной моделью ее функционирования в 1983 г.

Первые же школы, о которых шла речь выше, носили информационный характер и сыграли положительную роль в выработке общего языка, зарождении и поддержке взаимного интереса, создании необходимого для успеха в такой комплексной области, какой является молекулярная биология, единого фронта исследовательской работы. Опыт практического сотрудничества в те годы был минимальным и биологи чаще смотрели на физиков как на людей, умеющих налаживать приборы, чем как на равноправных партнеров в исследовании, а недоверчивые физики задавали биологам лишь обескураживающий вопрос "как именно определялась погрешность в биологическом эксперименте". Поэтому в лекциях первых совместных школ физики и химии терпеливо разъясняли биологам суть и возможности своих методов, биологи же пытались заинтересовать оппонентов своими проблемами и привлечь химиков и физиков к участию в их решении. С годами характер школ изменился, их программы претерпели эволюцию в соответствии с развитием науки. Период взаимного узнавания прошел, в отечественной физико-химической биологии сформировались направления, и задачей школы стало их объединение. Программа школ следующих лет была рассчитана на людей, активно работающих над решением на молекулярном уровне общебиологических задач. Обстановка свободной дискуссии и молодого задора привлекала и маститых ученых. Кроме биологов на школах регулярно бывали и читали лекции академики А.Б.Мигдал, Л.В.Канторович, Э.Л.Андронникошвили. Широкая постановка вопросов на школе, собиравшей вместе всех, независимо от узкой специализации, немало содействовала поддержанию отечественной молекулярной биологией с первых лет ее существования высокого уровня и темпа, несмотря на специфические, присущие советской системе руководства наукой, условия. Организаторами школы были В.А.Энгельгардт и сменивший его в 70-х годах Р.Б.Хесин.

В конце 80-х годов, после смерти В.А.Энгельгардта, общесоюз-

ные школы по молекулярной биологии прекратили свое существование. Главной причиной случившегося было, пожалуй, отрицательное отношение к их идее академика Ю.А.Овчинникова. Необходимость же в продолжении таких высокопрофессиональных межотраслевых семинаров была по-прежнему велика. Конечно, на западе в рамках программ FEBS (Европейского союза биохимических обществ) и EMBO (Европейского объединения молекулярных биологов) проходили школы-семинары как по широкому кругу проблем, с приглашением мировых знаменитостей, так и по достаточно узким проблемам с организацией практических занятий для освоения новейших технологий эксперимента, но они были совершенно недоступны для большинства отечественных, тем более молодых, исследователей. В истории нашей молекулярной биологии однажды (в 1970 г.) был организован такого рода международный семинар (в рамках СЭВа) — Школа по микрометодам в исследовании нуклеиновых кислот в Новосибирском Академгородке. Теоретические же школы семинары, закрытые в конце 80-х, не исчерпали себя еще и потому, что с углублением специализации, естественной для современной науки, возникла серьезная опасность "потерять за деревьями лес": вошедшие в биологию физики и химики не ставили больших общебиологических задач, не вполне понимая их. Период "биологизации" молекулярной биологии был неизбежен, и пока "у руля" были такие крупные биологи-энциклопедисты как В.А.Энгельгардт, Н.В.Тимофеев-Ресовский, Р.Б.Хесин, их деятельность, само их присутствие, были фактором объединяющим, сдерживающим и рационализирующим одновременно. С их уходом связи между отдельными направлениями стали распадаться.

На одну из последних школ был приглашен крупный палеоботаник, известный своими работами по проблемам эволюции, В.А.Красилов. После его лекции завязался спор между ним и членом-корреспондентом АН СССР М.В.Волькенштейном, в котором молодой человек из Владивостокского Института биологии моря легко "осадил" постоянного лектора школы, маститого ученого, специалиста в области физики макромолекул. Последовали вопросы и других "школьников", поразившие Красилова, как он заметил, "безграмотностью молекулярных биологов в вопросах общей биологии". Необходимость регулярного "выхода в свет" для обсуждения общих проблем, иллюстрируемая историей, свидетелем которой довелось быть автору, продолжала оставаться актуальной для массы работающих в области молекулярной биологии специалистов.

За время, отведенное судьбой В.А.Энгельгардту быть во главе отечественной школы молекулярной биологии, ему приходилось не раз, в различных ситуациях, выступать и историком своей науки. Это были специальные записки "наверх" с разъяснением важности углубленного экспериментального подхода в изучении

проблем живого в целом; были выступления на научных симпозиумах с обязательным экскурсом в историю проблемы; выступления в защиту отдельных направлений исследования, с трудом пробивающего себе дорогу в условиях жесточайшей конкуренции, направлявшейся, как становится очевидным, опытной рукой авторитарного руководства наукой. В 1984 году тексты этих выступлений были его учениками объединены в сборник "Познание явлений жизни", подготовленный к 90-летию ученого и вышедший уже через полгода после его смерти (29). Знакомство с этими работами (они были рассчитаны на широкую аудиторию) убеждают в том, что В.А. придавал большое значение существованию единого фронта биологических исследований. Он был убежден в необходимости преодоления разобщенности ученых, преодоления конфронтации, выходящей за рамки научных проблем, равно как и в необходимости терпеливого разъяснения места новой науки как специалистам (см. например доклад на пленарном заседании II Съезда ВОГИС им. Н.И.Вавилова, 1971), так и далеким от науки ее "организаторам" (подготовительные материалы к обоснованию постановления ЦК и Совмина о молекулярной биологии и генетике) (30). Ему естественным образом приходилось считаться с существованием бюрократии на всех уровнях (академическом и выше), быть и жить в специфических условиях сосуществования науки репрессируемой и репрессивной.

Сохранились и тексты неопубликованных выступлений на многочисленных методологических семинарах, а также перед аудиторией философов, писателей (доклад "Внутренний мир ученого", датированный 26.2.1960; беседы на тему "Наука на рубеже живого и неживого", "Движущие силы научного творчества", ЦДЛ, 28.2.1963 и 19.3.1965 г.). В институтском и личном архивах можно найти подготовительные материалы. Они дают представление о стиле работы ученого, а также об обстоятельствах, ее инициирующих.

В соответствии со сложившейся в советское время традицией — подводить итоги всякого рода деятельности к юбилеям Великого Октября, В.А.Энгельгардт подготовил выступление, адресованное Общему собранию Академии в ноябре 1977 г., и в кратком изложении предыстории сегодняшних достижений, после скромной ритуальной фразы "о государстве реализованного социализма" прежде всего говорил о преемственности, традициях, присущих русской науке. Тесные связи развития молекулярной биологии "с предшествовавшими науками, прежде всего биохимией и физиологией" выглядят в этом изложении совершенно очевидными.

"Праотцом" нашей нынешней молекулярной биологии Энгельгардт называет А.Н.Баха и ведет историю институализации новой науки от Института биохимии Наркомздрава, созданного

Бахом в 1921 г., через Физико-химический институт им. Карпова и Институт экспериментальной биологии, организованный под руководством Н.К.Кольцова. Институты — первые центры химического, физического и биологического подходов к изучению живого — были созданы в непосредственном соседстве, научном единении, и в этом Энгельгардту в конце 1970-х хотелось видеть "элементы некоего пророческого прозрения в сравнительно отдаленное будущее, порой почти на полвека вперед". Работам Баха и его школы по изучению биологического катализа Энгельгардт придает первостепенное значение, т.к. учение о ферментах лежит по его мнению, "в фундаменте всей биологической динамики живого мира". Работы же Кольцова, говорит Энгельгардт, "дают свидетельство замечательного синтеза двух основных концепций тогдашней или ближайшей по времени биологической науки". Одна из этих концепций — "постулат что молекула биологического вещества (предполагается белок) может служить носителем целого мира важнейших свойств живого вещества, всей совокупности явлений наследственности".

Иллюстрируя это заключение слайдом — схемой строения хромосомы, "предложенной смелой интуицией Кольцова", Энгельгардт отмечает, что это положение заключает в себе "квинт-эссенцию будущей молекулярной биологии: биологическая функция как результат структуры макромолекулы, неразрывное единство структуры и функции". Отмечая несомненную важность концепции Кольцова, Энгельгардт подчеркивает его приоритет в формулировании гипотезы матричного механизма для продукции биологических макромолекул, являющегося и механизмом передачи их функции, а вследствие этого и признака организма, с ними связанного. Излагая далее в своем докладе "Пути развития молекулярной биологии в СССР" факты истории, Энгельгардт подробно рассказывает о работах А.Р.Кизеля и А.Н.Белозерского, принадлежащего к школе Кизеля, еще в предвоенные годы; о Международном физиологическом конгрессе 1935 г. в Москве и Ленинграде, на котором, по его мнению, уже оформилось сообщество биохимиков; о достижениях в своей области — открытии А.Е.Браунштейном ферментов «переаминирования аминокислот, формулировании В.А.Энгельгардтом и М.Н.Любимовой концепции о природе механо-химических процессов на примере мышечного сокращения...

На сессиях по поводу юбилея государства не принято говорить о недостатках в организации государственной науки, поэтому, минуя события мрачного послевоенного десятилетия, Энгельгардт переходит ко времени 60-х, начиная с события, открывающего десятилетие — Международного биохимического конгресса в Москве 1960 г. Он отдает должное "дальновидной научно-организационной политике государства, в частности, Академии наук", проявившейся в том, что оно еще до Международного

конгресса, в 1959 г., приняло решение об организации в системе Академии наук центра молекулярно-биологических исследований — Института радиационной и физико-химической биологии и не забывает подчеркнуть положительную роль в этом важном деле вице-президента (и по совместительству комиссара) Академии, академика (уже покойного) Александра Васильевича Топчиева. За пределами рассмотрения Энгельгардт, с присущим ему достоинством, оставляет свою собственную роль лидера-организатора и направления, и института, и последующих комплексных программ исследования, в значительной мере определивших успех деятельности отечественных молекулярно-биологических школ на многие годы.

Так, неспешно, складывается картина поступательного движения отечественной биологии к уровню современной, достойно решающей задачи научно-технической революции, науки.

"Строгие" историки отечественной биологии (наверное, и Н.П.Дубинин, и В.Н.Соифёр), не забывающие упомянуть имя академика В.А.Энгельгардта (среди многих) в составе редколлегии журналов, публиковавших решения сессии ВАСХНИЛ 1948 г., статьи к 50-летию Т.Д.Лысенко и прочие ритуальные вещи, не приминули бы упрекнуть В.А. в конформизме и за этот доклад, представляющий развитие молекулярной биологии в Советском Союзе как "широкую, гладкую дорогу, грудью проложенную" строем советских ученых. Несомненно одно: не обладай лидер нового направления способностями тонкого дипломата в дополнение к энциклопедическим знаниям, научной интуиции и преданности своей науке, вряд ли молекулярная биология оформилась бы в Союзе как самостоятельная область знания к концу 60-х, вряд ли работы русских биологов, после позора 40-х годов, так скоро вернулись бы на страницы престижных международных журналов, как "Nature", "Science", J. Biochem., а в 80-е уверенно заполнили бы номера новых "Cell", "Gene", "J. of Molecular Biology".

Возвращаясь к упомянутому Энгельгардтом Международному биохимическому конгрессу 1960 г., следует отметить, что в программе его заседаний не было секции с названием "молекулярная биология", т.к. говорить о "биологии молекул" считалось непозволительным. Неприятие термина оказалось стойким. Если при организации института термин не получил права на существование и на конгрессе 1960 года не звучал, то позднее, когда Секцией химико-технологических наук в Академии, куда входило организационно Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений, объединявшее работающих в области молекулярной биологии советских ученых, руководил химик-органик академик Ю.А.Овчинников, в ходу был более приятный его слуху термин "физико-химическая биология". Поэтому на конгрессе Союза европейских биохимических обще-

ств в Москве в 1984 г., проходившем под председательством Ю.А.Овчинникова, уже не было секции "молекулярной биологии". Сам же термин "молекулярная биология" имеет русское происхождение и впервые встречается в работе Л.К.Попова, опубликованной им в журнале "Русская речь" 1881 г. (см. работу историка А.П.Пилипенко) (31).

Пилипенко вносит в наши представления о последовательности событий в истории молекулярной биологии еще одну поправку. Идея матричности, приоритет возникновения которой приписывается Н.К.Кольцову, возникла в европейской науке независимо от исследований русского ученого и была принята в том числе и в Германии, что, разумеется не умаляет значение гипотезы Кольцова. Высказанное же отечественными историками предположение о том, что идея Кольцова проникла в европейскую науку при посредстве ученика Кольцова Н.В.Тимофеева-Ресовского (32), работавшего, как известно, в Германии с 1925 по 1945 г., и стимулировала исследование английскими учеными двуспиральной структуры ДНК, вряд ли имеет под собой серьезные основания.

Имен всех ученых, создававших отечественную молекулярную биологию, не назвать в главе исторического очерка, особенно если иметь в виду не только перечислить их, но и объяснить содержание исследований. Нельзя однако не упомянуть о работе, которую можно рассматривать как первый крупный успех на пути установления факта универсальности функции ДНК в живой клетке. Это был серьезный вклад в мировую молекулярную (или физико-химическую, это вопрос терминологии, понятия не вполне совпадающее, но перекрывающиеся) биологию. А.Н.Белозерскому, работавшему на кафедре биохимии растений МГУ, еще в 1935 г. удалось показать присутствие ДНК (по тогдашней терминологии — тимонуклеиновой кислоты, изолированной из тимуса телят), не только в других животных организмах, но и в растениях, а в 1939—40-м годах — в микроорганизмах (33). С этих открытий начались систематические исследования нуклеиновых кислот в физиологическом и таксономическом плане, ведущиеся в лаборатории им. А.Н.Белозерского и сегодня. За четыре года до открытия информационной РНК в 1961 г., Белозерский и его сотрудники предсказали существование РНК, коррелирующей по составу с ДНК клетки. Это РНК с функцией связующего звена в передаче наследственной информации от ДНК к белкам в полном соответствии со схемой ДНК—РНК—белок, сформулированной позже и известной как центральная догма молекулярной биологии (34).

Исследования получили широкую известность. В СССР А.Н.Белозерский был избран действительным членом Академии наук, в конце 60-х возглавил новое в Академии Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соедине-

ний, что, несомненно было свидетельством признания в СССР значимости этого направления биологической науки. На посту академика-секретаря А.Н.Белозерского сменил академик А.А.Баев.

Важным фактором истории становления молекулярной биологии в СССР было сотрудничество двух институтов — Института молекулярной биологии и Института биоорганической химии (при организации их одновременно в 1959 г. назывались Институт радиационной и физико-химической биологии и Институт химии природных соединений соответственно). Длительное соседство в одном здании, сосуществование коллективов и их лидеров, сотрудничество-соперничество, временами достаточно жесткое, постепенное расхождение интересов и задач, эволюция и трансформация тематики институтов к настоящему времени — любопытная глава истории отечественной молекулярной биологии. В уже цитированном докладе 1977 г. В.А.Энгельгардт, обозревая начальный период работы обоих институтов, с удовлетворением отмечал сотрудничество коллективов, называя их руководителей "соорганизаторами молекулярной биологии в СССР".

В качестве примера успеха вновь организованного ИМБ Энгельгардт отмечал исследование, первым из выполненных целиком в Институте получившее международное признание — определение первичной структуры (последовательности нуклеотидов) транспортной РНК, специфичной для валина. Воспоминания же о трудностях выполнения этой работы, включая и организационные, лежавшие целиком на А.А.Баеве, были оставлены для "домашнего" институтского собрания. Вся история деятельности А.А.Баева в науке, так же как история его жизни, включая годы заключения и ссылки, вплоть до сегодняшнего лидерства в международной программе исследований генома человека, свидетельствует о недюжинной силе характера, организаторском и исследовательском таланте этого человека. Уже в самом выборе для исследования на рубеже 50-х — 60-х годов этой проблемы, по тем временам технически очень сложной, сказалось различие в подходах к исследованию руководства двух институтов. В устных анналах обоих институтов, сотрудники которых всегда были дружны, несмотря на временное охлаждение отношений и разногласия в руководстве, сохранилась легенда о том, как молодому сотруднику Г., ошибочно сделавшему прогноз о невыполнимости структурных исследований РНК в Союзе того времени на основании данных западной литературы (поиск был предпринят по заданию директора ИХПС, тогда академика М.М.Шемякина), было отказано в праве работать далее в Институте. Это случилось, когда отвергнутая им тематика успешно продвинулась у соседей... И в последующие годы сотрудникам Энгельгардта была обеспечена поддержка в самых, казалось бы, фантастических, об-

реченных исходно на неуспех, исследованиях. Напротив, молодой академик Ю.А.Овчинников, сменивший умершего в 1970 г. академика М.М.Шемякина, как правило, поддерживал только начинания, из которых с очевидностью следовал проект не менее чем государственного масштаба. При этом отсекался целый ряд чисто поисковых, получавших в Союзе поддержку только после признания их на Западе, направлений. Так было, в частности, с исследованиями биологических мембран, зревших в недрах института почти подпольно усилиями к.х.н. А.М.Шкроба. Такая позиция влиятельного организатора советской науки, каким был занявший вскоре пост вице-президента, входивший в состав ЦК КПСС (в качестве кандидата) и Президиум Верховного Совета РСФСР (в качестве зам. председ.), Ю.А.Овчинникова в ряде случаев работала скорее на отставание советской науки от мирового уровня, чем способствовала ее утверждению в положении лидирующей. Справедливости ради следует отметить, что в целом система организации работы в ИХПС-ИБХ, основанная на быстром переориентировании лабораторий на тематику, признаваемую в каждый данный момент перспективной, более гибка и менее инертна, нежели традиционно российская. Правда, система предполагала авторитарный характер руководства, совершенно несвойственный В.А.Энгельгардту.

Для понимания ситуации в отечественной биологии этого периода и роли отдельных личностей в формировании научной политики интересно взглянуть, как оценивали деятельность Ю.А.Овчинникова академик А.А.Баев и более молодые, одного поколения с Ю.А., академики А.С.Спирин и В.П.Скулачев. Таковую возможность дает сборник памяти Ю.А.Овчинникова (35).

"Перебирая в памяти эпизоды прошлого, — читаем на с. 26 эссе А.А.Баева, — ясно вижу, что практически кроме науки не существовало поводов и причин для единения: ни материальных интересов, ни совпадения биографий и характеров. И тогда и теперь это обстоятельство считаю особенно важным для понимания сложной личности Юрия Анатольевича Овчинникова. Он был крупным организатором и администратором, не имел свободной минуты, и, казалось, образ жизни не оставлял ему возможности для научных занятий и размышлений. Но это было не так: наука в действительности была главным содержанием его жизни. (...)Вышло так, что мы были избраны в члены-корреспонденты и затем в академики АН СССР в одно и то же время: 26.XI.1968 г. и 24.XI.1970 г. (36). Ему в то время не исполнилось даже 40, и он был в расцвете сил, а мне перевалило уже за 60, и пришел я к этому рубежу уже порядочно побитым жизнью. Прихотью судьбы наши жизненные пути пересеклись. Однако избрание еще не стало поводом для сближения.

Оно пришло гораздо позже — около 1974 г., когда Юрий Анатольевич стал вице-президентом АН СССР, а я был академи-

ком-секретарем Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений. И дело тут было не в служебной субординации, а в совпадении научных интересов.

Юрий Анатольевич по образованию своему и "академическому воспитанию" — химик-органик, а я — медик по образованию и биолог по роду своей научной деятельности. Жизненная ситуация однако, привела к сближению интересов. Я приблизился к химической сфере, занимаясь первичной структурой транспортных нуклеиновых кислот, Юрий Анатольевич совершал в то время движение в сторону биологии. (...)Биологизация научных интересов и деятельности Юрия Анатольевича потребовала, конечно, большой внутренней работы и, как мне кажется, она далеко не каждому по силам: для этого нужны энергия, духовная подвижность и восприимчивость. (...)Чем бы ни была вызвана такая эволюция, биология нашей страны (точнее сказать, физико-химическая биология) только выиграла. Благодаря его неутомимой деятельности физико-химическая биология получила мощный импульс и вышла из состояния забвения и застоя, в котором она находилась ранее. Правительственные постановления, сюда относящиеся, были приняты благодаря инициативе Юрия Анатольевича. Он лучший организатор науки, которого мне пришлось встретить, — его отличали размах, смелость и настойчивость, основанные на трезвых оценках и глубоких знаниях".

В.П.Скулачев, крупнейший специалист в области биоэнергетики, рассказывает об организации Юрием Анатольевичем отечественных исследований по структуре бактериородопсина: "У Юрия Анатольевича было особое чутье на перспективность работы. Поняв, что "игра стоит свеч", он, как говорится, "заводился с пол-оборота" Так возник проект "Родопсин" — предприятие, объединившее, как теперь говорят, на неформальной основе усилия четырех лабораторий: Ю.А.Овчинникова в Институте биоорганической химии, Л.П.Каюшина в Институте биофизики, М.А.Островского в Институте химической физики и биоэнергетики МГУ (...) Впервые была определена последовательность аминокислот в мембранном белке — биологическом преобразователе энергии".

Таково было "неформальное" объединение специалистов вокруг вице-президента Академии, и никакой другой научной группе в СССР решить технически задачу определения структуры белка столь большой молекулярной массы не было по силам, это чрезвычайно дорогой эксперимент. Это была выдающаяся работа, и умение (и возможности) директора ИБХ переориентировать людей на бросок в "очередную горячую точку" имели первостепенное значение.

"Существует мнение, — вспоминает А.С.Спирин, — что Ю.А.Овчинников был энтузиастом, вдохновителем и организатором

ром, в первую очередь, прикладных — биоинженерных — исследований в АН СССР. Действительно, он возглавил многие биоинженерные работы в собственном институте, организовал межотраслевой биоинженерный комплекс, стимулировал прикладные работы в других институтах и организациях. Но его любовью была фундаментальная наука, и он отдавал ей безусловный приоритет. Сотрудники его собственной большой лаборатории занимались фундаментальными исследованиями. (...) И вместе с тем, он в своих выступлениях часто делал акцент на прикладных аспектах науки. Мне кажется, что было несколько причин такой двойственности. Одна — официальные требования того времени. Следуя им и организуя прикладные исследования, Юрию Анатольевичу удалось привлечь финансовые средства и другую поддержку правительственных инстанций. Другая причина — Ю.А.Овчинников, по-видимому, искренне считал, что постановка прикладных работ современного уровня во многих научных учреждениях Академии наук сможет серьезно поднять методический класс и общую культуру исследований, а также придать целенаправленность работе в лабораториях и институтах среднего и низкого уровня, которые у нас преобладают. (...) Не хотелось бы здесь говорить много слов о роли Ю.А.Овчинникова в пропаганде значения молекулярной биологии и биоорганической химии для современного общества в нашей стране, в отстаивании интересов науки перед высшими официальными лицами и правительством (...) — это общеизвестно".

Коллеги по созидательной деятельности в отечественной биологии — В.А.Энгельгардт и А.А.Баев — до конца жизни старшего из них сохранили, несмотря на солидный возраст и опыт младшего, отношения учителя и ученика. История этой дружбы и сотрудничества неординарна. Только в последние годы, после смерти В.А.Энгельгардта, А.А.Баев, выступая публично, рассказывает об обстоятельствах своей жизни, навсегда связавших его с Владимиром Александровичем чувством признательности.

Врач по образованию, А.А.Баев в 1935 г. поступил в аспирантуру Медицинского факультета Казанского университета в лабораторию профессора В.А.Энгельгардта. В описании последующих трагических перемен — ареста в 1937 г. А.А.Баева, не принимавшего участия ни в каких политических партиях и группировках — уместно выражение "попасть между жерновами". Когда готовился политический процесс по делу так называемого "правотроцкистского блока", вместе с Н.И.Бухариным был арестован его ученик по Институту красной профессуры А.Н.Слепков, а следом и его брат, генетик, преподававший в Казани. Баев был среди аспирантов, прослушавших у Слепкова обязательный курс под названием "методология биологии", был именно среди тех, кто не захотел клеветать ни на лектора, ни на слушателей в ответ на поставленный следователем вопрос о контрреволюционной

вредительской деятельности Слепкова по созданию массовой террористической организации. К следствию были привлечены все 150 аспирантов (три группы по 30 человек в Казанском университете и две в Педагогическом институте), многие из которых, и в их числе Баев, уже уехали из Казани к этому времени. Выступая в 1989 г. на вечере в МДУ, устроенном исторической секцией МДУ и академической комиссией по реабилитации ученых, А.А., с характерной для него сдержанностью рассказал о совершенно потрясших слушателей обстоятельствах следствия. Рассказчик, пройдя "конвейер", "пенал", карцер (таков был, вероятно), неполный перечень применяемых к подсудимым мер); — только на суде понял тщетность своих усилий противостоять репрессивной машине: приговор был предпринят и совершенно не зависел от того, проявит ли обвиняемый мужество, как это сделал Баев, или же подпишет предложенные ему протоколы (37).

Много позже, уже отбыв срок в Соловецкой тюрьме, Александр Александрович был переведен в лагерь на общие совершенно непосильные работы, от которых вскоре его спасла возможность быть врачом на лагерном фельдшерском пункте. Профессия врача давала шанс сохранить себя для возвращения к жизни, исследовательской деятельности. По свидетельству бывшего лагерника И.Б.Паншина, и теперь еще норильчанина, в Норильске чтут память доктора Баева, спасшего жизнь многим заключенным и сыльным: в краеведческом музее города есть посвященная ему экспозиция (38).

"Мой долг сказать, — писал академик А.А.Баев в мемуарах 1989 г., — что я вернулся к жизни и науке в значительной мере, даже исключительно, благодаря вмешательству Владимира Александровича Энгельгардта. Это стоило ему больших хлопот в течение 10 лет с 1944 по 1954 г..." (39).

О защите в 1946 г. своей кандидатской диссертации А.А. рассказывает не только в связи с участием В.А.Энгельгардта в устройстве для него, ссыльного, вызова в Москву и предоставлении своей библиотеки для доработки текста диссертации, написанной в 1937 г., в соответствии с литературой 1946 г., но отдавая дань памяти участию в своей судьбе академика Л.А.Орбели. Леон Абгарович обеспечил защиту соискателя, еще не восстановленного полностью в гражданских правах, своим авторитетом председателя ученого совета (выступление А.А.Баева на ученом совете ИИЕ и Т РАН, посвященном памяти академика Л.А.Орбели в 1991 г.).

Все годы после 1954-го деятельность А.А.Баева связана с институтом Энгельгардта (также часть работ была перенесена в Институт физиологии и биохимии микроорганизмов (ИФБМ) в Пушкино-на-Оке), Отделением биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений, Советом по молекулярной

биологии и, в последние годы, Советом по проекту "Геном человека".

О работе академика А.А.Баева по последнему проекту следует сказать особо. Сам факт включения российских биологов в международный проект такого масштаба в ситуации начала 80-х важен чрезвычайно по двум обстоятельствам: во-первых, подтягивание отечественных исследований к мировому уровню, научная кооперация, облегчающая решение трудных для российских ученых технологических проблем. С другой стороны, нельзя забывать об ограничениях в доступности для российской науки мощного информационного поля на Западе, определенном сопротивлении инициаторов проекта в США допуску СССР к банку данных по проекту. Все эти трудности были преодолены организаторами российской части проекта в Москве в значительной степени благодаря научному авторитету акад. А.А.Баева, его настойчивости, методической работе (см. информационные материалы Научного совета, выступления А.А.Баева на специальном заседании Президиума РАН 13 октября 1992 г.) (40).

10 января 1994 г. Институт молекулярной биологии поздравлял академика Баева с 90-м днем рождения, а 31 октября 1994 г. стало известно о присуждении ему Демидовской премии, возобновленной в России.

Рассматриваемый период истории отечественной биологии, когда в СССР, вслед мировым тенденциям, был масштабно осуществлен переход на новый уровень исследования, был труден для переживавших его ученых. И тем не менее, в этих условиях, по их инициативе возникали локальные очаги, где уже реализовались элементы молекулярно-биологических подходов. В 1967 г. Энгельгардт, кроме уже оформившихся как центры ИМБ, ИАЭ и кафедры А.Н.Белозерского в МГУ, мог назвать группы в Институте высокомолекулярных соединений, Институте онкологии, Институте микробиологии, Институте полиомиелита. При обсуждении путей и формы развития организационной структуры молекулярной биологии в этих условиях возникала идея объединения, координации не только в плане выработки научной стратегии — для этого уже существовал Научный совет по проблемам молекулярной биологии, но для организации исследований, противостояния всякого рода ограничивающим влияниям. Наедине с собой, в отчаянии ища выхода, сознавая недостаточность имевшихся возможностей для поддержания высокого уровня своей науки, озабоченный необходимостью "идти в ногу, а не отставать и догонять", Энгельгардт допускал даже перспективу создания некоего "Главного управления при Совете Министров или Госкомитета по молекулярной биологии" Это рассуждение в терминах времени естественно. Оно реализовалось позже, без организации подобных структур, в привлечении ученых к подготовке постановлений ЦК и

Совмина (сначала общего решения по науке 1968 г., затем специальных, по поводу молекулярной биологии и молекулярной генетики в 1974 г. и физико-химической биологии и биотехнологии в 1981 г.). В решении этой чисто организационной задачи были задействованы не только авторитет ученых — лидеров указанных направлений, но и активность ученых, обладающих политическим влиянием, вхожих в верхние эшелоны власти. Роль Ю.А.Овчинникова в организации этих мероприятий в масштабе страны, как уже отмечалось, несомненна. Позже, когда уже набрали силу научные учреждения молекулярно-биологического профиля (из кафедры биохимии растений выделилась и стала межфакультетской Лаборатория им. А.Н.Белозерского, организовалась специальная кафедра под руководством академика А.С.Спирина, Радиобиологический отдел ИАЭ стал Институтом молекулярной генетики и вошел в состав Академии, были организованы соответствующие институты в составе ВАСХНИЛ и Министерства микробиологической промышленности, не говоря уже об устойчивом развитии направления в Биологическом центре АН СССР (г.Пушино) и учреждениях Сибирского отделения и Дальневосточного филиала в Академии), академик Овчинников выступил с идеей организации Центра, объединяющего под крышей общей дирекции институты, разрабатывающие проблемы физико-химической биологии.

Такого рода объединения уже существовали в союзной науке — онкологический и кардиологический центры, руководимые (и достаточно жестко) влиятельными людьми (в ранге министра здравоохранения и президента Академии медицинских наук) Н.Н.Блохиным и Е.И.Чазовым. Институты в составе центров не имели самостоятельности и целиком зависели в своей деятельности от воли Директората. В этих условиях (1982 г.) В.А.Энгельгардт считал неоправданным подвергать исследовательские учреждения перестройке, справедливо полагая, что укрупнение приведет только к усилению бюрократической структуры, не облегчающей, а, напротив, затрудняющей функционирование науки. Идея, в отличие от других организационных начинаний, была предложена к обсуждению не Отделению или Президиуму Академии, а совещанию представителей научной элиты биологов ("узкий круг" на 300 специалистов, приглашенных автором идеи). Благодаря решительности академика В.А.Энгельгардта, несколько обескуражившей инициатора сбора, предложение не получило поддержки и не было реализовано. Жизненный опыт 88-летнего Энгельгардта свидетельствовал о неприемлемости монополизма в науке.

В этой связи интересно рассмотреть ретроспективно организационную структуру самого энгельгардовского института. О принципе, положенном в основу его организации по составу специа-

листов уже говорилось. В состав первого ученого совета ИРФХБ входили Л.А.Зильбер, Л.А.Тумерман, А.Е.Браунштейн, М.Н.Мейсель, Б.Л.Астауров, Я.М.Варшавский и др. Первое заседание состоялось 19 сентября 1959 г., когда обсуждались общие установки плана на 1960 г. В них входили (цитировано по заметкам В.А. (41): "радиация (стоит в названии Института, обязывает нас, под это создавали институт, дали здание)"; "объекты исследования — от клетки и ниже, как правило, не выше клеточного уровня". Но при этом — "от нас ждут выходов в практику. Этих выходов два: природа первичных радиационных повреждений; природа злокачественного роста. Это — далекие цели. Путь к ним может оказаться длинным. Но хотелось бы, чтобы в каждой лаборатории намечались хотя бы направленные к эти целям шаги".

Вторая проблема была близка В.А.Энгельгардту еще и по причине его дружбы с автором теории вирусно-генетического происхождения опухолей, его однокашником, Л.А.Зильбером, выдающимся ученым и человеком трудной судьбы (42). Однако длительное время директор сдерживал, несмотря на приведенное выше заявление, форсированное развитие связанных с онкологией исследований в Институте, полагая, что уровень, достигнутый молекулярной биологией, еще не позволяет внести нечто реальное в решение проблемы злокачественного перерождения клетки. По мнению его близких сотрудников, В.А. "чувствовал какой-то крупный подвох в работах о раке" (43). Позднее, когда совместными усилиями вирусологов и молекулярных биологов были получены новые результаты в области изучения механизмов регуляции генетической информации, в Институте был организован соответствующий отдел, приглашены специалисты, заинтересованные в тематике. В 1984 г., незадолго до смерти, В.А. устроил семинар по онкогенам и сделал 40-минутный доклад, в котором, по свидетельству Л.Л.Киселева, "чрезвычайно живо и совершенно оригинально, не повторяя сложившиеся к тому времени стандарты, изложил данные литературы, придав им яркую собственную окраску" (44).

Рассматривая вопрос доминирования отдельных исследовательских тем в молекулярно-биологической программе Института как отражение общего состояния в проблематике этого раздела отечественной биологии, имеет смысл вернуться к направлению, названному Энгельгардтом в 1959 г. первым. Актуальность изучения природы первичных радиационных повреждений для рубежа 50-х — 60-х годов очевидна. И тем не менее, несмотря на запрограммированность этого направления в названии института, радиобиология в ИРФХБ-ИМБ не получила развития. Вероятно, первопричина в том, что работы по радиобиологии исторически в нашей стране были сосредоточены вне Академии наук, в специальных закрытых учреждениях. (Правда, минимальная

доза радиации, вызывающая разрыв хромосом человека, была установлена в ИРФХБ А.А.Прокофьевой-Бельговской). Лидером радиобиологического направления в СССР был, как известно, Н.В.Тимофеев-Ресовский. Его совершенно невоенные исследования молекулярных механизмов лучевого поражения, начатые в Берлин — Бухе до войны, как уже упоминалось, были продолжены в Союзе в условиях, унижавших ученого, что не позволило ему реализовать в полной мере свой научный потенциал не только в годы вынужденного пребывания на Урале, но и позже, в 60-е — 70-е годы в Москве и Обнинске. Реально сделанное Тимофеевым-Ресовским для практического решения проблемы радиационной защиты — его рекомендации, основанные на экспериментальном изучении распределения радионуклеидов в живых организмах и среде обитания — не были востребованы государством. Группа кинодокументалистов и учеников Тимофеева-Ресовского, снимавшая фильм о Зубре в середине 80-х годов, обнаружила дневники экспериментов героя брошенными в сарае на месте прекратившей свое существование в 50-х годах биостанции, на Урале, в районе лесных озер, заполненных "неучтенными" отходами радиоактивных производств. Теоретические разработки выдающегося радиобиолога и генетика нашли свое выражение в книгах, изданных позже и вошедших в науку в качестве классических, принятых во всех вузах биологического профиля.

Возможны и другие причины того, что радиобиологическая часть института Энгельгардта не состоялась. По свидетельству "человека со стороны", не из науки, дальнего родственника В.А., последний страшился того, что выражено во фразе Воннегута "все, что ни придумают ученые, годится для войны". По мнению же Я.М.Варшавского, заведующего лабораторией изотопных методов, отношение Энгельгардта к радиобиологии определялось тем, что "с точки зрения науки, по его представлению, действие ионизирующей радиации на живой организм — это патология, внесенная самой деятельностью людей. В процессе эволюции такое воздействие не играло роли, естественный отбор шел без него. Энгельгардт полагал, что пока мы не понимаем норму, смешно заниматься патологией" (45). Справедливо, что Энгельгардт ставил перед собой задачу "разобраться в химических механизмах нормальных процессов жизнедеятельности", но круг его научных интересов был несомненно шире.

В.А.Энгельгардт был в оппозиции к Академии, не принимавшей Тимофеева-Ресовского, привлекал его к работе в рамках академических программ, о чем свидетельствуют многие документы, в том числе и следующий (46):

Свердловск, 25.2.1962

Москва В-312, 1-й Академ. проезд

18

Ин-т радиац. и физ.-хим.биологии

Дир. ин-та, Предс. Научного Совета
по комплексной проблеме "Биологические функции белка и
структуры клетки"

Академику Энгельгардту В.А.

В ответ на Ваше письмо от 20.1.1962 (исх. 1-407-211а) сообщая, что по секциям "Изучение на молекулярном уровне физических, химических и структурных основ жизненных процессов" и "Клетка как основная форма организации жизни" комплексной проблемы "Биологические функции белка и структуры клетки" лабораторией биофизики БИУФАН в кооперации с теоретическим отделом ин-та Физики металлов АН СССР и Отделением Кибернетики ин-та Математики СО АН СССР разрабатываются следующие темы:

1. Теоретический анализ возможных физических и физико-химических механизмов, связанных с проблемой строения и ауторепродукции внутриклеточных управляющих систем, в первую очередь хромосом.

а) (...)

2. Экспериментально-теоретические исследования механизмов образования необратимых изменений хромосом.

а) Выяснение природы первичных изменений при возникновении хромосомных мутаций под воздействием радиации (Н.В.Тимофеев-Ресовский, Н.В.Лучник, Л.С.Царапкин, Н.А.Порядкова, П.С.Зырянов, Г.Г.Талуц).

б) Изучение влияния физических, химических и биологических сопутствующих факторов на процент необратимых хромосомных изменений, вызванных радиацией) (...).

в) Анализ механизмов восстановления первичных радиационных изменений хромосом (...).

г) Анализ значения матричного принципа и механизмов ауторепродукции в формировании необратимых пострадиационных изменений хромосом. (...)

Зав.Лаб.Биофизики

(Тимофеев-Ресовский Н.В.)

В конце 1970 г. Энгельгардтом был инициирован проект "Ревертаза", направленный на исследование синтеза ДНК на матрице РНК, процесса обратной транскрипции, открытого при изуче-

нии РНК-содержащих вирусов. Проект был выведен на международный уровень с участием институтов академии наук ГДР и Чехословакии. Ему удалось создать, выражаясь современным языком, неформальный временный научный коллектив для решения актуальной научной проблемы.

Можно полагать, что решение этой задачи было бы под силу и отечественным ученым, но действительный смысл и значение такого объединения усилий (хотя бы в рамках СЭВа, пусть соответствующая программа сотрудничества и кормила чиновников управлений внешних сношений всех задействованных академий) очевиден: дух изоляционизма чужд науке.

Со временем обстановка в Институте Энгельгардта заметно менялась. Как все научные коллективы, Институт прошел максимум развития (пришедший на середину 70-х годов), дальше было плато, повышающегося или слегка снижающегося уровня, до следующего мощного стимула — объединения вокруг новой программы. Последние годы жизни В.А. испытывал большие трудности в руководстве коллективом, в котором естественным образом произошло расслоение, накопились разногласия в отношении научной политики. Пришедшим в одно время в институт ученым, достигшим высокого профессионального уровня и стремившимся к независимости, становилось тесно идти рядом, возникали сложности психологического характера. Думая об отставке, Энгельгардт пытался принять меры к сдерживанию тенденций, приобретающих разрушительный характер. Приведенный ниже документ — схема "административного устройства", предложенная уставшим, но не отчаявшимся академиком, — как в капле воды отражает невеселую картину жизни нашей науки на любом уровне: института, академии, Сибирского Отделения и т.д. (47):

"1. Установить на неопределенный срок временный (переходный) период. Основание: в Институте еще не улеглись страсти и бушует групповой азарт; не известно еще, как работают два зам.директора; вероятно будут необходимы организационные перестройки.

2. Существуют 4 ключевые функции: (1) выбор целей и приоритетов в научных исследованиях, связанные с этим структурные перестройки; (2) штаты и деньги; (3) поездки сотрудников за рубеж; (4) реактивы и приборы из кап.стран; распределение этих функций является решающим источником влияния и действительной власти, все остальное имеет второстепенное значение в том смысле, что оно не является постоянным и серьезным источником конфликтов и не может стать орудием создания группировок.

3. На переходный период за директором остается решение следующих 3 вопросов: (1) одобрение новых и существенных

направлений исследований в лаборатории (отделе, группе), в особенности, одобрение тематики, требующей дополнительной площади, штатов, денег, оборудования; (2) поездки сотрудников за рубеж; (3) заявки и распределение оборудования и реактивов из зап. стран.

4. Вводятся в практику оперативные совещания (директор, три зама, секретарь парторганизации ??), где будут оглашаться решения директора или приниматься таковые после коллективного обсуждения.

5. Всякие ссылки на вышестоящих лиц следует перепроверять.

6. Всякий серьезный разговор с директором должен подкрепляться краткой памятной запиской.

Заместители — власть исполнительная, но не законодательная;

заместителей следует поставить в положение, которое вынуждает их к согласованным действиям; решения по-возможности следует принимать в присутствии двух заместителей".

Два вопросительных знака следом за упоминанием секретаря парторганизации в числе приглашаемых на оперативные совещания легко объяснимы: в споре претендентов на руководящие посты в качестве третейского судьи уже привлекался Октябрьский райком партии и Энгельгардт уже возражал против вмешательства райкома в дела института — стоит ли повторять?

Разумеется, возможности академика не были безграничны. Вместе со всеми он не мог избежать присущих его времени "дипломатических маневров". Целью их было преодоление и помощь своему окружению в преодолении тех ограничений, которые ставила перед учеными административно-командная советская система.

Примечание к главе IV

1. См. журналы "Молекулярная биология", "Генетика", "Биоорганическая химия", "Доклады Академии наук", серия биологическая.

2. Институт молекулярной биологии АН СССР. М., "Наука", 1972. Институт молекулярной генетики АН СССР (ИМГ АН СССР). Краткий справочник М., "Наука", 1984.

3. Серия монографий "Академические чтения", задуманная как расширенное изложение докладов, сделанных авторами на заседаниях Президиума АН СССР. В них можно найти обзоры развития исследований в отдельных областях науки в СССР. См., например Г.П.Георгиев. Гены высших организмов и их экспрессия. М., "Наука", 1989.

См. также А.Н.Белозерский. Молекулярная биология — новая ступень в познании природы. М., "Советская Россия", 1970.

4. Архив РАН, ф. 450, ед.хр. 6, л. 18 —21 (и об).

5. Текст выступления Н.В.Тимофеева-Ресовского см. ВИЕТ, 1990, № 3, 106—114.
6. А.Е.Гайсинович, Зарождение и развитие генетики, с. 280 —340.
7. Н.П.Дубинин. Генетика. Страницы истории. Кишинев, "Штаница", 1988. с. 251—328.
8. Every, O.T. et al. The Journal of exp. medicine, 1944, v.79, N2, p.137 —158.
9. Агробиология, 1946, № 3, с. 145.
10. Там же, с. 157.
11. Там же, с. 146.
12. Every, O.T. The Journal of exp. medicine, 1946, v.83, N.2, p.89 —96.
13. Агробиология, 1946, № 3, с. 159.
14. Э.Шредингер. Что такое жизнь с точки зрения физики? М., 1947.
15. Adams, M. Research and the Russian University. // The Academic Research Enterprise with in the Industrialized Nations: Comparativ Perspectives. Report of Symposium. March 1990. Nat. Acad. Press, N.Y.-L., D.C., p.64.
16. Э.Бауэр. Физические основы в биологии. М., 1930.
17. Э.С.Бауэр. Теоретическая биология. М., 1935.
18. Стенограмма научной конференции ВИЭМ (14—15 мая 1935 г.) // Эрвин Бауэр и теоретическая биология. Пущино, 1993, с. 205—255. Публикация Л.Г.Охнянской.
19. Д.В.Лебедев, частное сообщение.
20. Б.П.Токин. Теоретическая биология и творчество Э.С.Бауэра. М., Изд. МГУ, 1963.
21. Б.П.Токин. Вехи жизни Э.Бауэра. // Э.С.Бауэр. Теоретическая биология. Будапешт. 1982, с. 286.
22. С.Э.Шноль. Эрвин Бауэр и теоретическая биология. // Природа, 1990, № 12, с. 78—84.
23. А.А.Баев. Владимир Александрович Энгельгардт в Казани. // Воспоминания о В.А.Энгельгардте. М., 1989, с. 21.
24. Вестник Академии наук СССР, 1952, № 2, с. 15—16.
25. В архиве академика В.А.Энгельгардта (Институт молекулярной биологии РАН, Кабинет-музей В.А.Энгельгардта) сохранился экземпляр программы, в которой сформулированы основные направления исследований физико-химических и структурных основ жизненных явлений, как их представлял себе В.А. в 1957 г. Обращает на себя внимание современное звучание формулировок тем. Впоследствии, в начале 1970-х гг., когда в Академии проходила кампания составления долгосрочных прогнозов, В.А.Энгельгардт возвращался к этой проблеме. Материалы — 35 страниц машинописи с правкой автора — сохранены в ИМБ.
26. Архив В.А.Энгельгардта в ИМБ РАН. Структуру Института, сложившуюся в течение первых 10-ти лет его существования см. в сб. "Институт молекулярной биологии", М., "Наука, 1972; перемены, происшедшие в течение следующих 15 лет нашли свое отражение в аналогичном справочнике издания, опубликованном к 25-ти летию ИМБ (М., "Наука, 1984).
27. В.Н.Гвоздев. Памяти Романа Бениаминовича Хесина. // Цитология, XXIX, № 2, с. 244—248; Ж.Г.Шмерлинг. Некоторые ненаучные аспекты научной биографии Р.Б.Хесина. // Репрессированная наука, вып. 2, 1994, с. 278—285.
28. А.Б.Хесин. Непостоянство генома: М., "Наука", 1985.
29. В.А.Энгельгардт. Познание явлений жизни. М., Наука, 1984.
30. Архив В.А.Энгельгардта в ИМБ РАН.
31. А.П.Цилипенко. ВИЕТ, 1968, № 2, с. 80—82.

32. Это же предположение высказывал в своих выступлениях (в том числе и в популярной телевизионной программе "Под знаком Л") С.Э.Шноль. Представляя публикацию "Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим", Шноль писал: "Кольцовскую оригинальную идею не поняли современники, а понял лишь его ученик Тимофеев-Ресовский, который громогласно пропагандировал на семинарах в Европе (Германии, Дании, Англии, США, Франции) — ученик Тимофеева-Ресовского Макс Дельбрюк развил идею в США, а ученик Дельбрюка Уотсон открыл двойную спираль...". ("Человек", 1991, № 2, с. 170 —171).

33. Белозерский А.Н. Ученые записки МГУ, 1935, вып. 13, с. 209; Микробиология, 1944, т. 13, с. 23.

34. Опубликовано: Сб. The Nucl. Acids, v.3, Acad Press, N.Y.-L. 1960.

35. Юрий Анатольевич Овчинников. Жизнь и научная деятельность. М., "Наука", 1991.

36. Трудно удержаться от воспоминаний о личных впечатлениях. В 1970 г. мне довелось, будучи соавтором части работ академика А.А.Баева, включенных в материалы доклада его, вновь избранного академика, собранию Отделения, присутствовать на этом собрании в Московском Доме Ученых. Прозвучал доклад и нового академика Ю.А.Овчинникова. Блестящий оратор и немного актер (что отмечали многие, его знавшие), Ю.А. сделал очень яркий доклад, в котором специалистов смутило только одно обстоятельство: из доклада нельзя было понять, что есть теория метода электронно-парамагнитного резонанса, используемого докладчиком в его исследованиях, а что есть результат его собственного и проведенного под его руководством эксперимента. В докладе все прозвучало единым и неразделимым ни временем, ни участием других лабораторий, порывом.

37. Вдова поэта и философа Даниила Леонидовича Андреева, А.А.Андреева, вспоминая обстоятельства своего и мужа ареста и следствия, писала: "Героев на следствии среди нас не было. (...) Почему на фоне героических партизан, антифашистов, членов Сопротивления так слабы были многие из русских интеллигентов? Об этом не любят рассказывать.

Понятия непопорядочности и предательства в таких масштабах отпадают. Многие из тех, кто оговаривал на следствии себя и других (а подчас это было одно и то же), заслуживают величайшего уважения в своей остальной жизни.

Основных причин я вижу две. Страх, продолжавшийся не одно десятилетие, который заранее подтачивал волю к сопротивлению, причем именно к сопротивлению "органам". Большая часть людей, безусловно достойных имени героев, держалась героически короткое время и в экстремальных условиях, по сравнению с их обычной жизнью. У нас же нормой был именно этот выматывающий душу страх, именно он был нашей повседневной жизнью.

А вторая причина та, что мы никогда не были политическими деятелями. Есть целый комплекс черт характера и правил поведения, который должен быть присущ политическому деятелю — революционеру или контрреволюционеру, это все равно, — у нас его не было.

Мы были духовным противостоянием эпохе, при всей нашей слабости и беззащитности. Этим-то противостоянием и были страшны для всевластной тирании. Я думаю, что те, кто пронес слабые огоньки зажженных свечей сквозь бурю и непогоду, не всегда даже осознавая это, сделали свое дело". См.: Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой. // Даниил Андреев. Собр. соч. в 3-х томах. Т.1, с. 16—17. М. 1993, с. 16—17.)

Жизнь Александра Александровича Баева свидетельствует о том, что он, несомненно, остается среди сделавших свое дело с полным осознанием смысла его поступков. Чрезвычайно интересна статья А.А.Баева "Продолжаю оставаться оптимистом", в которой он сам, вспоминая события 1937 г., объясняет свою жизненную позицию российского гражданина и патриота (в общепринятом и лучшем,

а не затасканном ныне по страницам средств массовой информации, смысле этого слова) и в прошлом, и в постсоветском настоящем:

"Вопрос о моральной ответственности возник позже, в тюремной камере Соловецкого монастыря после моего ареста в 1937 г. И там, за решеткой, был найден ответ. Я пришел к мысли, что мое поведение в 30-е годы по-человечески было понятно, но в моральном смысле непростительно. Я тюрьму заслужил, но вовсе не потому, что будто бы принадлежал к организации молодых бухаринцев, за что меня судила коллегия Верховного суда в Лефортове в 1937 г., а за нарушение законов морали — примирение со злом. Как ни странно, это сознание облегчило мое существование в тюрьме..." (...) "Ни один из современников каких-либо событий, — считает А.А.Баев, — не может считать себя полностью свободным от прямой или косвенной ответственности за них, особенно в нашем обществе, где мы все связаны общими действиями и взглядами (по крайней мере до эпохи плюрализма). Стыдно уклоняться от собственной ответственности и прикидываться Иваном, не помнящим родства".

Объясняя, почему он вступил в ряды членов КПСС в 1964 г. — быть вместе с Россией, которая по тем или иным обстоятельствам уже выбрала этот путь — Александр Александрович отвечает и еще на один трудный вопрос: почему он не порвал свой билет публично на манер известного режиссера М.Захарова. А.А.Баев остался, чтобы нести ответственность в соответствии со своими нравственными принципами, не позволившими ему, подобно многим, кинуться к шлюпкам и панически покинуть тонущий корабль... ("Человек", 1991, № 1, с. 140).

38. Паншин И.Б., частное сообщение.

39. Баев А.А. В.А.Энгельгардт в Казани. // Воспоминания о В.А.Энгельгардта, М., 1989, с. 43—45.

40. Вестник РАН, 1993, № 2, с. 89.

41. Архив В.А.Энгельгардта в ИМБ РАН.

42. Зильбер Л.А. Операция "Руда". // "Наука и жизнь", 1966, № 12, с. 57—61, Киселев Л.Л., Абелев Г.И., Киселев Ф.Л. "Как Сирано Де Бержерак, он мог гордиться белым султаном своего боевого шлема... // Природа, 1994, № 6, с. 66. См. также: Природа, 1984, № 3, с. 82; Каверин В. Освещенные окна, М., 1968; Каверин В. Эпилог, М., 1989.

43. Воспоминания о В.А.Энгельгардте. М., 1989, с. 274.

44. Там же, с. 66.

45. Там же, с. 270.

46. Архив В.А.Энгельгардта в ИМБ РАН. Подлинник, публ. впервые.

47. Там же, рабочие материалы.

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ (Вместо заключения)

Рассмотрение проблем историографии новейшей истории отечественной биологии, не претендующее на исчерпывающее, убеждает, что необходимость их подробного изучения действительно существует. Если история генетики в СССР, несмотря на некоторую ущербность подходов к ней в советской историографии, все-таки разработана, в истории становления и развития в СССР молекулярной биологии происходит только накопление фактов. Настоятельная необходимость их обобщения и анализа уже ощущается. Нерасторопность и неразворотливость советских экспериментаторов, определяемая в большей степени трудностями технического и организационного порядка, чем инерцией мышления, тем не менее значительно опережает таковую у историков. Последнюю же можно скорее объяснить присущей историку консервативностью и дистанцированностью, чем какими бы то ни было внешними обстоятельствами. Обратившись и здесь к зарубежному опыту, можно только с удивлением заметить, что в США уже создана история осуществления гигантского исследовательского международного проекта в области молекулярной биологии "Геном человека", причем рассматривается и российская его часть, руководимая академиками А.А.Баевым и А.Д.Мирзабековым. Это уже история.

Существенно, что анализ советского, пусть в чем-то доморощенного, исторического опыта совершенно необходим для того, чтобы сегодняшним днем не просчитаться в построении схем организации науки в новых условиях. Преобладающее теперь в обществе негативное отношение к социалистическому опыту мешает трезвому извлечению из нашей недавней истории тех элементов организации и управления наукой, без которых в современных, быстро меняющихся условиях она не сможет существовать. Как видно даже из неглубокого, чисто оценочного анализа наших последних реорганизаций, простое заимствование бытующих в мире форм не дает положительного результата, на который рассчитывают наши реформаторы. Например, не сработала в советских условиях западная грантовая система финансирования исследований, сколько ее ни пропагандировали, плохо приживается (уже в 1994-м) и контрактная система.

Кроме этой задачи — анализ и прогноз — важна и другая: восстановление последовательности событий, заполнение "белых пятен" (а есть просто "белые страницы") отечественной истории науки.

Наконец, последнее, что хотелось бы отметить, это эволюция самих историко-научных исследований. Из рассматриваемых в настоящем очерке сюжетов она хорошо просматривается на историографии изучения творчества Н.И.Вавилова. Библиография

трудов о Вавилове обширна, но только в последние годы значительно расширился круг тем, появились социальные аспекты. Привлечение большого количества вновь выявленных архивных материалов прояснило лишь намеченные ранее вопросы творчества (экологическая генетика, циклические скрещивания как оригинальный прием, предложенный Вавиловым, но не введенный им в практику эксперимента). Впервые сформулировано представление о комплексной научной программе Вавилова, а между тем значение такого исследования весьма ощутимо. Программа Вавилова с науковедческой позиции уникальна. В судьбе программы, не реализованной при жизни автора, отразились, с одной стороны, энциклопедические традиции русской науки и проблемы осуществления фундаментального исследования в условиях приоритета прагматической концепции науки, с другой.

Представляет актуальный интерес также рассмотрение и других научных программ в отечественной биологии, сформулированных или предложенных к реализации в советское время. К ряду проблем, в них затрагиваемых, современная наука возвращается естественно на новом этапе своего развития. К числу таких программ, помимо уже названной программы Вавилова, в первую очередь можно отнести программу А.Л.Чижевского (космическая биология), Э.С.Бауэра (теоретическая биология), А.Г.Гурвича (теория биологического силового поля), Л.А.Зильбера (вирусо-генетическая теория происхождения рака), Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина (биотерапия злокачественного роста) и ряд других.

Так, теория вирусо-генетического происхождения опухолей общепризнана, новые экспериментальные исследования уже 2-х десятилетий построены целиком на представлениях Л.А.Зильбера и его последователей. Осужденные в 1948 г. и прерванные исследования А.Г.Гурвича, автора понятия "биологического поля", объясняющего "согласованное поведение многочисленных компонентов развивающегося организма или структуры, а также согласованные действия отдельных частей функционирующего органа или всего организма", были возобновлены только в конце 60-х годов в маленькой лаборатории АМН под руководством его дочери, А.А.Гурвич. В Германии же, в г.Кайзерслаутерн, давно и успешно работает лаборатория физика — теоретика профессора Ф.-А.Поппа, с помощью современного оборудования интенсивно изучающая физическую природу митогенетического излучения — "лучей Гурвича". Благодаря поддержке профессора Поппа, ректора МГУ и Университетского центра биотехнологии только в 1993 г. организована Лаборатория биофизики развития им. А.Г.Гурвича (как часть Международного института биофизики), а в сентябре 1994 г. в Москве, наконец, проведена первая в послевоенные годы международная конференция по этой проблеме.

В Московском же университете в 1988 г. усилиями учеников Г.И.Роскина возобновлены исследования уникального биологического феномена несовместимости определенного вида инфекции и злокачественного роста в одном организме — явления, лежащего в основе действия противоопухолевого препарата, исследования которого драматическим образом были приостановлены сначала в 1951, затем — и уже окончательно — в 1970-м. Только в 1994 г. эта работа получила поддержку от Российского фонда фундаментальных исследований, причем не без влияния на решение о поддержке интереса, проявленного к исследованиям на Западе. Финансирование минимально, работа продвигается с большим трудом, и это несмотря на не ослабевающую необходимость в реализации биотерапевтического подхода для лечения онкологических заболеваний.

Названные программы, в основе составленные из фундаментальных задач, решение которых позволяло сделать крупные обобщения и сформулировать теории, включали обязательную и естественную постановку задач практических.

Наука в России традиционно была государственной. Возникшие в предреволюционные годы начала века частные фонды и учреждения не получили развития. В советское время наша наука существовала в безальтернативной ситуации опеки государства, со всеми издержками пирамидально построенной системы руководства, и только теперь стала перед реальной проблемой настоящей ее перестройки. Высказанная теперешним Министерством науки и технологии (не оригинальная) идея организации науки по схеме технополиса, вполне приложима к реализации перечисленных выше программ. В каждой из них часть разработок прикладного характера при разумной организации могла бы обеспечить финансирование фундаментальных исследований в той же области. Опыт напоминающей эту форму организации советского времени, неутешителен и может быть проиллюстрирован на примере научных исследований, переданных в ВПК. История этих исследований по понятным причинам еще не проанализирована и в этой сфере об открытости архивов говорить еще не приходится.

В архиве В.А.Энгельгардта, в разрозненном виде, есть материалы, касающиеся этой темы. Так, например, при подготовке в середине 60-х годов специального решения (постановления) ЦК о преимущественном развитии молекулярной биологии и генетики на одну-две пятилетки, просматривая полученные им рабочие материала, В.А. делает заметки, что именно из перечисленных тем можно было бы, без ущерба для программы, передать в ВПК. Хорошо просматривается борьба в душе академика двух тенденций: больше передать — больше обеспечить финансирование работ, что, несомненно, ускорит успех дела, но при этом закроет путь к опубликованию результатов в открытой печати.

Показательна в этом смысле программа А.Л.Чижевского, исследования которого в 30-е годы проходили под присмотром НКВД. Ущерб, нанесенный этим обстоятельством личной судьбе ученого и судьбе научного направления, очевиден. Несомненно отрицательное влияние внимания, проявленного правительством и компетентными органами к развитию уже упоминавшихся исследований по проблеме биотерапии рака на их начальном этапе (1946 — 1950). Тема секретности в советской науке, касающаяся, правда, в большей степени технических, а из естественных — физики и химии и в меньшей степени биологии, хотя понятие "биологическое оружие" — тоже новшество науки XX века, — только привлекает внимание историков. Материалы единственного, проведенного в 1991 г. в Ленинграде по этой проблеме симпозиума так и не были опубликованы.

История любого из современных направлений отечественной науки — это история выживания научного сообщества в условиях культивируемого властью деления его на противостоящие группы — репресслируемую и репресслирующую. В координатах этого противостояния трудно реализовать объективные критерии оценки результатов научного творчества. Опыт подобного выживания заслуживает уважительного описания, а не порицания. Выстояли, к сожалению, не все из "взятых за руки" и выжили не все из достойных, и не только в 30-х — 40-х, еще вчера. Всем известна судьба Ж.Медведева, ныне европейца, но очень мало кто слышал о А.Б.Иорданском, хотя многотиражная в 1982 г. "Литературная газета" опубликовала о нем полосу (посмертно). Цитолог, специалист по морфологии хромосом редкого для 70-х годов уровня. При организации в 1974 г. в системе ВАСХНИЛ Института прикладной молекулярной биологии, институты "большой" академии, желая поддержать сильно пострадавшее при Лысенко направление, отдали туда лучшие специальные кадры. Из лаборатории А.А.Прокофьевой-Бельговской (ИМБ) перешел А.Б.Иорданский, из Института общей генетики (от Н.П.Дубинина) — В.Н.Сойфер. Письмо Алексея Борисовича Иорданского к Владимиру Александровичу Энгельгардту не нуждается в комментарии:

"Дорогой Владимир Александрович!

Извините, что беспокою Вас на отдыхе, но положение мое так невероятно и ужасно, что извинит, надеюсь, мою бестактность.

В январе этого года мне почти удалось создать, наконец, в ВАСХНИЛе первую после гибели Г.А.Левитского хромосомную лабораторию и наладить ее работу. Однако уже в феврале был готов приказ о ее упразднении в связи с "сокращением числа подразделений". У оставшейся группы отнято три еди-

ницы и, что самое болезненное, — фотокомната с лаборантом. А ведь весь анализ делается на фотографиях!

Чтобы придать погрому видимость логичности, Президенту представили копию диагноза 30-ти летней давности, а до того в психоневрологический диспансер было направлено письмо с просьбой освидетельствовать мое состояние (...)

Кроме моей уничтожены еще две лаборатории, имевшие отношение к молекулярной биологии — Сойфера и Морозкина, а такие своеобразные направления исследований, как изучение пригодности гуано рыб (!) для удобрения полей и тепла вод атомных электростанции для обогрева теплиц, приветствуются и поощряются. Вот Вам и вся “прикладная молекулярная биология” сельскохозяйственных растений в понимании нашего руководства. Добавьте к этому переделку яровых в озимые, которой занимаются у И.Е.Глуценко (того самого), и Вы получите представление о главных направлениях ВНИ-ИПМБГ.

Одним словом, я живу в атмосфере тридцати-, а то и сорокалетней давности. Судите сами, если готовится еще одно письмо в диспансер в связи с моим продолжающимся непослушанием...

Так что мне теперь не до проектов. Нужно срочно спастись и искать свидетелей того, что до перехода во ВНИ-ИПМБГ в моем поведении не наблюдалось ничего ненормального. За таким подтверждением хочу обратиться в ИМБ. А вот бежать некуда. Начинаю подумывать (прости, господи) об Институте Общей Генетики. Теперь мне не до моральных категорий. Ведь на мою Каинову печать адвокатов не будет, поскольку я далеко не так популярен, как Ж.Медведев.

(...) Как ни странно, в наших невероятных условиях мы все же смогли что-то сделать. Расширили работу по твердым и мягким пшеницам до уровня, достаточного для регистрации открытиа “Кариотипический полиморфизм сортов пшеницы”, выяснили кариотипическую ситуацию у ячменя и ржи. Последняя работа позволяет предложить способ повышения фертильности тетраплоидной (возможно и диплоидной) ржи на основе создания форм, которые можно назвать дидиплоидами, или псевдоамфидиплоидами. Так что если для внедрения хромосомного анализа в селекцию пшеницы необходимо исследование коррелятивных связей хромосом и признаков, то у ржи дело проще. Уже сейчас мы можем стать участниками селекционной работы в содружестве с Р.Г.Бутенко (дигиплоиды из культуры пыльников) с одной стороны и неким селекционером с другой. Нужно только развязать наши руки и ноги тоже.

Владимир Александрович! Если Вы сочтете возможным чем-либо помочь мне в нынешней ситуации, то сейчас для этого самое время. Если нет, я ведь очень хорошо понимаю, что

без Ваших выступлений лаборатория кариологии ВНИИПМБГ была бы закрыта на два года раньше.

3 июля 1979 г.

С искренним уважением А.Иорданский“
(Архив ИМБ, подлинник)

Ответ был дан (через месяц, по не зависящим от В.А. случайным обстоятельствам):

“...Из письма Вашего вижу, что обстановка, которая сложилась в отношении Вашей работы в ВАСХНИЛовском институте, в который Вы перешли, в высокой степени сложна и неблагоприятна, настолько, что дать какой-нибудь совет я просто теряюсь, сам я не вижу для этого каких-либо реальных форм. Могу только сказать, что то, о чем Вы сами упоминаете — относительно Института общей генетики, мне представляется такой возможностью, которой во всяком случае не следует пренебрегать и не следует упускать. Конечно тут есть известное число моментов мало благоприятного характера, но в сложившихся условиях об этом думать не следует, а если представится положительный случай — выход, чтобы избраться из создавшейся для Вас ситуации, то это и следует использовать. По существу говоря, это единственное, что я могу сказать, и с большой степенью определенности.

Что касается того, чтобы засвидетельствовать, что на протяжении многих лет работы в нашем Институте, около 15 лет, Вы все время, без каких бы то ни было перерывов, вели регулярную и продуктивную работу, о чем говорит опубликование нескольких печатных сообщений, то такого рода свидетельство я готов дать. Только мне не ясно, надо ли это сделать, сославшись на Вашу просьбу, или, что мне кажется лучше, — в ответ на какой-либо запрос, направленный из того или иного учреждения. (...)“

(Архив ИМБ, отпуск).

Несмотря на поддержку, В.А.Энгельгардта, положение попавшего в переплет А.Б.Иорданского не решилось. В 1982 г. А.Б., уже поправившийся после перенесенного инфаркта, не смог пережить второго, случившегося с ним, когда сотрудники принесли ему известие, что партийное бюро ВНИИПМБГ не рекомендовало его, доктора биологических наук, к избранию на новый срок в должности старшего научного сотрудника.

Не стало еще одного светлого человека, энергичного, не очень умеющего уживаться с диктатом в науке. Отодвинулось во времени использование в отечественной практике сделанного им в исследовании хромосом знаков.

В приведенных письме и ответе обращает на себя внимание упоминание Института общей генетики явно со знаком "минус". Напомним, что это бывший Вавиловский институт, в который, казалось бы, наконец, после годов засилия Лысенко, пришел генетик Н.П.Дубинин. Ставши директором, Н.П. проявил неприимиримость к своим научным оппонентам (В.Сойферу, А.Гольдфарбу и др.) в духе кампании, которую сам Дубинин переживал в молодости.

Когда в середине 1980-х годов в среде историков науки активизировалось обсуждение социальных аспектов истории отечественной науки советского периода и возник термин "репрессированная наука", смысл его не вызвал недоумения. Сомнения некоторых касались лишь того, стоит ли трудиться изучать содержание этой науки, развивавшейся под прессингом системы и ее идеологии и, следовательно, ущербной. Не возвращаясь к этому уже решенному вопросу, отмечу лишь, что содержанием наступающей стороны — науки репрессивной — никто как бы не интересовался. А между тем, иницированные сверху дискуссии входили в научную жизнь и продолжали достаточно самостоятельно существовать в ней.

Механизмы, приводившие в движение эту активную силу, можно попытаться перечислить. Это общественные науки, подминавшие под себя науку гуманитарную; это система выделения приоритетов, основанная не на независимой экспертизе, а на лоббировании интересов чиновников околонаучной и научной групп; обслуживание социальных заказов ведомств не в общепринятом здравом смысле, а в интересах сегодняшнего расклада сил; это формирование научных школ по выживанию и влиянию; это, наконец, существование экспериментаторов высокого класса в "ужасающих условиях научной нищеты" и выдавливание наиболее несогласных в "отказники" и, вероятно, многое другое. В конкретном выражении, применительно к нашему предмету — это не только Лысенко, Лепешинская и Бошьян с их абсурдными проектами, обеспеченными правами на жизнь некомпетентностью партийного руководства. Это и конкретная борьба во вполне научной области, но не идей, а личностей (как протекционизм проекта кровезаменителей, и гибель инженера Белоярцева, и исключение из партии и снятие с должности профессора Иваницкого); это прикладная молекулярная биология и давление со стороны ВАСХНИЛ; это дорогостоящие биотехнологические проекты, не достигающие цели (отечественный инсулин, диагностические противовирусные препараты и т.п.).

Необходимо исключить диктат, порождающий деление на науку репрессированную и репрессивную.

Разумная и перспективная научная политика государства может быть сформирована при условии, если определяющие ее лидеры направлений будут опираться на здравый смысл и интуи-

цию — главные качества, благодаря которым (в сочетании с принципом несовместимости чистого дела и грязных рук), по общему мнению, человечество существует и развивается. Современное дистанцирование государства от судеб науки в стране — непростительная ошибка. Эта позиция лежит вообще вне российских традиций: история государственной науки в России насчитывает 270 лет и совпадает с историей Императорской — Российской — Союзной — Российской Академии наук, возникшей в России, в отличие от Европы, раньше университетов.

С 1964 г. известен афоризм академика Л.А.Арцимовича — "наука находится на ладони государства и согревается теплом этой ладони", и это, конечно, "не благотворительность, а результат ясного понимания значения науки". Заключение английского журнала "Science Progress in the Twentieth Century" от 1913 г., процитированное К.А.Тимирязевым в 1915 г. в статье "Наука в современной жизни", — "Наука в наши дни не занимает принадлежащего ей по праву места; те, кто нами правит, мало смыслит в ее методах и в том, чему она учит" — звучит, к сожалению, вполне современно.

Нарушение жизненных интересов государства в результате деформации научной политики имело место в советской действительности и не перестает быть реальностью в настоящем. Историко-научный анализ проблем организации и функционирования науки в государстве, рассмотрение конкретных проявлений сотрудничества и столкновения интересов научного сообщества и государственных структур, судеб отдельных ученых и научных направлений особенно актуально в критические для развития государства и общества периоды. Проекты, с которыми связываются новые надежды, должны опираться на исторический опыт, как позитивный, так и негативный, чтобы не ушли в песок усилия нынешнего поколения реформаторов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абелев Г.И. 145
 Авакян А.А. 108
 Авдулов Н.П. 75, 77
 Адамс А. (Adams M.) 10, 29, 30, 46, 82, 143
 Аксинин Я.С. 79
 Александров В.Я. 14, 31
 Александров Г.Ф. 92, 99
 Алиханян С.И. 99
 Альтенбург 82
 Аллард Дж. (Allard J.A.) 85
 Амлинский В.И. 27
 Андреев В.Л. 144
 Андреева А.А. 78, 80
 Андроникашвили Э.Л. 125
 Арцимович Л.А. 153
 Арцыбашев Д.Д. 38, 80
 Астауров Б.Л. 13, 32, 138
 Аустерин 49
- Бабков В.В. 13, 24, 31, 33, 95, 108
 Баев А.А. 116, 118, 119, 121, 130, 132, 135, 136, 144, 146
 Базилевская Н.А. 75
 Бальдыш Г.М. 32, 70
 Баранов П.А. 34, 75, 108
 Барулина-Вавилова Е.И. 37
 Бауман К.Я. 58
 Бауэр Э.С. 17, 51, 114, 143, 147
 Бах А.Н. 112, 127
 Бахтеев Ф.Х. 32, 71, 74, 88
 Бахметьев П.И. 33
 Белицер В.А. 115
 Беленький Н.Г. 108
 Белозерский А.Н. 119, 128, 130, 136, 144
 Беляев Д.К. 12, 18
 Бенедиктов В.А. 97, 98, 100, 105
 Берг Л.С. 22, 82
 Берг Р.Л. 22, 23, 25, 28, 33, 95
 Бергер А. 49
- Беритов И.С. 115
 Бернал Дж. (Bernal J.) 26
 Берия Л.П. 26, 105
 Берия С.Л. 33
 Блюменфельд Л.А. 124
 Бобко Е.В. 106
 Бойко В.В. 71, 88
 Болл Е.К. (Boll E.) 82
 Бондарев В. 28
 Бордаков Л.П. 54
 Борисов И.А. 109
 Борков Г. 99
 Бородин Д.Н. 80, 82, 83
 Бошнян Г.М. 20
 Браунштейн А.Е. 111, 112, 115, 119, 128
 Бриджес К. (Bridges K.) 54
 Бруевич Н.Г. 93, 95, 102
 Булганин Н.А. 105
 Бурьгин 79
 Бугенко Р.Т. 150
 Бухарин Н.И. 103, 134
 Бэтсон У. (Bateson W.) 80, 86
- Вавилов Н.И. 10, 11, 13, 15, 17-19, 21, 25, 35-43, 45-51, 75, 82, 83, 86, 88, 89, 100, 108, 110, 112, 146
 Вавилов Олег 35
 Вавилов С.И. 32, 89
 Вавилов Юрий 35, 88
 Варунцян И.С. 108
 Варшавский Я.М. 134, 139
 Верски Г. (Werskey G.) 26, 34
 Виленский Е.Р. 71
 Вонсовский С.В. 124
 Волькенштейн М.В. 119, 126
 Воронцов Н.Н. 53, 85
 Восленский М. 70
 Вульф Е.В. 75
 Вышинский А.Я. 76
- Гайсинович А.Е. 14, 16, 31, 32,

- 45, 55, 68, 110, 113, 142
 Гайсинский Н. 48, 85
 Гамалея Н.Ф. 113
 Гвоздев В.Н. 143
 Гейнц Г.В. 75
 Георгиев Г.П. 118, 119, 142
 Гершензон С.М. 19, 20, 33, 102, 110
 Глеба Ю.Ю. 20
 Глебов Н. 79
 Глуценко И.А. 15, 150
 Говоров Л.И. 73
 Гольдгаузен М. 78
 Гольдфарб А. 152
 Горбунов Н.П. 38, 59
 Гранин Д. 23, 25, 27, 28, 33
 Грачева Н.П. 113, 114
 Грэхэм Л. (Graham L.) 10, 11, 20, 30, 31
 Гурвич А.Г. 147
- Дарлингтон С. (Darlington C.) 44, 108
 Демидов С.Ф. 108
 Детлаф Т.А. 31
 Дельбрюк М. (Delbrück M.) 144
 Добржанский Ф.Г. (Dobzhansky T.) 10, 26, 30, 31, 42, 43, 45
 Драгодинская В.М. 78
 Дробов Б. 79
 Дубинин Н.П. 18, 20, 31, 32, 45, 55, 61, 68, 89, 100-103, 105, 109, 110, 113, 123, 129, 142, 149, 152
 Дувакин В.Д. 29
 Дудинцев В.Д. 27
 Дунин М.С. 85
 Дэнн Л. (Dann L.) 46, 89
 Дяченко С.С. 29
- Енчмен Э. 103
 Есаков В.Д. 8, 31, 32, 80, 88, 105, 108-110,
- Жданов А.А. 25, 96, 99, 103, 104
- Жданов Ю.А. 95, 103, 104, 106, 108
 Жебрак А.Р. 89-91, 96, 99-102, 105, 106, 110
 Желиговский В.А. 108
 Житенева Л.Н. 79
 Жоравский Д. (Joravsky D.) 10, 30, 58, 87, 95
 Жуковский П.М. 77, 85, 96
 Журбин А.И. 79
- Завадовский Б.М. 96, 97
 Завадовский М.М. 17, 20, 33, 59
 Завадовская М.М. 20
 Завенягин А.П. 28
 Захаров И.А. 13
 Здродовский П.Ф. 25
 Зеленский М.А. 78
 Зеленухин И.А. 85
 Зильбер Л.А. 17, 25, 113, 138, 144, 147
 Зосимович В.П. 78
- Иванов И.И. 33
 Иванова С.С. 109
 Ильевич С. 80
 Иорданский А.Б. 149, 151
 Ипатьев В.Н. 22, 23, 42, 82
- Каверин В. 144
 Каргополова Н. 79
 Камзолкин В.П. 82
 Камераз А.Я. 75
 Канторович Л.В. 125
 Капланский С.Я. 115, 123
 Карлсон Э. (Carlson, Elof) 34, 45, 84
 Карпейский М.Я. 119
 Карпеченко Г.Л. 53, 54, 58, 60, 61, 73, 75, 87
 Каюшин Л.П. 133
 Кедров Б.М. 12
 Келдыш М.В. 14
 Керкис Ю.А. 63
 Кизель А.Р. 128
 Кирпичников М.С. 45

- Киселев Л.Л. 119, 138
 Киселев Ф.Л. 138
 Ключева Н.Г. 98, 99, 109, 147
 Ковалев Н.В. 75
 Козлов А.И. 97, 98
 Коль А.К. 15, 38
 Кольцов Н.К. 10, 13, 32, 105, 112, 127
 Комаров В.Л. 13, 35, 55, 71
 Константинов П.М. 59, 60, 105, 107
 Костов Д. 59, 65
 Конашев М. 43, 82
 Костяков А.Н. 108
 Корнеев С.Г. 69, 70
 Королев В.П. 25
 Кравец В.П. 82
 Краевский А.А. 119
 Красилов В.А. 126
 Красин Л.Б. 83
 Кузмин А. 28
 Кузнецов А.А. 103
 Кулешов Н.Н. 75
 Куртис Дж. (Curtis J.)
 Курчатов И.В. 117
 Кушнер Х. 98

 Лаптев И. 100, 101
 Лебедев Д.В. 20, 45, 116
 Левина Е.С. 30, 32, 80, 81, 109, 110
 Левит С.Г. 45, 83
 Левитский Г.А. 10, 50, 73, 75, 115
 Лепешинская О.Б. 20
 Лискун Е.Ф. 108
 Лисицин П.Н. 59, 60, 102
 Литов В. 100
 Лобашев М.Е. 79
 Лобанов П.П. 98, 108
 Лорх А.Г. 38
 Лутков А.Н. 75
 Лучник Н.В. 140
 Любимова М.Н. 128
 Любищев А.А. 17, 31
 Лысенко Т.Д. 11, 14, 15, 19, 32, 33, 50, 55, 58, 59, 61, 64, 77, 91, 93-97, 100, 102, 104, 106-108, 110, 113, 117, 129
 Лэнд Б. (Land D.) 34
 Ляпунов А.А. 124
 Лященко И.Ф. 79

 Максимов Н.А. 55
 Маленков А. 33
 Маленков Г.М. 25, 89-92, 104, 106, 107, 110
 Маневич Э.Д. 15, 22, 31, 33, 77, 93, 109
 Манойлов Е.О. 52
 Машталер Г.А. 62
 Медведев Ж. 10, 14, 30, 31, 148, 150
 Медведев Н.Н. 32
 Медников Б.М. 13
 Мейлер М. 34
 Мейсель М.Н. 138
 Мейстер Т.К. 37, 59
 Меллер Г. (Müller G.) 21, 26, 45-47, 54, 58, 59, 65, 84
 Мендель Г. (Mendel G.) 64, 66
 Мигдал А.Б. 125
 Микулинский С.Р. 31
 Минкин Л. 49
 Мирзоян Э.Н. 87
 Мирошникова А.П. 79
 Мирюта Ю.П. 80
 Мирзабеков А.Д. 112, 118, 146
 Митин М.Б. 19, 74, 75, 77, 95, 100, 105, 107
 Мичурин И.В. 93, 113
 Молотов В.М. 33, 74
 Мордвинкина А.И. 75
 Морган Т. (Morgan T.) 42
 Мошков Б.С. 103
 Муралов А.И. 19, 33
 Муромцев С.Н. 108
 Мюллер-Хилл Б. (Muller-Hill B.) 23, 25, 33

 Навашин М.С. 59, 105
 Насонов Д.Н. 115
 Несмеянов А.Н. 32, 117

- Нидхэм Дж. (Nedham J.) 93, 94
 Нуждин Н.И. 64
- Овчинников Ю.А. 119, 130,
 132, 134, 136, 144
 Орбели Л.А. 97, 102, 135
 Островский М.А. 133
 Офферман Ф. 83
- Палладин А.В. 112
 Пальмова Е.Ф. 75
 Панизовская Г.И. 32
 Пангало К.И. 37
 Панченко Н.П. 79
 Паншин Б.А. 75, 77
 Паншин И.Б. 28, 77, 135, 144
 Петров А.М. 52
 Петрова С.А. 52
 Пилипенко А.П. 130, 143
 Писарев В.Е. 55, 82, 85
 Поволочко П.А. 78
 Подъяпольский П.П. 53
 Полянский Ю.И. 31
 Поляков Н.М. 106
 Поповский М.А. 5, 14, 16, 19,
 31, 37, 48, 49, 55, 70, 75, 80, 82,
 88
 Поргиев П.Г. 79
 Попп Ф.-А. 147
 Порядкова Н.А. 140
 Поскребышев А.Н. 107
 Прокофьева-Бельговская А. А.
 31, 54, 139, 149
 Прошкин А. 29
 Презент И.И. 35, 77, 108
- Радаева Е.Н. 100
 Разенков И.П. 115
 Ракитянский Я.Г. 77, 88
 Рапорт И.А. 100
 Ревенкова А.И. 88
 Регель Р.Э. 38, 39, 52, 53, 71
 Резник С.Е. 16, 31, 37, 70
 Рожанский Н.А. 115
 Розентретер Н.А. 80
 Рокицкий П.Ф. 13, 18, 32
 Ромпе Р. 24
- Роскин Г.И. 98, 99, 109, 110,
 147, 148
 Россиянов К.О. 31, 110
 Рубинштейн Д.Л. 115
 Рыбин В.А. 53
- Сабинин Д.А. 102
 Савинова Л.Н. 36
 Савич А.В. 28
 Саконян Е. 24
 Сакс Г. 89, 90
 Сахарова Е.Н. 37
 Северин С.Е. 112
 Селянинов Г.Г. 103
 Семашко Н.И. 114
 Семенов Н.Н. 13
 Сениошкин А.Е. 79
 Серебровский А.С. 21, 33, 105
 Синская Е.Н. 18, 19, 31, 35, 58,
 74, 77, 87, 103
 Скрипчинский В.В. 79
 Скрыбин К.Г. 108
 Скулачев В.П. 132, 133
 Слепков А.Н. 134
 Слепков В.Н. 134
 Смирнова С.А. 78
 Соифер В.Н. 10, 14, 19, 20, 30,
 55, 89, 109, 129, 149
 Соколова К.Б. 14, 31
 Сокольская Б.Г. 75
 Сороко С. 98
 Соловьев Ю.И. 87
 Сперанская Е. 78, 80
 Спирин А.С. 123, 132, 136
 Сталин И.В. 105, 108, 110
 Старк Л. 49
 Стручков Д. 110
 Суворов С.Г. 95, 97-99
 Сукачев В.Н. 32
 Сурков А. 100
 Сциллард С. 116
- Таланов В.В. 55
 Талуц Г.Г. 140
 Тамм И.Е. 112
 Твардовский А. 100
 Термен Л.А. 25

- Тетерев В. 80
Тимирязев К.А. 153
Тимофеев-Ресовский Н.В. 17,
23, 25, 28, 29, 32, 42, 45, 112,
119, 124, 126, 130, 139, 140, 142
Токин Б.П. 116
Топчиев А.В. 129
Трафимец Н.Х. 78
Требущенко Б.Д. 78
Тумерман Л.А. 138
Туполев А.Н. 25
- Уклонская М.И. 79
Уотсон Дж. (Watson J.) 144
Ушаков Е.И. 108
Ушакова Е.П. 108
- Федоров А.А. 34
Филипченко Ю.А. 32, 45, 71
Фиш Г. 100
Фролов И.Т. 12, 13, 31
- Хаксли Дж. (Haxley J.) 15, 93,
94
Харлан Дж. (Harlan J.) 82
Харланд С. (Harland C.) 54, 94,
108
Хачатуров С.П. 64
Хесин Р.Б. 31, 123-126
Холдейн Дж. (Haldane J.V.C.)
26, 46, 89
Хрущев Н.С. 111
- Царапкин Л.С. 140
- Чазов Е.И. 137
Черняковский В.Г. 79
- Чижевский А.Л. 32, 33, 148,
149
- Шаповалов М.О. 47, 48, 84
Шварц С. 37
Шемякин М.М. 130, 132
Шепилов Д. 105
Шкроб А.М. 132
Шлыков Г.Н. 64, 74
Шмальгаузен И.И. 32, 104-106,
110
Шмальгаузен О.И. 32
Шмерлинг Ж.Г. 143
Шноль С.Э. 28, 33, 116, 142,
143
Шредингер Э. 114, 116, 142
Шпитальский 82
Штерн Л.С. 115
Шунденко С. 74
- Щербаков М. 110
- Эвери О. (Every O.) 113, 143
Эйг А. 48, 85
Эйхфельд И.Г. 52, 62, 77
Эмме Е.К. 75
Энгельгардт В.А. 31, 32, 111,
116-121, 126-128, 130, 134, 135,
137, 139, 141, 142, 149, 151
Эшби Э. 93, 94
Эфроимсон В.П. 17, 31
- Ягодинский В.Д. 32
Яковлев Я.А. 50, 62
Якушкин И.В. 108
Ярошевский М.Г. 17, 30

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	5
Глава I. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: "ИЗ ПЕРВЫХ РУК" И "ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ" Проблемы историографии истории отечественной биологии. — Западные советологи — исследователи науки в СССР. — Источники доступные и недоступ- ные. — Мемуары и "устная история". — История на- уки и публицистика в создании общественного мнени- я.	9
Глава II. Н.И.ВАВИЛОВ И "ВАВИЛОН" (1920-е —1930-е гг.) Архив ВИР — архив Н.И.Вавилова. — Перепи- ска Н.И. Вавилова как материал для его биогра- фии. — События истории советской науки в до- кументах Н.И.Вавилова. — Соратники Н.И.Вави- лова.	35
Глава III. НАКАНУНЕ СЕССИИ ВАСХНИЛ 1948 г. (1945—1948 гг.) Надежды на послевоенное возрождение. Письма в "последнюю инстанцию". — Реакция аппарата ЦК ВКП(б). — Доклад Ю.А. Жданова и ответ Т.Д.Лысенко. — Выбор сделан: борьба с "космополи- тизмом"	89
Глава IV. БОРЬБА ЗА НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ (1950-е —1970-е гг.) Физиологическая химия в России начала XX в. — Биологическая химия, физико-химическая и молеку- лярная биология. — Лидеры и организаторы новых направлений (В.А.Энгельгардт, А.Н.Белозерский, Н.В.Тимофеев-Ресовский, А.А.Баев, Р.Б.Хесин, Ю.А.Овчинников.)	111
СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ (Вме- сто заключения)	146
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	154

Левина Е.С.

Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский...
Биология в СССР: история и историография.

Printed in Russia

ЛР № 030620 от 11.11.94

Подписано в печать с оригинал-макета 17.07.95

Формат 60x88 1/16. Бум. офс. Печать офсетная

Усл. печ. л. 10. Усл. кр. отт.

Тираж 1000 экз.

Заказ 3457

«АИРО-XX»

119034, Москва, ул Остоженка, д. 7, кв. 69.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Ed. 500

